

АРТ

СОДЕРЖАНИЕ

КОМИ КЫВЛОН ВО

<i>B. Латышева.</i> Важ коми тёдсаяс, рёдня.....	4
<i>Д. Игнатова.</i> Мамёс бёрдёмён казтылём-лыддьёлём	9
<i>E. Рочев.</i> Олам поль-пöчлон му вылын. <i>Пьеса</i>	21
<i>A. Шебырев.</i> «Эн шегъясь аслад шудён...» <i>Кывбурыс</i>	36
«По вектору добра и духовности...» <i>Интервью с В.Н.Каликовым, председателем НКО «Парма»</i>	43

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

<i>E. Карпов.</i> «Как давно мы не виделись...». <i>Стихи</i>	54
<i>E. Суворов.</i> «Дали родины зовут...». <i>Стихи</i>	57
<i>B. Цивунин.</i> Время листьев. <i>Стихи</i>	60
B.В. Кушманов. К 70-летию со дня рождения	
<i>H. Обрезкова.</i> Лица ушедшего века	66
<i>B. Кушманов:</i> «За мною строчкой стихотворный след...».	
<i>Стихи и проза</i>	68

И.А. Куратовлы 170 во тыригкежжё

<i>B. Лимерова.</i> К вопросу об атрибуции	
«Зырянских песен» К.	90
«Зырянские песни» и другие материалы из Вологодских	
губернских ведомостей	93
<i>A. Панюков.</i> Из-за неразделённой любви	111
<i>G. Тираспольский.</i> Уроки прошлого и мысли о грядущем .	123
<i>P. Лимеров.</i> Эсхатологические мотивы в поэзии	
И.А. Куратова	127
<i>I. Костромина.</i> О переписке Г.С. Пыткина с	
И.А. Куратовым	135

АРТ-ФАКТ

<i>O. Орлова.</i> «Я верил в дух, безумен и упрям...»	
(к 80-летию со дня рождения Владислава Мамченко)	138
<i>N. Плаксина.</i> Иконопись, деревянная резная пластика,	
медное художественное литьё...	150

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. НОВОСТИ

Поэт, учёный, педагог	180
«Асья кыя» – утренняя заря	181
Новости культуры	186

Приложение к журналу CD-диск

«Александра Мишарина. Кывбурыс»

Сыктывкар
2009

Издания, вошедшие в Золотой фонд прессы, рекомендуются российским библиотекам для комплектования своих фондов.

Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал

Республиканской литературно-публицистической, историко-культурологической, художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках при финансовой поддержке Правительства Республики Коми.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru http://www.artlad.ru

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 14.05.09. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 3147. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

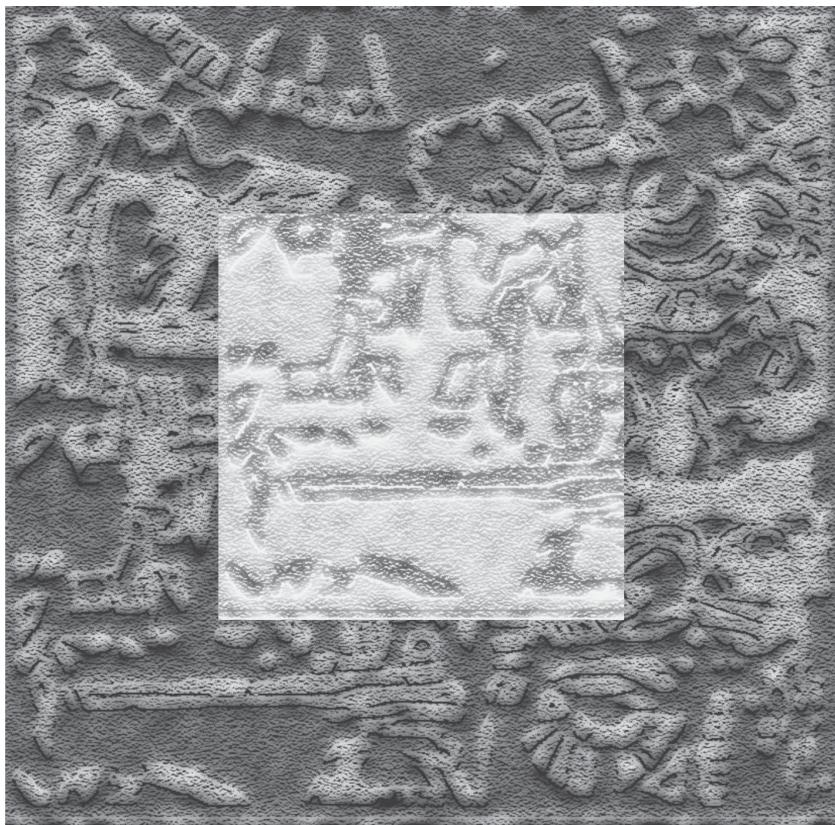
В оформлении обложки использована работа Владислава Мамченко «Памятник И.А. Куратову». Архитектор В.З. Эдельгаус. Бронза, гранит. Открыт 3 ноября 1977 года (г. Сыктывкар).

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикую материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йөзөдтөм гижёдъяс редакция оз рецензиурит и авторъяслы найёс оз мөддөй. Редакция оз век во ѿти кывиёй авторъяскöд.

КОМИ КЫВЛЁН ВО

ГОД КОМИ ЯЗЫКА

Вера Латышева

Вера Алексеевна Латышева после сельской Объячевской школы закончила Московский государственный университет им. Ломоносова. Одиннадцать лет работала в филиале АН СССР в г. Сыктывкаре, пятнадцать лет — в педагогическом институте.

С 1968 года — кандидат искусствоведения (защита в Ленинградском институте театра, музыки и кино). В 1993 году В.А. Латышевой присвоена степень доктора филологии (Казанский государственный университет). Тема диссертации — «Межнациональная общность и развитие драматургии восточных финно-угров».

Сейчас работает профессором на кафедре финно-угорской филологии в СГУ.

Написала 14 книг и около 300 статей по коми литературе и искусству.

Важ коми тёдсаяс, рёдня, ётлавын уджалысьяс...

Мыйлакё ётияс дінё комиён шыася, а мёдъяс дінё — рочён. Рочён — кодъяс ылі каръясын олёны, шоча волёны. Но бёрас комиён нин ставсö шуёны, чужан луздор диалектнас. Ме сідз жё сёрнита.

Медся тешкодь, кор кык «ва-коми» морт, сиктысь петёмъяс, сёрнитёны рочён: коми руыс ёна тёдчё, кывыйыс оз тырмы, сёрни шыыс — коми нога, но рочасьёны, — серамыд петё.

Уна во сайын рочён сёрнитысь морт йылысь позьё вёлі шуны, мый тайё коми мортыс — грамотной, вёвліс ылі мусысын. Оні тайё висьталё сёмын сы йылысь, мый мортыс чужан кывсö пыдди оз пукты.

А комиён шуёма сэтшом мича кывъяс, — пыр кёть тёд вылад кут!..

«Ог тёд, коді менё чужтліс,
Коді быдтіс, вердіс-удіс,
Сывны-майдны йёзö ләдзліс...
Гашкё, лёзов чёд тусь пиын
Быдми мейй вёр туй дорын,
Да юктіс кудъяс ветлышь-мунысь.
Гашкё, вёр ты пыдёс вавыс
Вёлі меным потан пыдди,
Чёж-пёткаыс öввö сывыліс.
Гашкё, вёлі лёния ворыс...
Меным висьтъяс йёлögаö
Тёлышь югёр чукörtаліс».

(Тима Вень, «Поэзия артмём», 1923)

«Муса ныланёй, мича аканьёй»... (И.Куратов)

Муса вок, муса пи... – коми литература пуксьёмсяянь кылам ми чужан кывльсья медся мича, съёлёмёй ииджан кывъяс.

То кыдзи сёрнитёны мёд во нин СГУ-ын велёдчысь финн-йёгра котыр.

«Поэзия артмём» кывбур йылысь наё шуёны: «Тайё кывбурыс Тима Венъён «философской – быттьё веськан поэтлон мирё» (Игнатова Юля).

«Поэзия оз ов йозысь, фольклорысь, культураясь торйон» (Попов А.П.).

Шуам, Нёбдинса Виттор пырёдчис олёмас, босьтис сэтысь коми мортлы медся донаён, авъяён, коланаён, матыссайон лоанасо да вуджёдис аслас гижёдъяс... «Чужи-быдми съёд вёр шёрын» восьтю олёмыслысь кадколастсо, код пыр пройдитис быд морт... да сэтысь аддэё асыс... Витторён ас чужанинс радейтёмыс – «быттьё гажтёмтчом коми олёмсыс...» (Андрей Терентьев). «Лирика геройлы мусаён ло маинас вайём юмидз, мёс йёв, сылон дукус... Талун на юргёны коми йёз повстын Нёбдинса Витторён кывбурыяс. Коми йёз оз вунёдны зарни кывъяссо, наё олёны йёз съёлёмын, шонтёны коми мортлысь олёмсё, отсалёны овны, радейтны, пыдди пуктыны. Кывбурыслён доныс сыын, мый наё восьтёны морт съёлёмын медся донаторъяссо. Ми кывбурыяс отсёгён кужам бурджыка донъявны олёмсё, кывны сийёс да радейтны» (Сидорова Лена).

«Савинлон кыпыйдось, съёлём вёрзьёданаось, мылаось сыланкывъясыс, кёни петкёдчисны коми войтырён оласногыс, видзёдластьясыс...» (Роноева Марина).

«Нёбдинса Виттор пёся радейтис Коми му, коми йёзёс, коми вёр-ва, петкёдл ис нальсь мелі, вежавидзысь этшсё, гижис аскиа лунё ышёдана кывбурыяс... Сылон шань, мелі, пёся съёлёмкылёмъясыс ышёдёны радлыны, шензыны мортгёрса мичлуннас, долыда видзёдны олём вылё, эскёдёны бурё» (Морохина Лена).

«Тима Венъ вежавидзёмён сёрнитё ывлавыскод, сёй лыдьё вёр-васо аслас велёдьысьён, вежёрайн, ыджыдён...» (Попов Александр, «Югыд вой, кёдзыд вой»).

«Тима Венълон вёр-ва йылысь гижёдъясыс лолалёны мичлунён, сёстомлунён, си дорё ыджыд радейтёмён... Найё тшётш абу сёмын вёр-ва йылысь, а си пытшын олысь морт йылысь... Гижысь сетё лыдьысысыль асыс пырны серпасас, ветлыны тулысас, кывны ставсё, мый кылло лирика геройыс... Тулысын ставыс ловзьё, выльсь чужё, садымё кузь тёвся вётысь. Мортлон лолыс тшётш быттьё садымё, миянёс гёгортись му-ва вылас ми видзёдам нин выль синмён, радлам сылы» (Лобанова Евгения).

«Тайё кывбурас позё аддзыны мортлысь став олёмсё, сильтис съёлёмкылёмъяссё. И та вёсна наёй ииджёны тэ пытшкё... Лыддян да лов вылад лоё долыд, лёссыд, нимкодь, кыпыйд» (Матвеева Любя, «Тувсовъя»).

«Вёр-ва сетё мортлы гижан енбисё, вын-эбёссё. Тима Венълон кывбурыясыс медся мёрччана петкёдлёны коми мортлысь олан сямсё, вежёрсё, лов шысё, руссё» (Попова Маша).

«Автор кёсёй шызьёдны том йёзёс мунны водзё, «пуны», сотчны, ловзыны, онявны. И мыита кыпыйдлун ми кылам тайё кывъясысы... Лыдьысысь пондё ломзыны. Автор тшёктё вынсёдны, бурмёдны олёмсё... орччёдё том мортёс ыджыд вына бикод, кыпыйд кывъяс быттьё содтёны том мортлысь вынсё» (Торопова Маша, «Том ёртлы»).

«Кывбур помын («Тёвланьё») лыдьысысысшыртё вильышлун да ви-

нёвлун. Окота чепёсайыны визув, кывзысъём зонка моз да пышыйны иславны лызьён» (Морохина Алёна).

«Поводдя вежсигён» висът – вуджан руа гижёт. Быд сёрникузяны петкёдчö вör-ваыслён öдий вежсяна здук... Тöлалöмис ачыс тшötш лоö вежласянаён, ичöтик здукён лöнь да бушков костын визьён» (Харкун Юля, «Поводдя вежсигён»).

«Кор сёйлём нор, мыйысьkö майшасьö, жалитö... сёмын сэки верман гижны, син водзö сувтöны татшöм серпастяс («Гудрасьö тай, кымрасьö...»).

Мöдэрö... синлы муса, гажа, сёйлёмлы муса серпастяс (мича енäж, югыд шондö, гажа рас, шоныд гожём), – сёйлём сыыlö татшöм серпаскöд öттшötш.

Кывбурыс быттьö абу весиг ар локтöм йылысь, а лов кылёмсö öткодялёма ар локтöмкöд... поэтлён сёйлёмис майшасьö да бöрдö» (Мирзоян Арменуи, «Аръявыв»).

«Гожся лунö» кывбурын «нырöдз воö косьмöм турун дукус. Сийö сэтшöм сöстöм да чöссыд. А пельын кылö турунлён дзажакылёмис, кодi сэтшöма тэнö лöннöдö...» (Боровлёва Юлия).

«Ми весиг кылам, кызды небыд тёв лöссыда чужомад öвтö. Кылам мездмöм, письтöм шоръяслысь, лымайысь мездмöм вörлөсь горсö. Кокныда ветлöдлö лоłyд... Лыддян, и кокниджык лолö, гажаджык, лолыд личмö и прöстмö. Тэ ачыд пырöдчан му-ва оломас и радлан вör-ваыскöд тулыс воёмлы, садьман, ловзян, нимкöдьон и долыдöн тыран» (Королёва Люба, «Тулыс воём»).

«Кывбурыс сыланкыв нога... лыддыны сийöс кывбур ногён зэв сёкыд, артмö небыд, мыла шылад, и ачыд тöдлыхтöг вуджан сыланкывйö... Художественной средствояс сетöны кывбурыслы тувсов рулысь кыпылдлунсö, содтöны образъяслысь озырлунсö... чужё тулыс рулён кокнилуныс, сöстöм сынöдьись юр кольмöмис» (Лобанова Евгения, «Тувсовъя»).

«Гижись восьтö миян водзын тувсовъя лунлышы став медмичасö да меддолыдсö, – сийöс, мый ассыыс сылысь сёйлёмсö вörзьёдö... Строкавыс помалö ставнас та водзын мунысь лолыштöмсö... Медводдза абзацыс лоö быттьö тулыслён лолыштöмён» (Терентьев Андрей, «Тулыс воём»).

«...На (лэбачьяс) бöрвыв енäжсянь нёйжийоник чёлалö медводдза лым...» – гижёма сидзи, мый быттьö став вör-ваыс ловъя» (Паршукова Юля, «Ар»).

«Син водзад сувтöны паськыд видзьяс, помтöм парма, сöдз ваа ёльяс, сöстöм юяс... Кокниа мунö, быд шы дорö кывзысъёмён, быд путор, быд турунтор радиётмён, – лирика герой став вир-яйнас ийтчома вör-вакöд... кылö шоръяслысь бузгöм, лэбачьяслысь сылём и аддзö видзьяс вежёдöм, вör-пу ловзём. Лирика герой полö торкны тувсовъя мичлунсö, сылысь лов шысö... Кывбурыс кокни, окота лэбны, помтöг нимкодясыны, радлыны... Тувсовъя руыс кыпöдö мортлысь лов шысö тувсовъя да гожся уджъяс кежлö... Од уджнас мортыс олö и лолалö. Тулысыс сетö вын водзö олём вылö, чужтö кёсйём, эскöм» (Сидорова Лена, «Тувсовъя»).

«Тима Вень... гижис си йылысь, мый вермис нүöдны аслас пось сёйлём пыр, мый йылысь эз висьставлы... Медым йöзыс аддзас медшöр вужсö – сийöс, мый сёйлёмтö вörзьёдö да тшöктö тïпкыны гижисълён моз жö кыпыда да лышкыда...

Зэв уна... дженыыд нэмнас гижлöма Тима Вень. Син водзад сувтöны, пöртмасьёны став мичлуннас югыд ваа вörса ёльяс, ыпъялысь рёма дзоридзьяса эшкын-

видзъяс, лёз синъяс кодь сёстом вaa посни тыяс, висъставны вермытём лёнъ-лёнъ, гажа-гажа вёр дор эрдъяс... Аддзан и кылан тулысын став вёр-вальсь ловзъомсö, гожёмнас быдторнас, быд бурнас туёмсö, арын шогпышысь лёнъомсö да тёлын шы ни тёв узъомсö».

«Югыд вой, кёдзыд вой» кывбурын петкёдчö... вёр-валён помтёмлун да мичлун, да поэт, да поэзия. Йитчомаёсъ найё оти лейтмотивö: вёр-ва сетö поэтлы вын, медым сылён сёвмис ён поэзия. «Юрийв кодзуув зэв вылын дзирдалö» – тайё ачыс поэт, сылён енбиыс. «Енэж вылысь кодзуувъяс усьёны» – чужё поэзия, артмö кывбур, кывбурлён лёнъ рёмыс сёстом, югыд.

«Кёдзыд ру кыпöдö юкмёссянь.
Лэчыд тёв орöдö войывсянь».

Войыв муным петкёдлö ассыыс чорыд, зумыд характерсö. Весиг оз яндысь кёдзыд лунъяссыс, дженыд гожёмссыс, кодлысь ог и казявлö локтёмсö, а сïйö нин кольёма; лэчыд тёвсыс, кодi здукён вермас кынтыны юяс, тыяс, тупкынышебравны найёс ийён... Сёмын коми йöz велаломаёсъ овны кёдзыдкöд тышкасытög, öд миянёс дорйö дона вёр-ва: шонтö туробъясыс, лэчыд тёльсись и кыскö ас дорас быдсяма чоскыд кörön. «Кёдзыд ру кыпöдö» да «лэчыд тёв орöдö»... – тайёс быттьё вочё ён багатыр кодь морт, а «кёдзыд» да «лэчыд» кывъясысъ сёйлёмтö весиг кынтылö».

«Гыортёма мича коз – вугралö,
Гажа тулыс, шоныд гож вёталö».

Татчö дзебсёмаёсъ лёнъ шыяс. Ритмы... строчкаяс помас нюжалö, öткодь паузаяс сорён гармоничнöя мунысъ движение вёррас тыдовтчö (быттьё гыяслён кодь движение). Мича коз вёрзытög узъё, и некод сïйös оз чуксав. Гашкö, вётась нин шоныд гожём йылысъ, кодi зэв матын; гашкö, кольём кадсö – сïйös, мый аддзылïс да кылïс. Но и чоскыда узъё, та вёсна и вёрсаыс гижысъёс повзъодлö, оз тшöкты садьмёдны ён багатырös. Та бёрын нин и ачыс авторыыс – «коз гыортёма, вугралö» – йöзкодялём отсöгён тшöктis лоны миянлы лёнъён.

...Ай-энь шонтöны бордъяс улын пияннысö, узъёны вёрса пемёссяс. Узъё ур, вёталö, кодыр вылысьс чепёссяс туту йыв, лыс, коляоз дзоридз, тупыльтчасартмас туг йылын коль. Пöраысь-пöраö пев помсо нёныштö ош, вёталö сïйö тулыс гож да чоскыд пагир вуж кör...».

Чёв-лёнъыс гортём согласнöяс (сь, ш, чч, к) отсöгён йитчома гижысъкёд, коди абу повзъома вёрсаысъ да пырёдчома сылён сарствоö. Локтёмма гижысъ татчö понийскёд, коди увтёмнас дзугё вёрлысъ унсö, садьмёдö татчös олыссяссö. Мыйла нö гижысъ локтёмма вёрö сёр кадö, кор ывлавылын пемыд нин да кёдзыд? Гашкö, шогалö, гажтём? Гашкö, чайтис, мый тайё медбörя вой, кодi восьтис сылов пытшын выль радлун, выль мёвпъяс... И сïйö висъставтöмторыйыс (куим чутыс строчка помас) майшöдлö миянёс, помас быттьё сёрниыс орёма, мед лыддысысысъ ачыс гёгёрвоас вежöртассö да мёвпыштас, мый лоё водзö...

...Узъё сикт, ичётик керкаяслён ёшиныясын оз тыдав би. Сёмын енэж вылын ворсöдчöны кодзуувъяс, кодъяс лэбалёны дзик анделъяс моз, мукöдъяс усьё-

ны-вошёны, ас бёраныс кольёны яръюгыд визь. Жаль, мый некод оз аддзы тайё серпассö, мый некод оз вермы шöпкöдны кодзувъяслы кёсйёмъяс...

«Зарни-эзысь киньясон сявкийёны,
Ньёжийоникён, шы ни тёв, кусёны».

Кытчö нё лэбёны кодзувъяс, кодёс нё гажёдёны? Мыйла оз повны куломысь (кусомысь)? Тайё кывъяссö позъё гёгёрвойдны и сідз: сэкся кадö, кор оліс гижишысь, власътикёд вёлі съёкыд тышкасьны. Но регыд лои сідз, мый поэтлён енбисыс кутіс зарни-эзысь киньясон сявкийыны, а власът шы ни тёв кусёдас тайё лоёмторсö, бырёдас вужъяссö пыдышысь...

«Шудторийёй, «кодзулоj», мем мыччысыліс, –
Сы кузя нё тайё гижёд лоыштіс».

Ассыыс шудсёй автор орччёдö «кодзувкёд», коді отпыр олём чёжыд сетё кутшомкё гуся мёвп. Тайё вёрё ветлёмыс сетіс гижишысылы аддзывны кодзула зэр. Пемыд, кёдзыд, тёвся вой йывсыыс казтылёмъяссö, серпастъяссö сійё козыналіс ичёттик яръюгыд анделлы – кодзувалы. Сэсся и артмис тайё кывбурыс, мыйсиянь неуна быттьёкё пöльтö кёдзыд тёвруён да вёрса дүкён.

«Сійё кодзув енәжссыс ме гусышті:
Татчö сэсся эзысьös ме сюйышті».

Ме чайта, мый кодзулыс – тайё гижишылён кывбурыс. Кор кодзув лэбис мулань, сэки и «гусыштіс» поэт сійёс и сюйис сы пытшкё эзысь-енбисö.

...Кывбурын действиесыс вочасон кыпалоj паныд вежортаса кывъяс тёдчёдомён (вылісянъ-улісянъ, дзирадалё-чардалё)... Лелькуйттан суффиксъяса кывъясын тыдовтчёны поэтлён став ловъя лов дорас мелі съёлёмкылёмъяс (кылыштö, ньёжийоникён, шудторийёй, кодзулоj, мыччысыліс, лоыштіс, гусышті, сюйышті). Пейзажыс йиджтысъёма лиризмён, гижишыс висъталоj-шöпкёдö миянлы ассыыс казтылёмъяссö, гашкё, пыр на полё кёнкё пыді лов пытшкын торкны чёвлёньсö вёрлышыс, та вёсна сійё меліа да небыда сылё медрадейтана войывылышыс мичлунсö.

Бур, мый коркё-некоркё му вылас олёма вёр-ва радейтыс морт – Тима Вень, кодлы вёр-вавыс вёлі ловъяён» (Кочева Юлия).

Тадзи сёрнитёны студентъяс. Ті аддзанныыд, кутшом мича коми кывйён тайёс ставсö шуома съёлёмсянныс.

Дина Игнатова

Дина Дмитриевна Игнатова (Попан-Подъ-Трёш-Онисем-Миколай-Митрей Дина Важ-Чуд-Игнаторд) родилась 4 октября 1933 года в деревне Сордыйыв Усть-Куломского района Коми АССР в семье раскулаченных и депрессированных коми крестьян. В 1953 году окончила педагогическое училище в г. Сыктывкаре, вышла замуж и проживала в Воркуте до 1993 года, где проработала лаборанткой в школе до выхода на пенсию. В настоящее время проживает в своей родной деревне Сордыйыв.

Мамнімэс медбörъя туйэ колльэдігэн böрдэмэн казытллэм-лыдьэдлэм *

Водзкыл

Ноябрь витэд лунэ кык сюрсэд воин нэм кежлэ унмовсис миян муса мамнім, Микита Семен Вера Важ-Чуд-Игнаторд. Чужлэма вölі сійэ Помесдін вölэсът улса Выльгорт сиктін 1912-эд воин сен্঱ябрь 15-эд лунэ и оліс 88 во да кык тöлөс. Батьсэ миян мамліс шуэні вölі ордруж нимнас – Илья-Игнат-Дане-Тима-Йигэ-Вась-Наум-Ер-Трёш-Лар-Сава-Ер-Кузьма-Йигэ-Микита Семен, Важ-Чуд-Игнаторд рöдіс, а мамис миян мамэлэн вölі Педот-Педъэ-Митрепан Ёнэсь, Корманорд рöдіс, Выльгортсис жэ.

Верес сайэ вölі петэмэ миян мамнім Сордыйыл сиктэ 1929-эд воин гожемнас Илья-Игнат-Дане-Тима-Йигэ-Вась-Наум-Артей-Закар-Попан-Подъ-Трёш-Онисэм-Миколай Митрей сайэ, коді вölі Важ-Чуд-Игнаторд рöдіс жэ. Чужлэма сійэ 1903-эд воин май мöдэд луннас, а гётрасьэм бöрас вит во мысти став семьясэ сіліс кулачилісні да пуксьэдлісні асьсэ кык во кежлэ дзескидінэ. Сы бöрин нёль во мысти муніс сійэ война вылэ да уси сэні кось вылін пашистъяскэд тышин. Ми, сілэн куим пи да ныл, нёль посни челядь, колим сиротаясэн, миян мамлэн сылі вылэ öшийим сьёкид нöбийэн. Но босытіс мамнім миянэс аслас сыв улэ да ассис дzonьвидзалунсэ ньёти жалиттэг став вынсэ пуктіс тыыглі кулэмись миянэс спаситэм вылэ. Со, ставнім ми, чоя-вокаяс, слабог, ловъяэсь да дzonьвидзәесь, а мамэлэн олан-вылан туйис помасис, – унмовсис сійэ нэм кежлэ, аслас ётка гортэдзис воэдчис.

Сэсся Дина чой бурджика висыталас-лыдьэдлас мамліс олэм-вылэмсэ казытвлэмен.

Попан-Подъ-Трёш-Онисем-Миколай-Митрей Миши Важ-Чуд-Игнаторд

* Митрей Дина бöрдёмён казытывлö-лыдьöдlö кувсьюм мамсö эжвайывса сёрнисикаса, элöдчан сёрнинога коми кывйён. Сійбс гижёма диктофон вылö сылён вокыс, Митрей Мише Игнаторд. Сэтыс босытöм текстсöй ўйзöдам тані литературной формы вылö вежтöг.

Вай жэ матістчиллэй вокъяс, пуксильламэй медбörъяись матушканімкэд орчэн да колльэдам сійэс важ моз бур ногэн казытллэмэн, а ме кызд-мый кужа лыддьэдлішта-бёрдішта сылэн горт дорас.

Ой, матушкаэй-мамукэй, да мый нэ тэкэд лоэма?
Култэм лолід тай нэ тэнад морэс пытшид петэма,
Енлэн сетэм лолід тай нэ бёр сы дорэ лэбэма!

Мыйла нэ тэ эновтін ассид ыджід керкатэ?
Мыйла водін-нюжэдчин ётнад тöран гортыйэ тэ?
Мыйла эськэ торийэдчин татчэс гажа муискэд?
Мыйла оні мёдэдчин шуштэм мёдар югида?

Мувылса бур йөзіскэд мыйла дзикэдз янсэдчин,
пöрисымэм ныл-пиянтэ колин сиротаясэн?

ОНІ сэсся миялі, тэнад ныллі-пиянлі,
лоэ тэнэ колльэдні-казытвліні бёрдэмэн,
лоэ чужэмбаннімэс пось синваэн мыськалні,
курид синва ныялалні, лыддьэдліні-висьталні
тэнсид олэм-вылэмтэ, ётнад мырсыэм-пессьэмтэ,
мучитчэмтэ, висьэмтэ, батьтэм челядь быдтэмтэ...

Матушкаэй-мамукэй, тэ чужлін-быдмин Выльгортін,
гажа сиктін-вölэсytіn, бур мам-бать ордін,
ыджид дружнэй семьяин, сизим вок пöвсін...

Унаись тэ ошйисылін: батыід челядь быдтіген
вина абу юлэма, пеж кыл абу шулэма,
киподтуяа вöчасись, сюсь вежера вöраліс...

Мамид шань же вölэма: зіль да сюсь, бур съёлэма.
Найэ тэнэ козыналісні аканылэн кодь мичлунэн,
зумид дzonьвидзалунэн, чорид вöляэн,
небид съёлэмэн, мылкид вежерэн, варол сёрниен...
Енэжвылса сарство да немевейся паметь налі,
ыджид батьәлі да ыджид мамәлі!

Верэс сайэ петін тэ орчча сиктэ, Сордыйлэ,
аслад съёлэмшör сайэ, Миколай Митрей сайэ.
Аслід сёмин дас квайт ар, но сёвмэмид да кисьмэмид
гожэмшöрса оз тусь моз:
чужэмбанад вир ѿйэ, вом доръясад нюм ворсэ,
том кызд пу койд мыгэрид,
алэй цвет койд вир-яйид...

Верэс тэнід сюрэма, сё майбырэй, мича зон:
рам, но ыджид съёлэма, багатыр койд сюсь да ён.

Инькаид да айкаид гёгербоксянъ бурэс же.
Накэд ётла позай ті олмэдчиннід том гозъя.

Уджаліннід кыкнаннід, власьтлі вотъяс мынтіннід,
гажэдчині слойминнід, кагаясэс чужтіннід...
Тадз эськэ мед тіянлі, бать-мамлі да пиянлі,
Ен отсэгэн мойвиис нэм чёж олні му вылін:
батьлі видз-му вöдитні, стройтчині, вöралні,
мамлі гортудж бергэдні, кысині да вурсині,
айка-пöльлі вöчасыні, кöмкот вурні, гындисыні,
инька-пöчлі дöмсині, пöжасыні да пусині,
челядь йылэм видзигэн майдыяс налі байтні...

Эз тай збыльми кевмэмис – кöсийэм серти олэмис:
партийчэм пеж злöдейяс пузултісні олэмсэ, –
колкоз пленэ йöртісні сиктса йöзэс ставнісэ,
крестянин ним вежисні ёрччана кыл ШЛЕН вылэ,
ужалэмись пондісні трудэн-беддъэн мынтісъні.

Ті же, мамэ, батьэкэд, ётвыл почэ-пöльэкэд,
власьтлі панід сувтіннід, веськида дзик шуиннід:
«Колкоз пленэ ог сдайтчай! Злöдейяслі ог сетчай!
Ас вöляись юръянснімэс дзугай-налькийэ ог сюйэй.
Пондам олні важ ногэн: ас овмесэн, ёткаэн,
кынэмпöтсэ перийні ас вынэн, ки-кабырэн,
овмэмнімес сöвмеди асланім юр вежерен».

Ок, ок, мамэ-мамукэй! Ті колкоз пленэ эн сетчай.
Но кызвісътэмсід тіяннэс партийчэм злöдейясід,
да вежегтіс пеж злыднияс мыжедісні чорида:
«Сöвет власьтлі панід, пе, мунаннід ті, кулакъяс.
Выль олэмсэ вöйпаннід. Сідзке, пе, ті вöргөяс!»

Мыжтэм мыжись батьнімэс сæk дзескидінэ йöртісні,
кык во кежэлә лагере пуксьядісні шышэс моз,
пöльээс да почээс кöдзидінэ вöтлісні,
ылэ-ылэ, Войвылэ, Тиман гöра Из сайе.

Миянлісістав эмбурсэ, став крестьянскэй овмессэ,
пон-порсъ сяма злыдни чукар нимкодыпрыссы мырддисні,
грабитісні күшэдз-помэдз, ас костаніс юклісні;
керка-карта босытісні да школа сэні восытісні;
шогсись-висись мамнімэс, кык дзоля кага видзисъэс,
кычиасын эм понайэс моз керка пытшкись вöтлісні,
нем жалиттэг тойлалісні ывла вылэ лым пытшке.

Ок, матушкаэй, мамукэй, поэтэм кёкэй, конерэй!
Паськид-югид му вылас тэ адэ быттьтэ веськалін:
кокулід эд подултэм, юр весьтід эд ветътитэм,
кёть сэсся тэ уськадчи да кулси сэні шогидла!

Суседъясід аддзені пике воэм бабатэ:
жалитэні, бёрдәні гусеникән ас кежаніс,
отсіштнітэ оз лысьтні, – полэні, мый мыждасні
отсасемсид асынісә партийтчем злодейясіс.

Сійә кадә, шуд вылә, миян сиктін Сордайлін
кодсюреяс, воләмке, збайесь, пось съоләмаэсь, –
отсәг сетні лысьтамаэсь нуждайтчись суседъяслі:
олмедчим ми велтулін, көть и йозлән керкаин, –
Педот Вась да Сытәпан Миш сэтчә олні ләдзлісні, –
сё пасибә копирән да вечнәй паметь бур йозлі!
Сё пасибә шуам тшотш Тима Сытәпан керкалі,
кёні олім-спасайтчим буретш дас во ставнім ми.
Пасибә да улі копир Ёгор Сытәпан гозъялі
юр сюянін сетләмись, конеръяслі, миянлі,
пасибә тшотш керкаислі, пöлатислі, пачислі! –
сәні керка пöлас, майбыр, во-мöд тöвийим-гожийим ми.
Пасибә да мүәдз копир Педе Анна керкалі! –
сәні олім дас вит во ми дон мынтітәг Анналі, –
вечнәй паметь шонъянәйлі-кöзяйкалі, бур аньлі!

Кöзяинтәг оләмид эд, матушкаэй, ой, ой, ой,
кызды тölся бушкол дырии кöдзид лун да пемид вой.
Оз эд прöстэ шуліні: «шогид да лёкид пэ котірен шойтәні».
Эз на слойми миян батьнім дзескидініс локтэм бöрин
ГУЛАГ паса пупайкасә вежні-выльмендні,
да ас овмесән оләм вылә керка тшупні-лэптіні,
кызд небесаис гудіртчис, енәжтасіс саяліс,
му веркесіс мукиртчис, йозлән оләм пузултчис –
пансис му сяр пасыталайн вир кисътана биа бой.
Сійә кыссис сюрс да нёльсё дас кöкъямис лун да вой.
Пырыс-пыр жә «кулак» батьнім муніс сэтчә кось вылә,
ылә-ылә, рытылвылә, пасъқид роч му дорийні,
му сяр вылін олісә йöзса пашистъясіс мездіні,
вир кисътэмән, юр чöвтэмән победасә перийні.

«Вöрэг» батьнім пашистъяскәд кык во да джын воюйтіс
пушка гым улін, снаряд чард пöвсін, пуля шер пытшкін...
Эз вед öтчидісь, а буретш куимись сійә ранитчилліс чорида,
кöдзид йöз мусә аслас пось вирэн сійә кötэдіс зэв лышкида...
Бонзъэм ранасә да шырзъэм яй-лысә врачьяс йитласні вöлі да ротласні,
тöлісъ-мöд мысти сэсса бара на сійәс ыстасні биа кось вылә.

Война вылсянь батьлән гижедъяс гортә волә вöлі гежэда,
сы понда мый пронт вылад эд гижасынітэ некор да.
Öтчид батьә вöлі миянлі татшем гижэд ыстәма:
«Тайә письмәсә ме гижа канава койд окопин,

окоп годъян зыр вылін, пидзэс вылә пуксьемэн,
наступайтіс пашистъяскәд рукопашнай кось борин.
Тышис-косис тані мунә дугдиллітәг лун ивой:
Узиштліні сюрлә этша, – муртса водан, бара бой:
Гежәда зәл оллә сёйәм, – суткиясән сёйлітәм.
Медся ёна лөә полны враглән гырыс танкъясіс:
гусеничаяснас сійә морттә нырә шырәс моз.
Тышъяс мунәм веркәс вылті, оллә, кыссян бура дыр
урәсмәдәм шойяс пöвсті, косин шырем вир-яй пыр».

Модіс волі миян батьэ сэтшэм письмә гижәма,
кытіс унджик висьталәмсә сіліс цензор вуштема,
урәстәма черкайтәмэн, сьод краскаэн мавтәма,
письмә водзвылас да помас кыв-мод сомин кольәма:
«...Оланныд да выланнід менам дона гортсаяс!
Став ордужлі копрася. Тіян салдат ловъя на...»
Сәсся ценз-урәсід ставсә сьодән лякема,
письме помас нöшта бара соствәм кыв-мод кольәма:
«Челядь-улов, оләй бура, мамліс тшöктәм кызвісъәй,
кызд-мый верманнід ті сілі гортул уджин отсасей.
Коля тіян бать да верәс – салдат Миклай Митрей.
Слабог, онәдз ловъя на, да, гашкә, коркә аддзисылам».

Ой, да ой, эз збыльмині батъэлэн зарни кывъясіс,
ловийэн кольні эскәмис, аддзисыліні көсійәмис...
Юрис сілэн усьема, култәм лоліс петәма, оләмислі пом воис
страшнэй биа кось пытшкін, украинскәй му вылін
Типенбрунэн шусяна Джуджид Юкмәс-Выль сиктін.
Став странасә дорийгэн батълэн оләм помасис,
оз тöд некод мыйдыра лол петәмсә терпитіс,
ог ми тöдэй мый йыліс сійә сәкі майшасис,
ог же тöдэй волі эз конкә сылэн гу да крест:
гашкә, шойсә батъэліс гуалісні öтлаэ
мукәд усьем салдатъяскәд ыджид братскәй чукаре,
көні му мыльк крест пыдди, веж турунэн поньтаса;
а, гашкә, сіліс лыяссә толіс онәдз толәдэ,
лыым эшкінэн шебравлә толнас, мед оз кынмині,
шонид кадэ зэр ваис няйтсэ-буссә пожъялә.
Милюсь сетіс Енмис, дерт, налис култәм лолнісә
босытіс ас кипод улас да райэ найәс мөдәдіс...
ОНІ сәсся миянлі, грека-мыжа рабъяслі, колә сомин кевмині:
«Сарство небеснэй да вечнэй памётъ ставніслі нали,
миянәс дорийсъяслі да мездісъяслі,
миянәс спаситәм могись ассиніс юрніс пуктісъяслі да лолнісә сетісъяслі!»

Ок, матушкәй-мамукәй, шудтәм бабаий!
Күтшәм шуштәм да мустәм рөк уси тэнід оләмад!

Томэн, кызь кёкъяmis аресэн колин тэ дёваэн нэм кежлэ кёзянтэг-верэстэг, аслад керка-картатэг, эмбур-овмэстэг, посни челядь йылэмэн, колкоz плenэй ёрмэмэн, Эжва йылін вёр шöрин, ылі кёдзид Войвылін.

Тэнад бörья пиянід, Олексейид, Игорид, оз тöдні, оз помнитні чужэмбансэ батьніслісь, сілісь мелі гёлэссэ, мича мыгэр тэчассэ. Батьэ найэс эз удит олэм туйэд нуэдні: ремеслээ велэдні, кыйсині да вöчасыні, мед уджсэ карні күжэмэн, сюся, дорлід чужэмэн... Эз вöл тэнад пиянлэн, эз ло менам вокъяслэн бур сөвөтъяс сетісис, бур пример петкэдлісис.

А ми эд, посни челядид, йойкодъэс на вöлім сэк, да эг на сразу казялэй, мый ми батьэ усьэмсянь лоим сиротаясэн. Сийэ кадсянь шусям ми «Семен Вера челядъэн», а мый ми Миколай Митрей Игнатордлэн котірись висътасъэмис та йыліс овлэ вöлі шопа нін. Простиt батьэ миянэс, грешнэй нылтэ, пиянтэ. Тэ водзин ми мыжаэс, мый шопа тэнэ казытіллам. Енэжвылса сарство да вунлітэм памэть тэнід, шонъянэй!

Ок, матушкаэй, мамукэй, дёва-баба, конъэрэй! Тэ томэн колин дёваэн да увтчан нима «кулачкаэн». Уна майшасьэм да нужда терпитэм лои тэнід тöдліні нэм чёжэн: ыджид труд чöвтэм, ёна тшыгъялэм, ки-кок кынналэм, ун пальэдэм... Оз эд простиt шуліні: «Дёваид пе вешки кодь: коді маті мунэ – сийэ и вештіштэ дёватэ боке». Ёна тэнэ нартитісні колкоz нима пленад, уджедісні рабэс моз медся сьокидінъясас, медся кёдзидінъясас, няйт да зывэк удж вылас: водз тулісін корчуйтчан, – зорйэн бертан мыръяссэ; гёран-кёдзан воас кад да гёран сёйэд муяссэ, силосуйтчигъясэн тэ годъян джуджид гуяссэ; страдна дырий ытшкан, дерт, да турун чöвтан зоредъясэ: воас тöл да кызь верст сайсись вöлэн турун ваялан: тöл шöр кадэ тэнэ мырдэн вёр пöредні вётласні.

Юралісъясіdlі веськодь, мый гынкём тэнад киссьема, сукманьдаид ротсьема, шальлыид ёна сырзъема... Мияnlі тэ норасълан: «Тайэ эсъке нинэм на да, вот кор кынэм сюмалэ, вывті ёна сэки менам весиг кокэй джöмдівлэ, восьса синмэй пемдівлэ, сайдэй вошлэ здук кежлэ».

Вöр участок выліn тэнэ уджэдласні пемидэдз, сёрэн мездасні да петан мунні гортлань, Сордайылэдз,

пемид вёр пыр, багиль туйэд тэрмасъэмэн сибитан.
 Туисін тә съорсид ваян ассид лунся продпаёк, –
 кочан корийись пуэм шыд да пань лоп ыджа да нянь шорэм.
 Тышигдла да мыдземидла полан сайдтэ воштэмись,
 тола вылас усьэмись да съод вёр шорас кулэмись...
 Туис вевттэ восытштлан да шыдтэ муртса юиштан,
 дультэ содтэд ныылштан, сэсся доztэ бёр ветъян,
 жугиля зэв ышловзян, да ас вылад же шуасян:
 «Тырмас сакні-горшасыні, – тайэ колэ челядьлі:
 найэ гортін дзик тышгэс, көмтэмэс да пасытэмэс,
 конеръясэй, паччэр вылін струба бердін нирччэні,
 көдзидіsla тірзъяні, виччисыні мамніс».»

Ок, матушкаэй, мамукэй, сё збыль, ставис волі тадз:
 челядь тэнад көдзид вәсна паччэр вылін олэні,
 джоджэ ләччині оз лысыні, – кынмалэмись полэні:
 сәні весиг йизъэма көдзидіsla ва пельса,
 крысаясіc сайласытэг шныркийисьяні шобсись моз, –
 найэ тоже корсені сёяントор да шонід поз.

Гортэ воан вой шор гёгэр. Пöсялэмид брод ваэдз.
 Ышлолзян да сэсся шуан: «Слабог, мый ті ловъяесь.
 Локтэй, шыдсә панялэй, чоскид няньтор някалэй,
 курччавменіс абу да.
 Уна эське воләма, да Ёсип ставсә сёйэма».

Ачид он и личедчил: босытан зыр да мөдэдчан
 Гриш Миколай гумлалань, коні арнас вартісні,
 сізд шусына, обшей нянь, сэсся ставсә нуисні
 госпоставка ним улін Ёсип дядьлі козин-дань;
 трудбедь вылэ шленъяслі удждон пыдди вичмисні
 жуг да идзас, турун нёб... – немас домас, мөс ке пёт.

Майшасиг тыр локтігад, багиль туйэд мунігэн
 юрад тэнід воис мөвп, кытісь корсыні сёяントор:
 «Арнас няньнад волі озір Гриш Миколай гумладор...
 Сё мокась, эд сәні додьсид кольтаистэ ректігэн
 идзас пытшис мұас, дерт же, няньтуясьід киссисні...
 Колэ сэтчэ ветліні да весасыэмэн курасыні,
 гашкә, сюра няньтуясьсә рок пумэн коть чукартні».

Пемид войнад гумла дорад ставис шүштэм кажитчэ:
 идзас зорэд бокас бытъя кикимора касытитчэ;
 восьсарыніш одзэс легэ, оліся моз повзъядчэ...
 «Господьей да Енмамай, челядь ради спаситэй
 юр вежэрэс воштэмись, садытэг весьэпёрэмись!» –
 кевмисян тә гусынник, но весасян зэв тәриба:

вöллэм ректанiнъяссис зыртан чорзьем лым южсэ,
талялэмэн дрёбитан да тэчан ёти чукаре.
Гумла пытшкас веялка. Перъян сэтись паськид пож,
сийэн кутан пожнавнi чукартэм лым гёрратэ.

Пожнасьэмнад ноксян тэ ки-кохъясид рудзалмэн,
вир-яйид лигишмунмэн, став тушанад сыриммэн.
Мыдзид личкэ-усыкэдэ, мырдэналэ шойчиштнi.
«Пуксиштла кёть здук кежлэ, нюжэдчиштла лым вылас», –
мёвпалан тэ ылэсас, но юрад мёд мёвп вирдiштiс:
«Пукся кэ да личэдча, здук кежлэ кёть водiштла –
унмовся ме нэм кежлэ, кынма танi кулсимэн.
А кыдз нэ менам челядьэй метэг олнi кутаснi?
Тшыгнiсла да кёдзидisla найэ пропадитаснi».

Курасян тэ гумла дорад шойчивлitэг рёмдiтэдз.
Дырнад сэсся няньтусясьид чукармаснi содз тырэдз.
Гортэ локтан котэрэн да пачтэ ёдiэ ломзедан.
Васэд няньтусясть пачас кoрт лист вылiн косытiштан.
Косымем туcсыэ пач вом дорин пу изкиэн изiштан.
Шыд гырничин ѹёвва сорэн кизериник рок пуан:
челядидлi нуръясянтор талун кежлэ дась лои.

Коркэ сэсся час-мёд кежлэ пöлать вылiн ойбиртлан.
Сы кост васэд паськэмид паччэр вылiн шупалас.
Шондi петэм бёрин регид кок вылiн тэ бара нiн.
Тэрмасъэмэн мысышиштан, кизъэр роктэ сёйиштан,
сукманьдатэ пасьталан, важ тасмаэн вонясян,
сырзьем шальльэн ветьтисян да вöрэ муннi мёдэдчан.

Вöр делянка вöлi ылiн, дас верст сайин, Помэсiн.
Уна эбэс воштан сэтчэдз багиль туйэд собигад.
Вöр лэдзисълэн уджид сьёкид, торъя сэк, кор джуджид лым:
пуяс дорэдз писькэдчигэн коскэдз лым пыр келалан;
быд пу гёгэр лымсэ зырйэн му бердэдзис весалан,
кералан да пöрэдан, лучковкаэн вундалан,
пусэ увъян ыылэдзис, увсэ сотан кёстерин,
зорйэн бертан керъяссэ, тэчан найэс бунтъясэ...
Лунтыр тадзи жуйсян сэн, – посид кисьсьэ шоръясэн.

Гортэ локтан бара на ёна сёрэн, пемидэн,
Продпаёкнад нуръяшиштан челядидкэд ётлаин.
Шоччиштлiтэг мёдэдчан войвыл гумладорланьэ.
Сьёрсид нуан тубрасэн шердiн, зыр да вартан чап.
Стёча тёдан, гумладорас эмэсь идзас зорэдъяс.
Надейтчан, мый вартэм бёрас идзас пытшкас коли на
няньтусясьис неуна, да позяс найэс пыркэднi,

ёнджика кэ швачэдні вартан чапэн идзассэ
вольсаләмен му вылас, сэсся жугсэ куралні,
шердйині да пожналні, мед няньтусяссә весалні.
Гумладорә мунігэн тә сиктәс ордъян кытшолән:
бригадиркәд либә предкәд полан панідасьәмись,
көйнъясісь, понъясісь, полан төйтәм шыясісь,
думнад Енлі кевмисян, асьтә шуан «грешнәйэн».

Зорәд бердіс лымсә тә кын муәдзис весалан,
сэсся сәтчә идзассэ зорәд вылсис шыблалан,
вольсалан да вартан чапнад пондан сійәс швачэдні,
буриника дубитан да идзас пластәс пыркәдан,
вольәс койдәсө вешталан, а жугсэ ставсә куралан,
шердъян сійәс, пожналан... сесся шердін пыдәсас
содз тыр кымин колясас тыдовтчасні тусяясіс.

Тадз тәвойбыд курасян, швачкәдchan да пыркәдchan,
шердийисян да весасян, чипан моз же лукайисян,
шыр моз тусяяс чукартан... Ачид ёна надейтchan:
«Гашке, ѡкмас шыд пумен...»

Тәрмасигтыр ноксъэмнад тә ныыләдмәнід посялін:
посид весиг войталә, но некор сійәс чышкиштні...
Жуялмәнід мыдзәмид да мыдзид личкә водліні,
идзас вылас нёрліні, синтә муртса куньліні.
Но унмовсъэмис повзян да пондан думнад кевмисыні:
«Грекис мездіс Ен пиәй, да миләсътливәй Ен мамәй,
видзәй менә нёрпаләмись, изәймәмись спаситәй!
Нәм кежлә кә унмовся ме, челядьлі сәк пом лоә».

Курасян да весасян тә рёмдітәдзис бара на.
Пасъкәмид да чужәмбанід бүсэн-ёгән тырәма.
Видзәдан да турид, слабог, чукармәма вель уна:
«Гашкәе, содз тыр, буди унджик...» – чуть он бёрд тә радідла.

Гортлань мунан, быттьэ ләбан, – тшыг да мыдзэм вунәма.
Съорсид кыскан гумла дорсис нöшта потш на пес вылә.
Гортін потштә вундалан да пачтә сійән лонтіштан,
тустьә биэн косытштан да пу изкиэн изіштан,
сэсся ыджид шыд чугунін йöвва сорән рок пuan.
Пусъэм роктә челядидлі гольбеч вылә катәдан.
Найә сәні рок чугунтә азіма зәл ректәні.
Ачид налі нимкодьпрысис кевмисигмоз шуиштан:
«Сёй, сёй, дитяяс, нуряшиштәй пось рокнас.
Талун, слабог, тшыгъяләмись Енмис мездіс тіянәс.
Мед эськә и водзә Сійә спасайтас на миянәс».

Ок, матушкаэй, мамукэй, крестнэй туй вылті олэм вужкисьэй!
 Олан кадіс веськалі тэнід вывті гудір, лёк да съёкид.
 Но грекись мездісь да отсэг сетіс Мезос-Енмис,
 збыль, буракэ, дорий выйлэм тэнэ быд пикэ воигэн,
 отсэг съэтэ да индэ тэнід петан туйсэ шойэвошлігъясэн:
 дерт жэ, кёнкэ, Ен отсэгэн тэ эн разэд миянэс,
 ассид вынте да дзоньвидзалунтэ жалиттэг
 кызд мый вермин спасайтін миянэс тшыглі кулэмись,
 кынналэмись, доймалэмись, съёкида висемъясіс,
 мыжэ-грекэ вёйэмись, морттуйнімэс воштэмись.
 Муэдз копир да сё пасибе таись тэнід миянсянь,
 тэнад ётка нылсиянид да куимнан пиянсянид!
 Простицт мамэ миянэс, мый кор тэ волін ловъя на
 тадзи аттьэалэмсэ тэ эн кыллі миянсянь.
 Оні сэсся нёльнаннім медбörъяись чукартчим
 тэ дорэ да пукалам шемэсса усыэмэн и кевмисям:
 Простицт мамэ миянэс став грекись-мыжись тэ водзин!

Оні сэсся войнабёрся олэмтэ тэнсид, матушкаэй, казытллішта-лыдьядліш-
 та неуна.

Война кусі важэн нін, – вузалені вольнэй нянь,
 но ми ставнім важ моз на тшыг нисьэ поёт виньгиртам.
 Тэ рабиня моз дзик быд лун жуийусымэнід уджалан
 колкознэй плэн-йортэдін. Сэні тэнід сетэні
 удждон пыдди дар тыр рок да трудодень-бедь пасиэні.
 А нянид эськэ вольнэй да съомтэг сійес он на сёй, –
 ми нянь тупесьтэ аддизвлам волі сомин йөз киись,
 чоскид нянь дук исаллам сомин пекарня дорись.
 Кызды салдат семьялі воэ волі пензия
 сизимдас шайт толісьнас – батьлэн усем юр доніс.
 Тайэ лышкид съом вылэ шедэ волі сійэ кадас
 куим литра карасин, кило сол да шпички доз.

Война борад регид мысти ыджид пиид да нылід
 эновтісіні тэнэ, дзоля вокъянісі да гортса көдзид керкатэ,
 и тэнід, дерт, кокниджик лои кык посни челядьтэ быдтіні,
 вердні-юкталні, пасытадні-көмэдні, да нöшта школаин велэдні.

Ок, матушкаэй, мамукэй! Дыр жэ тэнід, конъэрлі,
 ковмис челядьсянид отсэгтэ виччисыні!
 Но надзеникэн олэмид пондіс ганёвтчині бурлань:
 дзоля пиянід тэнад, Олексейид да Игорид,
 кутісіні вермині ас кежсиніс ворэ ветліні да вотчині.
 Мунасні найэ ворэ, асыніс көмтэмэссы, күш юраэссы,
 кокчерь шёредзіні гачаэссы, ётполса ситеч дёремаэссы, –
 мый налэн пасъкомис эм – ставис вылісаніс;

Öвадіс найәс курчталә да вирнісә ювә-някалә,
кос лыскис да петшәрис кокъяснісә бытшійәдлә,
коткодзуліс күш яй вылас күдзалә да чөсәдә,
горшніс налән косьмә, қынәмніс сюмалә,
но асыніс чоскид вотіссә оз убелитні видліні, –
сөмин оти мөвп налән юр вежәраніс бергалә:
«Нянь, нянь, нянь... Ставис тайэ нянь вылә».
А вотістә әд колә на Помәсдинә ләччәдні,
ньюбисъясәс аддзині да донтәм донісь вузалні,
сәки сәссея нянь тупәсь дон съомид, гашкә, чукармас.

Ок, матушкаәй, мамукәй! Дзоля дырый олігэн
уна во ми мучитчим, тышгъялім да қынмалім,
но миян гольян оләмин мыжис тәнад дзик абу:
тә став лолтә-оләмтә сиин-сетін миянлі,
аслад детишокъяслі, қыздзи вölі шулллан.
Миян съоләм-вежәрин тә, матушкаәй, Вежа Мам!
Тадз ми вölі мөвпалам, тадз ловә миян нәм помәдз.
Мед же сәссея Енмис тәнсид күлтәм лолтә спаситас,
гажа райас пыртәм бöриң батьә дорә сибәдас.

Кöть съёкид оләм надзен педзә, кадіс ачис мунә водзе...
Со, пиянід нін быдмисні да нажевитні күтісні,
ас нянь вылә петісні, – тәнід отсәг сетісні.
Вот и ачид верман нін ньюбасиштні лавкаин.
Пызан вылад ләптівлан съöд няньсә и еджидсә,
кöлач, сакар, печенінъэ. Заваритан слöна тшай,
ырскан-юан пось тшайтә, кампетъясән чöсмасян.
Нимкойдпрысь шойччан дыр, – съоләм гаждид морес тыр.
Коркә сәссея долідідла нюмъяләмән шуиштан:
«Бур оләмис локтіс бöр. Таись бурис оз нін тöр».

Ок, матушкаәй, мамукәй!
Күжан вölі тә оләм гудірсис сөстәм бурсә аддзині,
нимкодясьні на вылә, донъялні да радліні:
«Луніс-лунэ оләмид пондіс, слабог, бурмині.
Мед эськә и водзе на каналісъясә эз дурмині,
Енмис медім видзас найәс вылиссь война панәмис».

Ок, ок, ок, матушкаәй! Кості водзвыл на тә радлан, вölәм, сійә кадә
мырсыәм-мучиттәмлі пом воэм вылә эскәмән.
Вöләмкә, тә вылті абу на мунләма став лёкис, рёкис, немулічаис...

Дзоньвидзалуннітә жалиттәг, ныр виланід усьтәдз мырсыәмән,
Өлексей пиидкәд дыр кадэн выль керка ләптіннід ыджидсә, лўсидсә,
но ньоти лун олнісә сәні эн удитәй – пöжар би ныліштіс ставнас.
Тайэ страшнәй рёкис, весьәпörtан шогис бара на тә вылті быгильтчис.
Ойя, да ойя! Ён вына вöля да ыджид терпеньә колә вölі тәнід,

медім пыкні татшэм ыджид шогсә да не йоймині дзикәдз.
Оз эд прости шуліні, лыдьядліні бөрдемэн:
«Лы съоләм кә вölі пә – сійә татшэм шогисла трач чеги;
из съоләм кә вölі пә – сійә татшэм шогисла шöри поті;
пу съоләм кә вölі пә – сійә татшэм шогисла сисьмис рушәдз;
кörт съоләм кә вölі пә – сійә татшэм шогисла симис бусәдз.
Но мортлэн съоләмис вира яйись да шогтә дыр пыке-терпитэ».

Мортлэн вийись шогись тә надзеникэн веськәдчин,
да сотчәм керка mestatә зиля кутін ректіні,
көть аслід квайтімин арәс, но вöl моз босытчин уджалні,
шомсә, ёгсә кörт ворйән шыблас гүә кыскалні.
Лóптсә новлін сыминда, мый вор пыдәсіс рузясис.

Слабог, бур йöz отсәгэн сәк ёдій кыптиң выль керка.
Выль керкаад овмендин да нимкодясян, радуйтчан:
ыджид шогид вунәма, быттың абу вölәма.
Но регид мысти бара на тәнә лёк рök таляліс:
тшыг ниссә пöt оләмнад, съод-няйт уджтә böчәмнад
омельчин тә сэтшәма, мый слабмәм туша пытшкәсад
дзоньвидза иніс абу нін вölі кольәма,
а вörкад нöшта кöласъема изъяс артмәм висъемис.

Мучитчин тә бура дыр, да сэсся карә мöдәдчин.
Врачяя сәні кужисъесь. Найә тәнә дорийисні:
вундалісні-перийисні вörксид измәм торъяссә.
Тәнад вына съоләмид съокид дойсә терпитіс,
и регид мысти бурдін тә, слабог, лоин дzonьвидза.
Бара нін тә нюмъялан, оләм вылә радуйтчан,
выль керкаин красуйтчан, кöлдум-шаньга пöжалан...
Пöрисыладор, слабог, тәнід бур оләмис вичмиштіс.
Гашкә, тадзи оләм вылә весиг эн и надейтчили.

Ок, матушкаэй, мамукәй!
Нәм чöжид лои тәнід быд лёкискәд косясьні-вермасыні:
унаис ковмис партийтчем злыднияссянь да яндісътәм йöзсянь
мыжтәм мыжис да нинәм абусис укәрба кызвіні,
съоләмад да вежәрад обида видзни, шог пыкні, дой терпитні.
Воан мöдар югидас да норась сәні на вылә суд вöчись Енмислі,
а миянәс тә ставнімәс простирыт мыжән кольәмис да отсал олні ас кежись.
Чорзис миян съоләмнім кузь олан туй вуджиген,
наян йöзкәд венласиген, оләм вöсна вермасиген.
Прöшша корам тәнисид ми ставнім мүэдз копирэн!
Сарство небеснәй да венчәй паметъ тәнід, матушка!

Но, мый сэсся... Кыздзи-мый кужи тай лыдьядлішті-а...

Егор Рочев

Рочев Егор Васильевич родился в мае 1937 года в Большеземельской тундре в семье оленеводов. Родители его были выходцами из Ижмы. Пошёл в школу в 1947 году. Пока учился, жил в интернате. После восьмого класса взяли на службу в армию. После службы закончил вечернюю школу, затем заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького. Работал корреспондентом на радио и телевидении, литсотрудником журнала «Войвыв кодзув», был его главным редактором. Книги издавались на коми и русском языках.

Оlam пöль-пöчлён му вылын

Кык юкёна драма

Ворсысьяс:

Ульнырова Галя – кызь арёса и нелямын вита.
Кызьюров Даньё – кызь вит арёса.
Вадим Владимирович – нелямын арёса.
Бурдысь Миш – ветымын арёса.
Валя – дас кёкъямыс арёса.
Славик – кызь кык арёса.

М Е Д В О Д Д З А   Ю К Ё Н

Первой серпас

Сцена шёрын лаймотчыс бипур. Сцена сайын тыдалё ю да вёр. Мыччысъё асъя шонді.
Тулыс. Сыылёны кайяс. Сценалён оти рёчын вёр керкалён ичёттик ёдзёс. Бипур дорын
орччён пукалёны ныв да зон. Тайё Галя да Даньё.

ГАЛЯ. Кутшом гажа волі войыс... (*нъёрйён гудыйысъё бипурын*). А тэныд, Даньё?

ДАНЬЁ. Меным... Ог и тёд, кыдзи шунысö, Галюк.

ГАЛЯ. Но бур али лёк? Верман шуны?

ДАНЬЁ. Сийö кывъясыс тані вынтёмös. (*Даньё выныштчö окавны Галяös, сийö оз сетчы.*)

ГАЛЯ. Эн менсым вомсö пöдлав. Велалöмыд комсомольской собраниеяс вылад ыджыдавнысö.

ДАНЬЁ. Эн дöзмы. Татшом мича лун заводитчö. Кызы, Галюк, ме тэныд сылыши:

Шондiös – тэнö виччыся сэнi...

Сэтчö, кён шöпкö веж льём.

ГАЛЯ. Кутшом лöссыда сылобтiн. Онi верман окыштын. (*Кузя окасьёны, мисьтöма равостö кырныш, кыкнанныс повзьёны.*)

ГАЛЯ. Ой!.. Кодi локтö?

ДАНЬЁ. Пеж кырныш садьмёма (*кёсий кутчысылыны нывкöд*).

ГАЛЯ. Ой... эн сибöдчы... Тайö лёк водзын. Эн сибöдчы, эн лысyt.

ДАНЬЁ. Суеверие тайö... Енлы эскан?

ГАЛЯ. Эска.

ДАНЬЁ. Комсомолка... передёвой доярка...

ГАЛЯ. Школын на, кёкъямисöд классын, мырдоналiсны менö комсомолас.

ДАНЬЁ. Мырдоналöмсöс тюрмаö пуксöдöны.

ГАЛЯ (*скöрысъ*). Мед эськö пуксöдiсны ставныдтö!

ДАНЬЁ. Галюк, мый тэкöд лои... дугды.

ГАЛЯ. Ог дугды... мырдоналiсны... мырдён сюйисны картаас, предыс эз вермы да, парторгыс тшötш... Мам тшötш повзьöдлiс, кёсийсисны кё нин, пуксöдасны, лэчкö шедём пöтка нин тэ. Вот и сиралi нэм кежлö юрös. Дзик весь мырся лун и вой. Сöмын йöвтор юыштла. Ме нö мый? Кукань ли мый тiянлы! (*Гораа бöрддээз, Даньё быд ногыс бурöдö.*)

ДАНЬЁ. Дугды, Галюк... Öвсы.

ГАЛЯ (*чышкалö синвасö*). Öвтовта кё – лэбан.

ДАНЬЁ. Но вот и нюмыд петыштiс. Лок пуксям би дорас. Ме тэныд öтитор шуа. (*Пуксöёны.*)

ГАЛЯ. Тэныд бур велöднитö, институт помалiн, вольной морт. Менам бёжой куйöд бердö сибöдма, кыдзи ручыслён эсiё челядьлы майдас.

ДАНЬЁ. Вöляыс... некодлён абу.

ГАЛЯ. Дзик некодлён... Быд лун дольёны: вольной советской народ. Сталин кулiс да, кутшома йöзыс шогö усълiсны. Оломыс пö помасяс.

ДАНЬЁ. Оломыс паськыд, Галюк. Öти мортлён кулём понда сiёз оз помась.

ГАЛЯ. Ме тёкötтö эг эски помас. Збыль. Тэ эскин?

ДАНЬЁ. Ме ачым ачымös мырдонала быд лун, медым вöчны сiёс, мый меным тшöктöны. Тшöктiсны кё вылiсянь – эски.

ГАЛЯ. Ойя, и тэнö колö жалитны (*сывзялö*). Кыкнанным ми öти гез йылын летъям.

ДАНЬЁ. Ог ме некён летъяв. Тэ эн сiдзи гёгöрво.

ГАЛЯ. Кыдзи нё коло тэнё гётёрвоны? Быд собрание вылын долян: вольной сёветской народ. Абу збыль тайё? Сідзкё, сёран?

ДАНЬЁ. Воляыс сійё сэтшомтор... сэтшомтор, коді быттьё кёнкё лэбало. Шуам, отиаслы збыль воляыс кажитчо тюрмаён, и мёдаро, тюрмаыс воляён – мёдъяслы.

ГАЛЯ (ёся видзёддö Даньё вылё). Тэ зептад водка доз он кыскав?.. Гашкё, гункитін?..

ДАНЬЁ. Кызвы водзё, эн торкав. Миян кадё позьё сёрны ёрт йывсыыд, мый кёсъян. Тэнад удтём серти мыждасны мыжтём мортсо и тюрмаё пуксьёдасны. Удтысыс нюмъялё, рад, татшом кокниа бырёдис ассыс врагсö. Водзті волі дуэль вылё корёны, сійё страшнö. Оні гижыштін, кытчо коло, и тэ пыдди кодкё мёд вёчас пеж уджсö. Тайё абу воля скёр да завидьтесь мортыслы? Татшом волясö вермис козынавны сёмын сёветъяслён, медся гольяслён, сточджыка, конь-бръяслён, власът.

ГАЛЯ. Тэ вылё удтысылісны?

ДАНЬЁ. Талунёдз менё ен видзис. Но менам бать тайё изки улас веськаліс.

ГАЛЯ. Лыйлісны...

ДАНЬЁ. Да... Нелямын отиёд воын, тёвнас. Ме эг аддзыв батьёс, ме коли мам кынёмö.

ГАЛЯ. Коді волі тэнад батыыд?

ДАНЬЁ. Сійё веськёдліс леспромхозён. Вежавидзысь волёма, жалитома мортос.

ГАЛЯ. Мамыд?..

ДАНЬЁ. Велёдö школалын.

ГАЛЯ. История КПСС?

ДАНЬЁ. Да.

ГАЛЯ. А менам бать война вылё уси.

ДАНЬЁ. Тожё вииисны.

ГАЛЯ. Простиш менё, Данило. Позьё тэнё тадзи шуны?

ДАНЬЁ. Шу көть кыдзи, сёмын öгыра пачо эн сюй.

ГАЛЯ. А! Шуа, крапка (крест чёвтö). Из личкё морёсöс. Волі кё менам воля или власът, эськё став начальникö изведиті, оти сир пörтйё лёді.

ДАНЬЁ. Тэ нё мый?

ГАЛЯ. Вый! Чоскыд?!

ДАНЬЁ. Кытысь тэ татшомыс?

ГАЛЯ. Кытысь и тэ. Оти пачын пёжалёма.

ДАНЬЁ. Коді тэнё татшомнас вёчис?

ГАЛЯ. Тэ да тэнад рёдвуҗыд.

ДАНЬЁ. Кысь найёс тёдан?

ГАЛЯ. Оз ков тёдны. Черань везйён лясоны чужёмö. Песласян кокнямёд моз. Мортос жалитысь волёма. Весась син водзысь! Мый вуджрасян?

ДАНЬЁ. Кытчо вётлан?

ГАЛЯ. Вöрас дзебсы. Коми пармасы сук да паськыд. Тэныд сійё этша?

ДАНЬЁ. Мый тэкёд лои? Нином абусыс пуркйысян.

ГАЛЯ. Нином абуысь... висьтала кё...

ДАНЬЁ. Висьтав веськыда, мый гёгралан.

ГАЛЯ. Висьтала эськё да... ниномён од он отсав.

ДАНЬЁ. Ме... ог отсав... тэныд...

ГАЛЯ. Отсалан...

ДАНЬЁ. Көтүң оні жо съёлёмөс перъя, коло кё...

ГАЛЯ (чиктылёр). Ме ёй... чайті (уськёдчо зонлы морёс вылёр). Мёдысь висьтала, талун ог. Со кутшом мича лун пуксьё. Вай ог торкё тайё мичлунсо. Меным сывыны окота, йёткыны. Тэныд абу?

ДАНЬЁ. Мыйла абу. Ме көтү век чирк моз чеччала.

Ньёжий йоктігмоз съылённы.

ГАЛЯ. Тэныд ме коді?

ДАНЬЁ. Тәрыб съёдбожыс, пую дзебсысыс.

Визяордаыс, мичлунён пörtмасысь.

Сера байдёгыс, лымсө серодлыш.

Мича асылыс, унзіль пальёдыш.

Гожся шондыш, лысом шонтысы.

Биа-чардаыс, гожём виысы.

Сэтёр-вотосыс, юр садь воштысы.

Арса тёв нырыс, коръяс чашиысы.

Сера кукёыс, горт дор видзысы.

ГАЛЯ. Ой, кутшом лёссыд югыд светыс, енәж улыс, енмыслон борд улыс. Тә, Данилёр, гёгёрвоан тайёс?

ДАНЬЁ. Токтөй вежортышта жо...

ГАЛЯ. Сомын токтөй... сізді чайта.

ДАНЬЁ. А мой тә корсян тайё енәж увсыс?

ГАЛЯ. Нином ог. Меным зәв этша коло.

ДАНЬЁ. Уна-о сійө этшасы?

ГАЛЯ. Вөлі кө эсъю миян пелькиник керка. Быть сөдз ваа ю бокын.

ДАНЬЁ. Быдёнлы ю дорыс оз нин и тырмы. Сійө кадыс коли, кор коми войтыр ас воллясъ борыйлісны оланінсо.

ГАЛЯ. Мед көтү нин шор дорын.

ДАНЬЁ. И шор дорас оз ләдзны. Ов сәні, кытчо индасны, кытчо тэнё пасалласны.

ГАЛЯ. Эсъю көсийи, медым менам челядь эз лойсыны няйтЫн, кыдзи ми, медым эсъю кагукус асывнас чеччис да лысваа еджыд нитш выйті котралыштіс, эз куйод да няйт таляв, кыдзи ми челядьдырии. Тадзинад од сәсся сомын баксыны велалан.

ДАНЬЁ. Велаломаось нин, коді ёнджыка бакостас, си бёрся и котортам.

ГАЛЯ. Тә, гашкө и, котортан, меным некытчо, паспорттом колхознича, муна кө ылоджык, пыр и кутасны да вайбодасны ас местао. Тә тайёс гёгёрвоан он? Мый сійө сэтшомыс?

ДАНЬЁ. Гёгёрвоа. Сідзю од, ме дом йылын жо. Мый тшоктасны – шуа, кодаро индасны – муна.

ГАЛЯ. Кор парма вөрас пыран, сомын сәки и казявлан волляссо. Ичотдырии менам эз вөв некутшом көм. Мам тшоктю овны гортын, а пышъя вөрө, ягыс матын, еджыд нитшка, шоныд зэр бөрас сэтшом лёссыд сәті тапикасъныссо. Мамо воигкежлө платтьё бёж тыр вота тшак. Мам бордю и радлө.

ДАНЬЁ. Кымын арös вölі? Эн ылавлы?

ГАЛЯ. Ог тöд, вит ли квайт. Еджыд нитш вывсыс бокö ог кеж, васöд нитш вылас тöдчö кок туýыд, кыдзи лым вылын.

ДАНЬЁ. Регыд ягъяссö пöрöдасны, юяссö пежöсъстасны. Миян му пытшын быдсяма озырлуныс эм. Сюрёма нин, перыйны да нуны кутасны. Весьшöрö, Галюк, мёвпалан, кольёма сiйö кадыс. Мöд кад локтö, шума и зыка сiйö лоб, и курыд тшина.

ГАЛЯ. Сiдзкö, ме бöрö видзöдьсь?

ДАНЬЁ. Бöрö...

ГАЛЯ. Сiдзкö ме, тэ ногён, дыш мерин, кодi мегыр увтëыс видзöдö. Да?

ДАНЬЁ. Быдторыйысь жö тэ öзъян, кывтö он куж шуны.

ГАЛЯ. Да, шу кöть мый, ог ыпнит яр биён. Эн пов. Тöда, нэм чöж меным чискыны уль пес моз.

ДАНЬЁ. Абу сiйö куш тэнад öтнадлён рöкыс.

ГАЛЯ. Бöжтö сюртняв да пукав, кöсъян шуны?

ДАНЬЁ. Чилзёмссыс этша тöлкыс.

ГАЛЯ. Колö жö кодлыкö дорыйны сöстöм ёльяссö да гулыд ягъяссö.

ДАНЬЁ. Дорыйны... некод думыштнысö сы йылысь оз лысът. Ми сöмын вермам гожёмын номъясысь öйтчины. Сiйö и коли. Бöрд кöть сыв.

ГАЛЯ. Но и омляв, и то кокниджык лов вылад.

ДАНЬЁ. Сiйö кöинъяс сiдзи вöчöны. Ми век жö морт мыгöраöсь.

ГАЛЯ. Сэсся мый водзöсö?

ДАНЬЁ. Мый водзö, сымын ёнджыка кутас вугрöдлыны. Тайё нö этша на тэныд?

ГАЛЯ. Тшаква! Веськыда кö шуны. Дöзми и скöрми.

ДАНЬЁ. Тшаква... кыдзи... мыйла...

ГАЛЯ. Винджилясян... он веськыда мун.

ДАНЬЁ. Веськыда сöмын пуля шутёвтö, ачыд тöдан, мый сiйö вöчö.

ГАЛЯ. А ме веськыда, пуля моз... Данилö, ме öд нöбасяя. Регыд ме лоа мамён, а тэ... а тэ... батьён!

Пуксьö чöвлун. Пуö сизьдö сизь, артмö музыка сяма.

ДАНЬЁ. Кыдзи татшöм öказияыс вермис лоны?..

ГАЛЯ. Институт помалін и татшöмторсö он вермы гöгрöвоны.

ДАНЬЁ. Гöгрöвоя... Тайё ставсö вежö... Мый öнi лоас? (Кутчысöй юрас.)

ГАЛЯ. Да нинöм оз. Ме жö шуи, лоан батьён.

ДАНЬЁ. Кыдзи... кодлы...

ГАЛЯ. Аслад кагалы, кодi олö ме пытшын.

ДАНЬЁ. Дыр-ö сэнi лоас?!

ГАЛЯ. Ог тöд... Тöлъыс кöкъямыс, гашкö... Пышайны кöсъян?..

ДАНЬЁ. Кытчö пышъян... быдлалысь аддзасны.

ГАЛЯ. Да, Данилö, öнi тэ он пышайы, йöзыс аддзылiсны, кыдзи ки на ки кутчысöмён сикт кузяыс ветлöдлiм. Он кö гötрась, партиясыыд мездасны, он юсь кельёбас ло. Миян рака котырё веськалан.

ДАНЬЁ. Да ёд менё кутасны партсобрание вылын видлавны. Зэв пыдё гуд-йысъёмён. И ставыс эрдалас. Ме ёд «враг народалён» пи. Гёгёрво тайös!

ГАЛЯ. Сідзко, гётрась, и меясь кындзи некод оз кут тэнё видлавны.

ДАНЬЁ. Тэ изdevайтчан ме вылын.

ГАЛЯ. Ог, прёстö законыс ме дор.

ДАНЬЁ. Зверяслён сийö законыс. Абу сийö тэ дор. Прёстö государствоыслы колёны выль йоз. Мыита НКВД-ыс быврёдис, и война вылас мыита усис. Выль бёмбомдём войтыр колёны. Он тёд?

ГАЛЯ. Ог.

ДАНЬЁ. Коркё тёдмалан.

ГАЛЯ. Муса зонмой, кыдзи тэ кокниа да мудера мынтöдчин рёдной бать нимсыыд.

ДАНЬЁ. Прёста шуи, баттьём!

ГАЛЯ. Аха, ен пи тэ. Пёрьясин, сідзко? Кёмёдін Сöвет власътсö!

ДАНЬЁ. И збыль, ме чужи баттьётг. Эски.

ГАЛЯ. Сöвет власътсö кёмёдін, веськыда кё шуны. Тэ тай нё дзугыйн? Хаха. Сийö ёд букиша видзёдлас тэ вылö. Чайтi, öтнам ме дзугъяс. Кыкнад гажаджык лоё. Кылан, ен пи, Христос.

ДАНЬЁ. Эг чайт, мый тэ татшöм чорыд сьёлёма.

ГАЛЯ. Мекöд бурён, зэв небыд сьёлёма. Лёкён кё – курччасъысь.

ДАНЬЁ. Вай сёрнитчам, Галюк.

ГАЛЯ. Давай.

ДАНЬЁ. Ме некымын тёлышы мыйти муна татысь. Гашкё, рубеж сайё. Менем колё лоны дзик сёстомён. Менем колё водзö лыбны. Быдмыны ыджыд начальникöдз. Менё индöны... ачым тырвыйö ог гёгёрво на...

ГАЛЯ. Менам со кынмой лыбны жё кутас. Быдма жё...

ДАНЬЁ. Сэки ме, кор вежсыыштас кадыс, мыйкё буртор верма вёчны коми войтырыслы.

ГАЛЯ. Медводз, тэ менем вёч бурсö.

ДАНЬЁ. Кута отсавны быдтыны кагасö. Гусьён кута ыставны сьём.

ГАЛЯ. Кыдзи гусьёнсö?.. Почта пыр?

ДАНЬЁ. Да.

ГАЛЯ. Тайös тэ он вёч.

ДАНЬЁ. Чайтан, ме горш?

ГАЛЯ. Абу горш. Делёыс мёдторыйн. Верман эрдавны. Вермасны юавны, мыйла тэ век тёдтöм нывбабаыслы ыстан сьёмсö?

ДАНЬЁ. Но и мед. Шуа, тьётпом чойлы.

ГАЛЯ. Татшöм самтор вылад менё, Данилё, он кый.

ДАНЬЁ. Гижа справка.

ГАЛЯ. Гиж.

ДАНЬЁ (гижё). Ставыс бур лоё. Кадыс регыд вежсяс.

ГАЛЯ (лыддё). Справка настоящая дана Ульныровой Галине Демьянине в том, что я, Кызыров Данил Серафимович, являюсь отцом будущего ребёнка, которого ожидает будущая мать Ульнырова Галина Демьянинна. 15 мая 1953 года. Подпись.

ГАЛЯ (здук падъялё, сэсся косявлё кабаласö да шыбитö. Даньё уялёмён чукёртö).

ДАНЬЁ. Тайё жо документ, сюрё кё лёк морт киё...

ГАЛЯ. Аха, повзин... Ме ачым заявита власътъясылы.

ДАНЬЁ. Мый заявитан? Мый?

ГАЛЯ. Ме вузала тэнö. Тэ «враг народалён» пи и тайёс дзебин власътъясысь. Кутшомджаңык көрыс?

ДАНЬЁ. Курыд да сола... Он жо татшомторсо вёч?!

ГАЛЯ. Ставыс вузалоны ёта-мёдсö, а ме пайтём Макар али мый? Вузала, збыль вузала. Кёинъяс костын кычан моз овны оз позь. Вузала ставсö, мый позьё: Коми мусö и тшотш ассыым пеж лолös. Локтёй! Ньёбёй! Со кылö мотора... (Мотора шы век гораммö.)

ДАНЬЁ. Мый тэкёд лои?

ГАЛЯ. Эн лок ме дорö. Ме пеж! Ме вузасъысь... Медводз вузала тэнö, сэсся ачымöс. Со тыдовтчис мотора пыжыс. Водзас пукалö джуджыд кокардаа дядьё. Законлён страж. Сылы и удта. Эй, дядьё, татчö! Татчö! Беда! Шышъяс танí!

Даньё тшапкó рюкзаксо да котёртö вёрö.

Пемдылö.

Мёдёд серпас

Вёчсöй сэні жо. Ульнырова Галя котрало сцена вылын.

ГАЛЯ. Мыйла и повзьёді Данилушкосö? Кыдзи оні овны кута? Ок, кутшом ми лоим полысъось. Да, кыдзи он ло полысъён, кор сэтшом страк быдласянь йиджö съёлёмад. Мыйла нö сетчим полёмлуныслы? Киссёом лаз моз быгалис ловным. Вётлім сэссы енсö, да поздысис сэтчö дявол. Сiёо мутиалö миянöс. Эралам ёта-мёд вылö, сэккості миянöс тотшöдö мудерджык. Мыйла вётлі Даньёсö? Коли од ётнам... Со кайёны нин крежёдьыс. Кылёмайс небось... (Перий зеркало, лоссöдыштö чужёмсö.)

Локтёны Вадим Владимирович да Вурдысъ Миш.

ВУРДЫСЬ МИШ. Волi быттьё сёрни кылö... Отнад со...

ГАЛЯ. Ётнам, Вурдысъ дядь, ётнам... Ме ёткён радейта сёрнитны...

ВУРДЫСЬ МИШ. Ётнаныс од варовитёны сёмын эсiёяс... вежёрон торксыштöмаяс сёмын.

ГАЛЯ. Ме мёсъяс дiнин велалi.

ВУРДЫСЬ МИШ. А-а. Онi гёгёрвои. Пемёссыд сiёо кывтём, но пеля. Ме понкёд вёралiгён сёрнитлывл i жо. Ещö од сюся кывзö, быттьё гёгёрвоо мыйкё. Гашкё, и гёгёрвоо.

ГАЛЯ. Гёгёрвооны, гёгёрвооны, Вурдысъ дядь. Ме шуа мёсъяслы: талун тiянöс ог верд, кёрымыс ньёти абу, энö, донаяс, лёгасьой. И збыль. Дугдёны баксынысö.

ВУРДЫСЬ МИШ. Дерт, лёнясны. Том да мича кёзяйкаыд од налы любö жо.

Вадим Владимирович тайё пörйö важнöя ветлöдлö сцена вылын, видзöдö быд пельösö, исалö сынöдсö. Виччысътöг матыстчö Галя дорö.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Но, муса ныв, тэ кытысь татчö, сьöд вёр шöрас, усин?

ГАЛЯ. Ме... Ме... некытысь эг усь. Локтi татчö ас кокён.

ВУРДЫСЬ МИШ. Тайё миян сиктысь Ульныровъяслён Галя нывныс. Батьыс фронт вылын уси. Мамыскöд олö. Колхозас дояркаалö. Комсомолка.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Сiдзкö, тöдмасям (*нюжöдö кисö*). Вадим Владимирович.

ГАЛЯ. Кыдзи шуис нин Вурдысь дядьбыс, ме – Галя.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Хы. Галя. Бур. Лёсялö сiйö тэнцыд.

ГАЛЯ. Мыйла?

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Мича мортлы – мича ним.

ГАЛЯ. Кёсъянныд менö янöдны, Вадим Владимирович.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Сiйö нин тiян делö. Ме шуа, кыдзи думайта. Сtöчджыка, мый аддза.

ГАЛЯ. Интереснö... век шуанныд сiдзи, кыдзи думайтанныд, Вадим Владимирович?

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Век.

ГАЛЯ. Интереснö... А мый öнi тi думайтанныд ме йылсысь, Вадим Владимирович?

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Кутшöм могён татчö локтiн?

ГАЛЯ. Ме... ме... ö-ö... сэтöртор вотыштi.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Ме чайтi – вотчöны арын.

ГАЛЯ. Сэтöр гарсö, сэтöр йывсö чегъялi. Сiйö сэтшöма польдöма. Дукыс! Гатшöн усян сэтöра чайсыс.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Кодлы тайё инмö? Меным либö тэнцыд?

ГАЛЯ. Кöть кодлы... кодi ловъя...

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Сы вылö и вотiн, медым кок йывссыд усъны? Али ме ог гöгöрво, кодлыкö лöсъёдöма?

ГАЛЯ. Ми сiйöн чай юам. Тöвбыд чай эгö юлой.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Мый нö тi юинныд?

ГАЛЯ. Еджыд ва. Зэв жö чоскыд.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Мый сiйö лоë?

ГАЛЯ. Тайös онö тöдöй, ешö кузь тош кыскаланныд. Пуём ва, рочён кö, кипяток.

ВУРДЫСЬ МИШ. Галюк, такöд эн щöтась. Тайё öд ой ыджыд морт.

ГАЛЯ. Прöстит, Вадим Владимирович, менö, йöй нисьö прöсужёс.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Немтор. Гöгöрвоа ме дзескыда олöмсö, тöда жö, прöста окота лои кывйöс песыштын.

ВУРДЫСЬ МИШ. Вадим Владимирович, позьö меным сизим грамм гуниктыны? Юрой нöш кодь. Пытшкösöс пыдзыртö. Ог кö веськöдчы – пöльышта советской лолös.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Оз позь. И предупреждайта, мöдьсись мед пöкмелён эз вöв петöма удж вылö.

ВУРДЫСЬ МИШ. Да бесыс дзугис. Тöлөсь эг вöв гортын. Пывси. Первойсы аслам нэмын гортö ки тыр сьём вайи. Гötыр лыддис да бöрдзис коньёр. Кыдзи нö сэсся он ю? Öти стопка, мёд, коймёд... лыдсö воштi...

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Кöсъян ме дорын уджавны, юёмтö вунöд.

ВУРДЫСЬ МИШ. Тöда. Но талун. Мед ог кув... Ен могысы...

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Кор тi, комияс, велаланныд морт ногён юнысö?

ВУРДЫСЬ МИШ. Веськыда кö шуны, менам бать на абу юлöма. Коркö ми эгö вöлöй алкоголикъясон...

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. И водзö оз ков юём вылö сетчыны.

ВУРДЫСЬ МИШ. Ме сэтшöм изки улын вöлi, нинöм нин морт ногавыс эз коль. Весиг кокöй абу аслам. Казённой, протезъяс. Со татчö, аслам вöр керка дорö, ог вермы волыны. А кымын ошкös ме войнаöдзыс чергöдлi тани.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Ас вежöрон колö овны, брат Вурдысь.

ВУРДЫСЬ МИШ. Менам и вежöрыс нин абу аслам, милёстивой Вадим Владимирович.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Но-о... Владимир Ильичлон, гашкö?

ВУРДЫСЬ МИШ. Стöч сылон.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Кыдзи ме тöда, Владимир Ильичыд эз пöкмелитчывлы.

ВУРДЫСЬ МИШ. Сы кодьён ме ог вермы лоны. Сöмын кöсъя шуны, менсым вежöрös изöма коммунистической пропагандаён. Кор воштан ассыыд вежöртö, бать-мамён лöсъёдомасö, колö сэки лекарство – сизим грамм!

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Ни öти сизим грамм оз ло. Медым та йылысь водзö эз вöв нүöдма некутшöм сёрни.

ВУРДЫСЬ МИШ. Ме жö кула...

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Сэтшöм тэнад судьба.

ВУРДЫСЬ МИШ. Да, судьба, сыкёд оз вензыны... (Думыштчö.)

ГАЛЯ. Шуёны, судьбатö аслыд колö вöчны.

ВУРДЫСЬ МИШ. Ещö и дорны, медым некор и некод эз вермы чегны (мисьтöма серёктö).

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Кодi мыжка тэ водзын, зырянин морт, брат Вурдысь?

ВУРДЫСЬ МИШ. Веськыда кö шуа, – лыйласны. Чöв кö ола – ловъя лоа, шондисö аддза и сынöдсö нёняла.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Сöдзи и лыйлас кодкö тэнö... Да и мый тэ верман шуны. Мый вермö шуны ройсялём козыйс, ызгысь юыс? Ружтöны да визувтöны...

ВУРДЫСЬ МИШ. Сыын и делёыс. Ас кадö ладыс эз артмы.

ГАЛЯ. Вурдысь дядь, став нёрпалöмыс тэнад сы вöсна, мый томдырийыд тэ эн вöв комсомолын.

ВУРДЫСЬ МИШ. Кöсий кö, ме и партияас на веськалi.

ГАЛЯ. Тэ?!

ВУРДЫСЬ МИШ. Да, дона племянича*.

ГАЛЯ. Партияас кымын буквавысь, Вурдысь дядь?

ВУРДЫСЬ МИШ. Кык буквавысь артмёма.

* Племянича – племянница.

ГАЛЯ. Но-но. Кутшом букваясь?

ВУРДЫСЬ МИШ. КП да СС.

ГАЛЯ (*сералё*). Тэ эсъкё кодарас пырин?

ВУРДЫСЬ МИШ. Шёракостас.

ГАЛЯ. Вёлін кё комсомолын, татшомторсö эн дзуг. Вот мыйын делёис.

ВУРДЫСЬ МИШ. Став делёис сыын, племянича, тöрыт лишной тшапки.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Коді тшöктіс?

ВУРДЫСЬ МИШ. Быттью кодкё вёлі тувкодö бокам, лöдсышт пö, ройсялом Миш, гор вылад. Ог кё öні гуникты – кула. Быд събыкторсö аддзылі, а быттью век на жаль енәж увсö эновтны.

ГАЛЯ. Пельös съёддін, Вурдысь дядь. Кöть мед вёр керкаад пырин!

Вурдысь Миш вошлö вёр керка пытшкё.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Галина, отчествотö ог тöд...

ГАЛЯ. Оз и ков сiйö.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Галя, менö век öтитор шензьöдö, кыдзи татчö веськалiн? Öтнад вёр керка дорö тапиктiн?

ГАЛЯ. Тайö öд сиктсияныс матын, веськыда кё локны. Сiйö тiянлы ю кузяыс кажитчö ылынкодь. Юыс кытш вöчö.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Мыйла öткён?

ГАЛЯ. Кодкод колiс локны?

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Эм жö тэнад, рочон кё, дроля.

ГАЛЯ. Миян сиктын ставыс юбка новлыссяс. Сiйö и öтнам.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ (*серамсорён*). Позис жö кöть нин мёсъястö тшöтиш вайёдны йирсёдны.

ГАЛЯ. Эз позь.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Мыйла?

ГАЛЯ. Миян найö коктёмöсъ.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Збыль?

ГАЛЯ. Дзик збыль.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Позьё юавны, мыйся пöрода сэтшомыс?

ГАЛЯ. Ог висьтав.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Секрет?

ГАЛЯ. Секрет. Ещö кутшом.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Первойысь кыла татшом дивёсö, тэ кöть тёлкуйт, муса ныв, мыйся селекция тайö вёлi... Прöстö интереснö меным.

ГАЛЯ. Коктём мёсъясöс эн аддзывлы?

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Эг.

ГАЛЯ. Шуда морт тэ, Вадим Владимирович.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Мыйын нö делёис?

ГАЛЯ. Миян мёсъяссö домалома гезйён карта йиртас. Гезсö кё орёдан – и хлоп усяс джоджас. Усяс кё, он чеччöд, сэнi и гегдас.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Он гёгрови. Найö кузяя пöстуйтöны?

ГАЛЯ. Стöч сiдзи.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Мыйла мёссо видзны, абу кё кöрымыс?

ГАЛЯ. Отчёт вылёр. Юр лыдыс колё.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Юрсы али сюрыс медсясö налён дона?

ГАЛЯ. Ме думысь, сюрыс. Отчётас сідзи и гижёны, крупнорогатойяс пö.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Оні помёдз гёгёрвои.

ГАЛЯ. Но и бур.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Меным юрё воис öти мёвп: мыйла эськё не нүбдны сэтшом селекция, медым мёскыс эз кык сюра вёв, кыдзи век, а шуам, нёль сюра. Отчётыс лыбас кык пёв, вермасны сетны социалистической геройлысь ним.

ГАЛЯ (*сералігмоз*). Велёдча ветеринарё, и збыль кута нүбдны татшом нырви-за селекциясö.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Кодлы абу окота лоны геройён.

ГАЛЯ. Вадим Владимирович, мыйла эськё тіянös эсійö сюръясыс сэтшома... тэльёбитёны?

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Кыдзи тайёс колё гёгёрвоны?

ГАЛЯ. Кыдзи шуёма... либо энö лёгалой ме вылёр, эг кёсайы омольтны ниномён тіянös.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Гёгёрвои. Ме век туйын, Галинушка. Гежёда вола гортё. Быдторыйыс вермас лоны.

ГАЛЯ. Вот и кыйи!

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Кыдзи?

ГАЛЯ. Тi готыраось...

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Да. Тайё бур али лёк?

ГАЛЯ. Меным лёк...

Вадим Владимирович киёдыс босьтö нылёс, кёсий мыйкё шуны пеляс. Тайё здукö вör керкасы петö Вурдысь Миш, коди павгома вылысас ош ку, дзик ош кодь. Нёль кокасьö да равёстö. Гая да Вадим Владимирович горзігтыр уськодчоны ю дорö, пыж дорö.

ГАЛЯ. Вурдысь дядь! Спасит!

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Вурдов! Садьмёдчы!.. Чай пузьёд. Юртö веськёда. Ми Гаякёд пожёма ягтыыс ветлодлыштам.

Коймёд серпас

Вöчсöй сэнi жö. Вурдысь Миш ноксö би дорын.

Бокланыын сёрнитёны Гая да Вадим Владимирович.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Гая, тэ ёна повзин?

ГАЛЯ. Ньёти эг. Тулыснас ошкыс некод вылёр оз усьлась. Гёгёр веж кор польдчö. Кольём вося пувыйыс на эм и... Мыйла ми сылы колам.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. А ме повзи. Зептын пистолет новлёдла да си йылышыс дзик вунёди. Но Вурд, колё жö тадзи тешитчыны. Но ладнö, водзö делёвой сёрни нүодам. Гая, тіянылай кажитчö чужан сиктаныд овны?

ГАЛЯ. Тюрмаас?! Тёкотьё кок йылышыс эг пёр. Эн шу, а лыйин.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Мый сідзи?

ГАЛЯ. Тэ, гашкё, чайтан, ме тані шойчча? Оні коло бадь йывсö чегъявны мосъяслы. Ыджыд ноб коло кыскыны вылышам, ваас куломтор беддён сюйома, коло видлыны, гашкё, юква вылó ёстор шеді. Сідзи и олам...

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Да... Серамыд тані оз пет. Менам эм öти вöзйём. Менам конторао коло машинистка. Кыдзи? Тэнайд лосялó?

ГАЛЯ. Коді менё колхозсыс лэдзас! Ки и кок кörталома... Дом йылын ме...

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Ме кё тшёкта – лэдзасны... Менам эмёс неограниченной правояс. Ковмас кё, котыртны пасъкыда мұптышса озырлунъяс перйём. Государство та вылó лишёдіс уна сьём. Коло уна бур специалист.

ГАЛЯ. Меным, гашкё и, паспорт сетасны?..

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Сетасны.

ГАЛЯ. О, енмой... ләччис тай енәжсыс му вылас... (*Бөрддзö, уськёдчö Вадим Владимировичлы морös вылó.*)

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Но... шань... шань. Лябмыны оз позь... Меным колоны салдатъяс.

ВУРДЫСЬ МИШ. Вадим Владимирович, чайыс пузис.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Ләччыв катер дорас, сёянтер кат. Öти чекушка босът.

ВУРДЫСЬ МИШ. Есть!!!

Вурдысъ тэрыба лосялдö пызан. Вадим Владимирович чышкалo Галялышь чужёмбансо.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Зэв тай васод син доръяса нывка воломыд...

ГАЛЯ. Миян рöдис сэтшом, дор-шась-ысь синмабось.

ВУРДЫСЬ МИШ. Пызан дасы!

Матыстчоны пызан дорö. Вадим Владимирович куимлаo киськалo водка.

ГАЛЯ. Водкасö ме ог ю. Некор на сэтшом дивоys менам эз вöвлы и, тöдöмись, озло некор.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Ошкана заявление. Ми Вурдкод вом дорнымös котёдыштам.

ВУРДОВ МИШ. Есть!

ГАЛЯ. Некор на татшом озыр пызансö эг аддзыв!

ВУРДОВ МИШ. Так точно!

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Бура сёйой. Туйыс кузь.

ВУРДОВ МИШ. Так точно!

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Дугды точкодчынысö. Некод на тэнайд погонсö эз сет.

ВУРДОВ МИШ. Так точно! Öтитор көсъя юавны тіянлышь, Вадим Владимирович, да век ог кыдзкё слоймыв. Позьё онi?

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Но... юав.

ВУРДОВ МИШ. Есть! Миян юрнуöдись партияыс öти, а нимыс кык кывыйс - КП да СС, кодыс на пиысглавнойджык?

Ставён тшёкмунёны.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Тэ, Вурдов ёрт, тэ бур механик, но мёдысь кёмыйkö татшёмтор менсым юалан, удж вывсыыд тодмышкала. Гёгёрвоин?

ВУРДОВ МИШ. Так точно!

М Ø Д Ю К Ø Н

Нёльёд серпас

Вёчсöй уна во мысти карса квартирайён гёстинёйын. Галя сьёд пасьёма, чышкó джодж. Недыр мысти включитö телевизор, петкёдлёны генеральнöй секретар Брежневös гуалём. Шумён-зыкён пырё Славик.

СЛАВИК. Мамё, мезды. Ки-кокёс кёрлалё. Пом воис... кула... то кодёскö дзебёны нин... Оз менё?..

ГАЛЯ. Ланьт! Батыыд сьёкыда висьё.

СЛАВИК. Меным медся сьёкыд. Тi некод сiёйс он тёдё... Пустой йёз. Мам, öдйö сьёмтор вай, öти местао котортла, сэнi лов сюясны уколён, гёгёрвоин?

ГАЛЯ. Важён нин гёгёрволi. Кытчöдз тэ асътö вайёдiн, коньёрö мортö. Кытён войсö коллялiн?

СЛАВИК. Öтилаын.

ГАЛЯ. Стöчджыка?

СЛАВИК. Сысьс тёччасö сэсся оз вермы лоны.

ГАЛЯ. Тэнад ставыс ылёсас. Ылалём морт.

СЛАВИК. Ti абу вошёмёс?

ГАЛЯ (*пернапас чёвтö*). О, енмёй! Мезды менсым дитясö лешак сывсыыс!

СЛАВИК. Мам, ло мортён. Мезды вис्यёмсыыс. Сöмын сьёмтор колё. Тайёс öмёй он вермы гёгёрвоны. Кын мыр тэ.

ГАЛЯ. Мый сэнi гёгёрвонысö?

СЛАВИК. Сьёмторийыд жаль?

ГАЛЯ. Абу сьёмыс жаль. Тэнад вошём томлуныд жаль. Мый вёсна татшём наказанньёыс юр вылё кыськó усис? Мыйён ме мыжа?

СЛАВИК. Ставнас мыжа.

ГАЛЯ. Мыйён? Вильтав кёть мыйён.

СЛАВИК. Ме... тёда. Уколсö кё вёча, сэки, гашкó, вежёрта.

Котёрён пырё Валя.

ВАЛЯ. Мамё, экзамен сдайтi пять вылё!

ГАЛЯ. Эн горав. Батыыд сьёкыда висьё. Öдва нин лолалё.

СЛАВИК. Аддёма тай ыджыдтор, экзамен сдайтöма, кутшёмкö кулём кыв велёдö. Ме сидзисö кужа жё: вув, вув! Гав, гав! Ву-у-у!

ГАЛЯ. Ланьт! Вежёрнад öмёй торксин? Мам кывтö сидзи лякан.

СЛАВИК. Ётарни ляка, гав, гав... ув... ув... кытчöдз сьём ныр улын оз ло.

ГАЛЯ (*пызан вылö кысыкё лэптö уна сьом*). На, понмён кё асьтö лыддян, лак, мыйта тöрас. Ме сэсся ог вермы... Став эбöсöй нин бырис. Батыылды висьтала. Мый вöчас... мед...

СЛАВИК (*съёмсö шымыртö морöс бердас, но ньёжийö лэдзö*). Батылы эн висьтав. Сийö тöдан, мый мекöд вöчас... Кöртöн дорас. Тэ мам али абу?

ГАЛЯ (*бёрддзö*). Быд лун аслам челядькöд вöюйта. Тайö öмöй олём?

ВАЛЯ (*шога*). Гашкö, тасянь и войнаыс заводитчö...

СЛАВИК. Кöть мый лöö... веськодь... Ме кöсся кывны ачымöс кыпыдён... Ти ногён... шудаён...

ВАЛЯ. Дзугсьюм морт тэ, Славик.

СЛАВИК. Тэ муса кывтö велöд: вув, вув... гав, гав... Мам... Медбörъяыс мезды менö... медбörъяыс...

ГАЛЯ. Босыт сьёмсö, мыйта колö, да весась син водзысь... Меным сьёкыд тэнö шуны пиён... сьёкыд.

СЛАВИК (*чабралö съёмсö да сюялö зептас*). Мам, ло век татшöмён...

ГАЛЯ. Тэ пулятöг виан...

Витöд серпас

Вöчсöй сэнi жö. Диван вылын куйлö Вадим Владимирович. Пырё Галя.

ГАЛЯ. Зэв пось шыд (*пүктö пызан вылö*). Кутшöмös тэ радейтан..

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Сёйнысö тай оз и ков.

ГАЛЯ. Мый нö сïдз...

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Буракö, сёйсьюма нин менам. Аттьö, Галюш, но шыдсö бöр ну, дэльöдö кöрыс менö лёкног. Бурджык чай вай.

ГАЛЯ. Сукджыка али кизьёрös.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Сукджыка...

ГАЛЯ. Лимонён али варенньёён?

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Кöть мыйён... пось кё и...

ГАЛЯ. Сïдзи оз позь, кöть мыйён...

Галя петалö да пыртö чай.

ГАЛЯ. Сёйом водзывлад чай и лöсялö порысь мортыдлы.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Галя, тэ быттьö мыйкö кöссян меным висьтавны да падъялан?

ГАЛЯ. Збыль. Сïдзи.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Висьтав, эн пов, нэмтö вöлiн вежавидзысь аньён.

ГАЛЯ. Вадим... Ме мыжа тэ водзын.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Меным кыдзкö оз эскыссыы.

ГАЛЯ. Мыжыс менам томдырся на. Йöй руа на вöлi. Вадим, помнитан сийö тулыссö, кор ми аддзысим, вöр керкасö, Вурдысь дядьös?

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Кыдзи ог! Сийö кадыс менам вöлi медся шуда. Казытiн да, сьёлём дорой быдсöн пымавлiс.

ГАЛЯ. Сёйкыд меным сійёс тәнүйд шуны, но быть коло... ен грекөс нәм чөж мырки. Прости, Вадим.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Ниномысь меным тәнö, Галюк, простинысö, кылан?

ГАЛЯ. Ог кыв, талун ог кыв. Тә кывзы. Славик пиным öд, кор ми тәкөд аддзысим, волі нин менам кыномын.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Ох, выльтор шуис! Ме тайёс тёдлі жо... И зев важён.

ГАЛЯ. Мыйла меным эн висьтавлы?

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Ме öд тәнö радейтлі, и ёна. Тә, Галя, меным уна буртор вочин. Век ме восьна тёждысин. Отсасин... Бур, мый коркө тырмылёма на вежёрой не вомавны тәнö... Вунёд, коркө кө мыйкө неладнö волі. (*Здук мысти.*) Галя! Аслам кузь нәм чөжён гёгөрвои öти коланатор, сідзи меным чайтсыö. Мортыслон выныс абу чорыд кабырын, жебджеңкөс увтыртёмын, законлон чорыд нöшкөн öвтчомын.

ГАЛЯ. Көні тәнад визирыд?

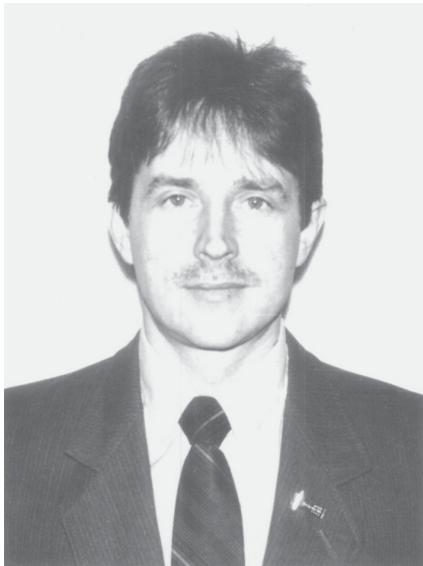
ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Ёрттö ас кадö гёгөрвоёмын.

ГАЛЯ. Аттьё, Вадим, любö тайёс кывны. Ме тә борд улын шуда жо волі, тужа ни нужда эг тёдлы. Йёз муяс аддзылім, шоныд саридзын лысьёмнымысö небзьёдлім. Бур йөзкөд аддзысылім. Эм мый казытывнысö.

ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ. Эм... Збыль эм.

ГАЛЯ. Вадим, тә бара чайтö эн ю? Кодзалис нин, көнкө. (*Галя видлө.*) Гашкө, лекарство юан? Сідзи эм. Выльысшонта. (*Петö. Күтишомкө кадколаст мысти бёр пырö. Здук видзёдö верös вылас и борддзö.*) Тә тай нö менё эновтін... че-лядьтö, и ёртъястö, и мувыв юғыдсö...

Александр Шебырев

Шебырев Александр Васильевич. 1960 жылдан күнгөн Куломбін районса Пожёг сиктын. Армия бөрын помавліс Сыктывкарса государственной университет, экономической факультет. 1988 восянь 15 во ёлғи журналистикаын («Ленин түйөд», бөрйинджык — «Парма гор» газетын). Оні олө Помёсдінын, уджалө краеведён (юрнүйдө Тима Венъ музейн да школаса краеведческой музейн). Йоғодбліс ассыыс кывбурзяссө газет-журналъясын, а сідзәжә «Сикоти», «Мелілуныс пыдостом и помтөм», «Вечерний звон» да мукөд ѿтувъя сборникин. А.Шебыревлөн кывбурзяс вылөтәчома вель уна сыланкыв.

«Эн шегъясь аслад шудён...»

* * *

Вай вежсям шудён! Некод оз и тёдлы,
Мый коркё ассыыд шудтö сетін мёдлы.
Да, мёдлы! Коді синва сорён корис,
И кодос Енмыс збоялёмсыс ёрис.
Но тэ он веж... Он шегъясь аслад шудён.
Тэ тёдан: олём банаң лоас рудён,
И съёкыд нопыйд муас тэнё личкас,
И чизыр тёлыс чужёмбанад швичкас.
И век жё... Век жё...
Одзёссоң кё восстан,
Ме шудтö мырддя.
Просто... Сідзи...
Босъта.

* * *

Содзёдом эзысь...
Тэ бара нин лэбалан отнад.
Сынёдыс помтём,
Но коркё од волан жё муё?
Отнад, ас кежысь...

Тэ вемёстö шебрöдин вётнад.
Кельыдлöз вóтыс тай
Сиралом вóньён и ную.

* * *

Сёрни-басни вылö петны,
Нем абусö кывйён летны,—
Бörъя делö.
Лытём кывйыд зэв тай гылыд.
Медым олöмыс эз ылöд, —
Сийös зэлöд.
Шулöмаöсь: сёрни — эзысь...
Чёвлун — зарни, — шулöмаöсь
Абу прöстö.
Уна кывйён этша вöчан,
Горзигтырий олöм тэchan, —
Воштан мёстö.

* * *

Лэбалёны думъяс
Юрсигусьясöн.
Войлалёны мёвпъяс
Лöзов енэжтi.
Кыйсьёма нин найös!
Акань тусяясöс.
Йötкыштiн кö мёвптö,
Сидзё, — керыштiн.

* * *

Поводдяыс йöймис...
Сора-косма*.
Дасöд лун нин ыджыдалö зэрыс.
Ывлавылыс быгзис...
А ме косьма.
Кодi менö дас лун сайын керис?
Вöлi кад — ме ёна полi вавыс.
Вöлi кад — ме югыдiнсö корси.
...Зэр улас кöть мынi няйтись-саыс,
Бара сорси.
Мыйкö бара сорси.

* «Сора-косма» (фразеол.) — абу ёткодь.

* * *

Муёдз копыртча тэд,
Рытъя синма ань.
Лайкан-потан дорын
Узьтём войтö кольомысь.
Медым югдан луныс
Лоас тэныд шань,
Медым бёрдьись кага
Лёняс сылём-дольёмысь.
Олём – тіпкё. Воас коркё
Нимкодь кад.
Тувччас кокенъ вылас мусаникыд.
Шатовтчас...
Тыран радлунён тэ...
Рад... И абу рад...
Мортыс – сувтіс.
Кодар туйлань сийё катовтчас?

* * *

Нинём нин он кер...
Кор важён –
аслад веськодълунлён вер*.
Кор уси пидзёс вылас
Войдёр авъя лолыд.
Нинём нин он веж...
И ворга туйысь
некор нин он кеж,
Кор киляусьём олёмас тэд долыд.

* * *

Волан-он?
Бомас босытёма ва телефон...
Румка пыдёсöвойёма зон.
Весьшёрö...
Волан-он?
Кыдзи донъявны нылыслысь дон?
Дзижгё-бергалö важ патефон.
Весьшёрö...
Волан-он?
Со и триньётбтис скёр телефон.
Кодкё мёд зэвтас кык вылё вон.

---

* «Вер» (важ коми) – раб.

Тэ – весьшёрё...
Важ патефон
Дзижгёмён бергалё.
Симёма емыс, но югыдён кольё
Чарльстон.

* * *

Ме рад...
Мый тёдлытёг вужъясин-овмёдчин,
Девятибрат.
Мый kortöгыс локтін
Да некодлъсь юасътёг чужин.
Ме эска: тэ дзоридзъяс олёмын
лёсьёдан лад.
Тэ, ёкмысёд вокой,
Бур местаё веськалін...
Кужин...

* * *

Ю али сариdz?
Ю...
Сомын ю кузя ветлодло нариdz.
А ми – берегас.
Кыр йылас.
Отарас.
Азым синъясён дзоръялам мёдарас.
Сэні нур,
Сэні, шуёны, олёмыс бур.
Сэні жар.
Сэні суало майдын кодь кар.
Сэні шуд...
Сэні тырёма зарниён куд.
Сэні рай.
Сизим идёглон* – сизимдас пай.
Сэні Ен.
Сэні бырёма йёзкостса вен.
Сэні – ю...
Али сариdz?
Ю...
Сомын ю кузя ветлодло нариdz!
Гёгёр – ру...
Колём-полём...
А мый, сэн кё – сариdz?!!

* Идёг (важ коми) – ангел.

* * *

Мем жугыль... Жаль...
 А тә он вун.
 Көтү кывтін горув ділі-долі.
 Ме бара вии ёти лун,
 Код бёрсö некор нин оз волы.

* * *

Ставыс лючки-ладнö
 Му вылас.
 Ставлы ёти олём
 Сетёма.
 Ставён ёта-мёдлы
 Чой-вокъяс.
 Адам-Ева костысь
 Петёма.
 Мыйла, сідзкё, мортлы
 Вензыны?
 Мыйла либо слабös
 Тышкавны?
 Кольё сёмын таысь
 Шензыны.
 Кольё сёмын синва
 Чышкавны.

Важ Египетын

Хапи

Съод гёраын, изъя горсыйн
 Чужё Хапи¹.
 Олём ю. А йёзлы – Ен,
 Көтү абу – Ра² пи...
 Сизимбергёдана кытшён увлань лэбö.
 Тöдö: лёсъёдома силы
 «Хапи Небöг».
 Съолём бурмё вежа юлён, –
 Ловзьё олём.
 Измё съолём лёкысь сылён, –

¹ *Xani* – тадз шулісны важ йёз Нил ю.

² *Ra* – медшör Ен.

Йёзлы полём.
 Дўзмас Хапи,— йўз юр вылў
 Шему* усьё.
 Косьмё гёгёр... Чери бырё...
 Адён шусъё.
 Олём ланъё. Жарыс виё
 Аслас гёрён.
 Коні Исиданым¹ миян?
 Сийё – бёрдё!
 Синва войтысь Хапи ойдас,
 Бара туас.
 Нёль ахетён*, нёль перетён*
 Шудсо нуас.

Му артмём

Коркё ыджыдаліс Нун**
 Мирён ётнас...
 Но эз тёдлы югыдлун...
 Сомын – вётнас.
 Енлён места – гажтёмин.
 Шогыс летіс.
 Воис кад, и Бенбен² из
 Ваысь петіс.
 Ба веркёсас пемыдвой
 Оліс – кужис.
 Кёсайис дыр на узыны. Но...
 Лотос чужис!
 Ютыйд чужис! Бырис са.
 Шонді петіс.
 Йргён шонді... Зарни Ра**
 Олём сетіс.
 Райд синсö восьтіс, – му
 Йёзён тыри.
 Райд вомсö восьтіс, – здук...
 Лёкыс быри.
 Сомын Енъяс костын вен
 Ра эз лицёд.
 ... Йлодз дзирадалё Бенбен.
 Ветлы, видзёд!

¹ Исида – йўз дор сулалысь Ен.

² Бенбен – саридз шўрын изъя ді, коні чужис олём.

* Ахет, перет, шему – ёти волён юкёнъяс. Воян – нёль юкён.

** Нун да Ра – Енъяс.

Шу¹

Шу!..
 Мыйкё шу...
 Тэныд, сөстөмлы, эскам.
 Тэ бергёдан миянлысь олём.
 Кони чоюкыд, Шу,
 Кони тэрыб Тефнут²?
 Мыйла бирёма хамсилён³ полём?
 Муёдз копыртчам, Шу,
 Вайёт чоюктö бёр!
 Медым вошас хамсин,
 Медым уёвтас... Вёр!
 Кösсям овны на... Йоз.
 Кöть и сынöдыс лöз,
 Сийö – этша на... Да!
 Колё ва.
 Колё ва!

Фараонъяс

Рамсесъяс, Тутанхамонъяс...
 Ловъя Енъяс. Фараонъяс.
 Волі тіян кад.
 Жаль, мый воши лад.
 Ра – Амонаёс он ылёт.
 Готрасинныд чойяс вылад.
 Рöдыд чинё... Бирё... Сылё...
 Абу Енъяс.
 Мортъяс, кылё...

---

¹ Шу – Ен, Ралён пи.

² Тефнут – Ен, Ралён ныв.

³ Хамсин – лёк, кос тёв.

Валерий Каликов

Каликов Валерий Николаевич – родился в городе Сыктывкаре в 1946 году. Наверное, не удивительно, что вырос он в доме, расположеннном на улице Домны Каликовой. Героиня гражданской войны приходилась его отцу двоюродной сестрой. Окончив механико-математический факультет МГУ им. Ломоносова, Валерий Николаевич учился в аспирантуре, защитил диссертацию, работал научным сотрудником в институте механики МГУ, преподавал. Выпустил 40 научных трудов, 2 монографии, стал автором 10 изобретений. Возглавлял филиал Акционерного коммерческого банка «Комибанк» в Москве. Многие годы являлся членом Правления НКО «Парма», с начала 2008 года – председатель Правления национально-культурного общества.

«По вектору добра и духовности...»

Интервью с Валерием Николаевичем Каликовым, председателем национально-культурного общества «Парма» в Москве. Специально для журнала «Арт».

– Валерий Николаевич, НКО «Парма» готовится отметить свой юбилей. Расскажите, откуда берут своё начало истоки создания организации, чем была обусловлена общественная жизнь столицы двадцать лет назад, когда коми земляки почувствовали стремление к объединению?

Москва – город удивительный, великий. Вся история России неразрывно связана со столицей, она – ядро российской государственности, крупнейшая мировая столица. И не случайно существует такая фраза – «Москва – собирательница русских земель», – средоточие всего лучшего, что есть в стране. Поэтому в истории Москвы переплелись судьбы людей самых разных национальностей, и не только тех, которые проживают на территории нашей страны. Вполне закономерно, что у них возникает желание объединиться и сообща решать насущные проблемы.

Конечно, Москву и Коми связывают давние взаимоотношения. И несколько веков назад интерес к нашим северным землям у Московского княжества был неоспоримый, – ценились и пушнина, и рыба, и дары природы. В двадцатом веке с развитием научно-технического прогресса в столицу приезжали за образованием, новыми современными знаниями, многие оставались здесь жить. Уже тогда постепенно образовывались сообщества людей, вышедших из одной местности –

интуитивно тянулись они друг к другу ради общения, – нелегко было найти свою дорогу в Москве, даже просто пристроиться на ночлег, – помогали земляки, знакомые, дальние родственники. Выходцы из Коми тянулись к объединению задолго до появления официальных организаций – НКО «Парма» или РОО «Землячество Коми». Это были дружеские встречи.

Например, имя Анны Андреевны Заболоцкой, уроженки села Межадор, было широко известно в Москве среди земляков в середине прошлого века. Будучи представительницей известной в Коми фамилии Морозовых, корни которой уходят в XVII век, она с юности проявляла интерес к общественной деятельности, играла в труппе первого коми театра под руководством В.А. Савина. Окончив Всесоюзный коммунистический институт журналистики в Москве, работала в Коми издательстве, но именно в столице она состоялась как журналист, библиограф, историк лесного хозяйства. Проживая в Москве, А.А. Заболоцкая являлась одним из лидеров коми земляческого движения. Все и предвоенные, и послевоенные годы двери квартиры Анны Андреевны Заболоцкой в старинном особняке на Берсеневской набережной были открыты для всех родственников и земляков. Одно время она даже вела занятия по коми языку для студентов ГИТИСа – на курсе, готовившем актёров и режиссёров для национального театра. Переезжая в Москву, наши земляки не забывали о родине.

В 1989 году выходцы из Коми официально организовали национально-культурное объединение «Парма». Парма для коми – понятие знаковое, не только

Логотип НКО «Парма».

среда обитания, кормилица, но и символ того единственного места на земле, где родился. Потому не случайно возникло это название. Национально-культурное общество «Парма» родилось в сложные для страны времена, – менялась идеология, самосознание человека. Это позже государством будут приняты законы, регулирующие национальные отношения, возникнут министерства и ведомства по межнациональным вопросам, а тогда, в 1989 году, люди, объединявшиеся по национальному признаку, шли за голосом сердца и разума. Главной идеей «пармовцев», как впрочем, и других национально-культурных объединений, образовавшихся в то время в столице, стало желание сохранить свою культуру вдалеке от малой родины, привить любовь к традициям предков подрастающему поколению и представить свой народ в многонациональной Москве. Уже тогда сложились тёплые и дружеские отношения с представителями не только финно-угорских народов, но и многих других этносов, населяющих столицу, – эти связи со временем лишь укреплялись и развивались. Диалог культур – вот стержень любого национального движения.

– Какие идеи были основополагающими для тех, кто стал родоначальником коми национального движения в Москве?

Основателями НКО «Парма» стали удивительные люди: это социолог Алексей Кимович Конюхов, учёный-геолог Ремир Васильевич Сенюков, писатель Альберт Иванович Попов, языковеды Баталова Раиса Михайловна и Тудвасева Зина-

ида Константиновна, а так же, к сожалению, уже ушедший из жизни, народный художник Коми АССР Николай Лукьянович Жилин. По сути, в кризисной ситуации, когда в стране бушевал хаос разделения страны, нашлись люди, которым необходимым стало обращение к нравственным, духовным началам человека, таким святым понятиям как уважение его чести и достоинства, любовь к собственным корням и истокам, знание и почитание прошлого родного края. В одном из первых номеров журнала «Парма», который в течение 10 лет издавало общество в Москве, были обозначены задачи объединения: всемерно содействовать возрождению и развитию национального самосознания народа коми, его языка, культуры, традиций и ремёсел, а тем самым – и укреплению интернационального братства и совершенствованию межнациональных отношений. Этим взглядам мы верны до сих пор. Цели и задачи, поставленные перед обществом «Парма», реализуются в конкретных делах, а это, прежде всего, мероприятия, направленные на духовное и культурное развитие.

– Бессспорно, важную роль в общественном объединении играет лидер организации, вдохновитель. Кто из наших земляков стоял у руля НКО «Парма» в течение этих двадцати лет?

– Первым председателем НКО «Парма» был избран Алексей Кимович Конюхов, он смог найти и сплотить уроженцев Коми, проживающих в столице. Вернувшись из Москвы в Сыктывкар, он до сих пор не забывает своих земляков. Вторым председателем стал Альберт Иванович Попов, затем бразды правления организацией были доверены Евгению Фёдоровичу Кузнецovу. С 1999 по 2005 год НКО «Парма» возглавлял Ефим Тихонович Канев, позже его преемником стал Владимир Александрович Тюрнин. С 2008 года обязанности председателя Правления НКО «Парма» исполняю я, Валерий Николаевич Каликов. Хочу отметить, что все эти люди очень уважаемые в объединении, до сих пор помогают не только словом, но и делом.

– Сегодня без преувеличения можно назвать Москву полюсом притяжения всей России, но и сорок, и шестьдесят, и сто лет назад столица «собирала» лучшее со всей страны. Так получилось, что выдающиеся деятели Коми, уроженцы наших северных земель, многие годы своей жизни отдали Москве, кого Вы можете вспомнить, как сложились их судьбы?

– Всех людей, которые составили в Москве гордость Республики Коми, перечислить просто невозможно, на это уйдёт не один том. Это и видные учёные, и военные, ветераны Великой Отечественной войны, и педагоги, и артисты. К сожалению, многих из них уже нет в живых, но память помнит их имена и заслуги. К таким выдающимся деятелям науки относится **Василий Михайлович Сенюков** – известнейший советский геолог, профессор, доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки и техники Коми АССР и Якутской АССР, уроженец деревни Онежье нынешнего Княжпогостского района Республики Коми. Когда Василию было всего 14 лет, судьба свела его с одним из геологических отрядов профессора А.А. Чернова, изучавшего природные ресурсы Коми края. Парнишка стал проводником геологов, пробиравшимся летом 1921 года к верховьям реки Шомвуквы. Он окончил педагогический техникум, совпартшколу, активно рабо-

Владимир Александрович Тюрнин и Ремир Васильевич Сенюков.

зопровода Саратов-Москва – первенца газовой индустрии России. По разработанному им плану опорного и параметрического бурения в 1967–1975 годах в пределах Тимано-Печорской провинции было пробурено 38 скважин. Благодаря революционной идее В. Сенюкова стали впервые добывать нефть в Большеземельской тундре. В результате всех поисковых и разведочных работ в эти годы был получен прирост промышленных запасов нефти 420 миллионов тонн и газа – 530 миллиардов кубических метров. Это позволило Коми войти в ряд ведущих топливно-энергетических регионов страны. В Москве у здания геологоразведочного университета открыт памятник «Геологам-первооткрывателям». Он установлен в честь выдающихся заслуг геологов России в создании мощной минерально-сырьевой базы страны. В число этих первооткрывателей входит и уроженец Коми Василий Сенюков. Сын Василия Михайловича, Ремир Васильевич Сенюков, стоял у истоков создания НКО «Парма» и все двадцать лет ведёт активную работу в объединении. Ремир Васильевич Сенюков – профессор, доктор наук, преподаватель Государственного института нефти и газа им. И.М. Губкина, человек не менее удивительной судьбы, чем его отец.

Мы не забудем имена наших друзей, народных художников Коми АССР Николая Лукьяновича Жилина и Василия Георгиевича Игнатова. Николай Лукьянович родился в 1913 году в небольшой коми деревеньке с поэтическим названием Кыдзино (ныне – Княжпогостский район). Мировоззрение его формировалось в далёкой от культурных центров северной деревне. Первоначальное художественное образование он получил в Омском художественном техникуме, а через три года после его окончания поступил в Московский художественный институт им. В.И. Сурикова. Н.Л. Жилина называют одним из основоположников профессиональной живописи в Республике Коми, и весьма справедливо. Он представлял художественное творчество региона на профессиональных всесоюзных выставках в Москве, много сил приложил в создании Союза художников Коми АССР, республиканского Художественного музея. Николай Лукьянович – создатель картинной галереи при Краеведческом музее города Воркуты. Городу он передал ряд своих работ, а так же собрал целую коллекцию произведений советских художников. Мы помним его основательным, талантливым человеком и очень гостепри-

тал в комсомоле, в профсоюзе, на землеустроительных курсах. И вот, наконец, поступил в Московский нефтяной институт на геолого-разведочный факультет. Получив диплом инженера-геолога, Василий Михайлович продолжил учёбу в аспирантуре. В.М. Сенюков впервые в мире выдвинул гипотезу о нефтеносности самых древних отложений и подтвердил это практически открытием кембрийской нефти в Сибири. Второй крупной вехой в жизни учёного стало открытие саратовского газа и инициатива строительства газопровода Саратов-Москва – первенца газовой индустрии России. По разработанному им плану опорного и параметрического бурения в 1967–1975 годах в пределах Тимано-Печорской провинции было пробурено 38 скважин. Благодаря революционной идее В. Сенюкова стали впервые добывать нефть в Большеземельской тундре. В результате всех поисковых и разведочных работ в эти годы был получен прирост промышленных запасов нефти 420 миллионов тонн и газа – 530 миллиардов кубических метров. Это позволило Коми войти в ряд ведущих топливно-энергетических регионов страны. В Москве у здания геологоразведочного университета открыт памятник «Геологам-первооткрывателям». Он установлен в честь выдающихся заслуг геологов России в создании мощной минерально-сырьевой базы страны. В число этих первооткрывателей входит и уроженец Коми Василий Сенюков. Сын Василия Михайловича, Ремир Васильевич Сенюков, стоял у истоков создания НКО «Парма» и все двадцать лет ведёт активную работу в объединении. Ремир Васильевич Сенюков – профессор, доктор наук, преподаватель Государственного института нефти и газа им. И.М. Губкина, человек не менее удивительной судьбы, чем его отец.

Мы не забудем имена наших друзей, народных художников Коми АССР Николая Лукьяновича Жилина и Василия Георгиевича Игнатова. Николай Лукьянович родился в 1913 году в небольшой коми деревеньке с поэтическим названием Кыдзино (ныне – Княжпогостский район). Мировоззрение его формировалось в далёкой от культурных центров северной деревне. Первоначальное художественное образование он получил в Омском художественном техникуме, а через три года после его окончания поступил в Московский художественный институт им. В.И. Сурикова. Н.Л. Жилина называют одним из основоположников профессиональной живописи в Республике Коми, и весьма справедливо. Он представлял художественное творчество региона на профессиональных всесоюзных выставках в Москве, много сил приложил в создании Союза художников Коми АССР, республиканского Художественного музея. Николай Лукьянович – создатель картинной галереи при Краеведческом музее города Воркуты. Городу он передал ряд своих работ, а так же собрал целую коллекцию произведений советских художников. Мы помним его основательным, талантливым человеком и очень гостепри-

имным. Ведь именно в его мастерской мы часто проводили собрания Правления НКО «Парма».

Василий Георгиевич Игнатов – уроженец с. Зеленец, что под Сыктывкаром. После окончания 7-го класса родители отправили юного художника в Москву, где он с отличием окончил Художественное училище им. 1905 года. Уже тогда Василий Георгиевич с увлечением изучал устное народное творчество, особенно легенды, былины, предания, в которых отражена историческая память народа. И позже его интерес к фольклору не угасает. Он продолжает изучать литературу XIII–XV веков в Библиотеке им. Ленина в Москве, так как таких книг не было в Сыктывкаре. Именно это увлечение и помогло художнику выбрать свой путь, своё направление в искусстве и живописи. В Республике Коми многие помнят этого человека как директора Художественного музея, автора декораций к балету Якова Перепелицы «Яг морт», как замечательного иллюстратора книг. Окончив с отличием ВГИК, Василий Георгиевич получил направление на студию «Союзмультфильм», где им были созданы такие мультфильмы, как «Гадкий утёнок», «Украденный месяц», «Петушок – золотой гребешок» и другие. Его работы экспонировались на многих московских и республиканских художественных выставках. Широко известен альбом «Легенды и сказания народа коми». За 40 лет творчества Василий Георгиевич оставил заметный след в искусстве: он выполнил иллюстрации к 17 книгам, большей частью написанных на коми языке, оформил 8 спектаклей, создал 4 мультфильма, 25 диафильмов, 3 диорамы, написал много ярких, запоминающихся картин. Наш земляк никогда не забывал о своей малой родине. Василий Георгиевич подарил школе в селе Усть-Усе 13 своих картин и 20 акварелей. В нашем объединении он работал с душой и пониманием, был удивительным собеседником, замечательным рассказчиком. Не так давно мы побывали в доме у вдовы художника, Нины Петровны Игнатовой, и взгляд невольно обращался к картине «Три богатыря». Мне показалось, что в одном из трёх героев угадывается образ самого Василия Георгиевича, – с его великой любовью и чувством родства с землёй, где он родился и вырос, с хлебным полем, с крылечком родного дома, с банькой, речкой.

Хочется так же вспомнить ещё несколько удивительных людей, с кем нам довелось работать и общаться в Москве. Это **Екатерина Васильевна Плотникова**, заслуженная артистка России, исполнявшая песни на 30 языках. Она работала артисткой ансамбля «Асья кыя», Горьковской и Сыктывкарской филармоний. В Москве она записала три пластинки с коми, коми-пермяцкими и русскими песнями, была душой нашей организации. Одним из первых, кто поддержал идею создания НКО «Парма» в Москве был **Николай Иванович Трошев**, уроженец села Шошка Княжпогостского района, председатель Госплана Республики Коми, заместитель Председателя Совмина Республики Коми, руководитель подразделения территориального планирования Госплана СССР. Сейчас в нашем объединении существует сын Николая Ивановича – Евгений Николаевич Трошев, профессор кафедры рисунка Московского государственного академического художественного института им. Сурикова, заслуженный работник искусства Коми АССР и РСФСР.

Неоднократно избирался членом Правления НКО «Парма» и активно вёл направление работы с ветеранами Великой Отечественной войны, труда, трудового фронта **Василий Николаевич Пархачёв**, участник партизанского отряда «Коми

Выпускники школы №12 в Москве.

партизан». В составе отряда воевал в Мурманской области, Карелии, на территории Финляндии. После войны он выбрал мирную профессию, работал директором школы, а затем в Министерстве просвещения СССР. К своей работе в нашем объединении он относился с большим вниманием, так как тема Великой Отечественной войны была близка ему и памятна. К сожалению, уже нет с нами многих, с кем неразрывно

связано начало деятельности нашей организации. Это Георгий Фёдорович Тимуров, Герой Советского Союза, Макар Андреевич Бабиков, Герой Советского Союза, Василий Васильевич Налимов, профессор МГУ им. Ломоносова, Татьяна Викторовна Кокшарова, журналист, Нина Александровна Потапова, родная сестра легендарного коми героя гражданской войны Маегова А.А., сотрудник Министерства просвещения СССР, Николай Михайлович Титов, полковник ГРУ Генштаба обороны, Зинаида Николаевна Латкина, ветеран войны и труда, Владимир Николаевич Козлов, генерал-майор, учёный, изобретатель, работал советником в Египте и на Кубе, Владимир Петрович Рассыхаев, полковник, начальник отдела Постпредства Республики Коми при Президенте РФ.

– Среди членов объединения «Парма» в Москве большинство тех, кого принято называть интеллектуальной элитой – учёные, педагоги, исследователи, изобретатели, писатели, художники. Почему, на Ваш взгляд, сложился именно такой состав организации?

Действительно, в НКО «Парма» объединились те, чьи интересы выходят далеко за рамки обыденных бытовых проблем, а только такие люди имеют высокий авторитет, неиссякаемую энергию и желание быть полезными, нужными в жизни. Каждый, кто присоединяется к нашей организации, – очень интересная, богатая духовно личность, быть может, поэтому мы уже двадцать лет вместе и к нам вливаются новые земляки. Ранее, во времена Союза, направление в партийные органы Москвы, в центральные учреждения науки, образования, техники, обороны приглашались лучшие представители из регионов, доказавшие свою состоятельность на местах. Переехав в Москву, они оставались на постоянное жительство, но не забыли родной край. Кроме тех, кого я уже называл, могу отметить таких удивительно преданных родной земле людей, как Вера Алексеевну Чижову, доктора геолого-минералогических наук, академика Российской академии естественных наук и Международной академии наук о природе и обществе, Раису Михайловну Баталову, доктора филологических наук, главного научного сотрудника сектора финно-угорских языков Института языкоznания РАН, Зинаиду Констан-

тиновну Тудвасеву, кандидата педагогических наук, Юрия Александровича Фотиева, генерал-майора, кандидата военных наук, Юлия Александровича Фомина, контр-адмирала, кандидата военных наук. С большим удовольствием мы ведём совместную общественную работу с Павлом Алексеевичем Осиповым, доктором наук, экологом, Ефимом Тихоновичем Каневым, президентом Коми Ремесленной палаты Республики Коми, Луизой Павловной Рекемчук, переводчицей коми литературы, и Александром Евсеевичем Рекемчуком, писателем, журналистом. Долгие годы работы в объединении связывают нас с Ниной Павловной Ефремовой, бессменным членом правления организации, ныне – заместителем председателя Правления НКО «Парма», Игорем Леонидовичем Каленовым, генеральным продюсером телеканала «Столица», сыном Леонида Александровича Лыткина. Невозможно представить душу любого народа без его песенной и фольклорной традиции. Продолжательницей коми народной песенной культуры в Москве можно назвать Ирину Евгеньевну Косолапову. Она долгие годы выступает на самых различных площадках Москвы и Подмосковья, исполняя коми песни, как народные, так и современные. Корни Ирины уходят в глубинку – село Нижний Воч Усть-Куломского района Республики Коми, и долгие годы пребывания в Москве не потушили искорку, зародившуюся в её сердце на земле Коми. Трудно представить нашу работу без поддержки таких людей, как Галина Александровна Черных, Валентина Александровна Макарова, Светлана Борисовна Терентьева. Этот список можно продолжать и продолжать, – мы очень гордимся людьми, благодаря которым наша организация уверенно смотрит в будущее.

Ветераны «Пармы»: Чижова В.А., Калугина И.И., Калимова Г.И.

– Сейчас много говорят о привлечении молодёжи к решению национальных проблем, идёт ли молодёжь в «Парму», участвует ли в общественной жизни?

Особенно приятно, что нас поддерживает молодёжь. Сегодня многие выпускники стремятся получить образование в Москве, ребята приезжают из самых разных уголков Республики Коми, порой, не представляя себе жизни в огромном мегаполисе. Таким студентам нужна моральная поддержка, ощущение надёжного плеча, опоры. Совместно с общественной организацией «Землячество Коми», действующей уже более 10 лет, мы планомерно ведём работу со студентами, – привлекаем к реализации наших проектов, и должен сказать, что энергии и идей у молодёжи хоть отбавляй. Большую помошь в этой работе нам оказывает куратор молодёжного движения коми землячества Вероника Николаевна Ортянова, сотрудник Постоянного представительства Республики Коми при Президенте РФ.

Отчётно-выборное собрание НКО «Парма», 2006 г.

– Все мы понимаем, что в общественной организации работа строится на добровольных началах, но без поддержки – и не только финансовой – в деятельности таких масштабов просто не обойтись. Кто помогает «Парме» в её благородном деле?

Приятно видеть, что Правительство Республики Коми понимает, насколько нужна в Москве общественная организация, представляющая республику и народ коми в центре, и за это им огромное спасибо. С любым вопросом мы можем обратиться в Министерство национальной политики Республики Коми, в Финно-угорский культурный центр Российской Федерации, который расположен в Сыктывкаре, в республиканские коми культурные центры, – нас всегда выслушают, дадут совет, помогут. Хочу выразить благодарность сотрудникам Постоянного представительства Республики Коми при Президенте Российской Федерации и лично Степану Владимировичу Игнатову. С созданием Постпредства в Москве у нас не просто появилось место для встреч, – здесь нам искренне рады, здесь мы чувствуем себя по-настоящему уютно, как в родной республике. Атмосфера общества, отношение и поддержка даёт нам силы и воодушевляет. Кроме того, в последние несколько лет в состав Правления НКО «Парма» вошли сотрудники Представительства, родом из Республики Коми.

Мы тесно работаем с профильными ведомствами Правительства Москвы, принимаем участие в фестивалях, концертах, «круглых столах» и конференциях, проводимых Комитетом межрегиональных связей и национальной политики столицы, сотрудничаем с общественными организациями. Нашим вторым домом стал Московский дом национальностей. И не случайно, ведь сама идея рождения такого учреждения принадлежит многонациональной общественности столицы.

Конечно, мы всегда рады спонсорской помощи, так как планов и проектов, которые необходимо реализовать в ближайшем будущем, у нас немало. Например,

издание журнала к 20-летнему юбилею НКО «Парма», организация и проведение конкурса детского рисунка «Республике посвящаю», интеллектуальной игры среди молодёжи «Мый? Кёni? Кор?». Совсем недавно состоялся прекрасный вечер, название которого точно передало атмосферу встречи – «От всей души», где мы рассказали о самых талантливых и увлечённых «пармовцах», которые все эти двадцать лет активно участвовали в жизни объединения.

– Остались ли близки для «пармовцев» их национальные истоки, ведь, как известно, именно в культуре заключены история, генетический код народа?

За двадцать лет сложились определённые традиции. Например, ежегодно мы проводим встречи с литераторами Республики Коми. Известнейшие поэты и писатели приезжают из Коми, чтобы представить современную литературу, книжные новинки, издающиеся в республике. Надолго запомнились «пармовцам» встречи с Владимиром Тиминым, Еленой Габовой, Петром Столповским, Еленой Козловой, Галиной Бутыревой, Надеждой Мирошниченко, Александром Журавлёвым, Андреем Поповым и другими поэтами и писателями Коми. Важными для наших земляков стали Дни родного языка, регулярно проводимые в объединении: само общение на коми языке, родная речь, коми народные песни – духовная пища для каждого из нас.

Несмотря на влияние мирового кризиса, который охватил практически все сферы нашей жизни, к 20-летию НКО «Парма» мы подготовились основательно – уже состоялись литературные встречи, посвящённые юбилеям Ивана Куратова и Виктора Савина, презентации книг по судоходству на реке Печоре и Русскому Северу, представление исследований родословных фамилии Каневых Республики Коми. Значимой инициативой членов объединения стала идея создания Библио-

«Пармовцы» на встрече с поэтами из Республики Коми в Постоянном представительстве Республики Коми при Президенте РФ, 2008 г.

теки НКО «Парма» – «Золотого фонда» изданий о Коми, в том числе книг, монографий, научных работ уроженцев северного края, проживающих в Москве. Кроме того, в библиотеке найдут своё место фото и видеоматериалы, связанные с республикой. Наша идея получила поддержку в Постоянном представительстве Республики Коми, именно там будет располагаться эта уникальная в своём роде библиотека.

Среди заслуг прошлого, важным начинанием «московских коми» можно назвать создание общественно-политического и литературно-публицистического журнала «Парма», учредителем которого все девять лет его издания являлось НКО «Парма» при большой поддержке Николая Юрьевича Розалиева, внука известнейшего коми литератора Николая Александровича Шахова. На страницах журнала и его приложений под редакцией Альберта Попова высказывались чаяния и надежды сторонников деятельности организации и членов объединения, откровенно обсуждались наболевшие проблемы, отдельная роль отводилась популяризации творческого наследия уроженцев Коми земли.

За годы работы НКО «Парма» нашла верных друзей и союзников среди национально-культурных и общественных объединений Москвы, как финно-угорских, так и других народов, проживающих на территории нашей страны, – сообща мы проводим национальные праздники, дни коренных народов, дни финно-угорских народов, земляческие встречи. Не забываем уделять внимание ветеранам Великой Отечественной войны и труженикам тыла. Многие годы наши земляки принимают участие в конкурсах, фестивалях, конференциях и «круглых столах», имеющих своей целью изучение и пропаганду национального искусства, языкоznания, науки.

– Работа в «Парме» отнимает много сил, со своими единомышленниками Вы разрабатываете новые идеи, реализуете задуманное, а чувствуется ли отдача?

Бессспорно. Самое важное то, что люди с удовольствием общаются, не теряют связей, находят себе новых друзей из числа земляков. Ведь все мы родом из Пармы, из Республики Коми, и она не только нас объединяет, но и в определённой степени формирует. Важно, что в последнее время о деятельности НКО «Парма» всё больше говорят и в республике, и в Москве. Расширение информационного пространства позволяет активнее налаживать отношения с приезжающими из Коми, вовлекать их в деятельность общества, помогает влиться в многонациональную среду мегаполиса.

Мне бы хотелось выразить благодарность редакции журнала «Арт» за внимание к деятельности земляков в Москве, а так же за те идеи, которые провозглашает Ваш журнал. Я считаю, что наши труды схожи во взглядах, – во главу угла мы ставим интеллектуальное и культурное богатство нашего народа и стремимся в своей работе к тому, чтобы общество развивалось по вектору добра и духовности. Я искренне поздравляю всех членов НКО «Парма», всех земляков с 20-летием деятельности объединения! Желаю всем крепкого здоровья, бодрости духа, энергии, мира в семье и благополучия! Пусть в ваших сердцах и душах звучит голос предков, зов чарующих лесов Коми Пармы! Кузь нэм да бур шуд!

Беседовала Людмила Андреева, консультант Постоянного представительства Республики Коми при Президенте РФ, член Правления НКО «Парма»

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Евгений Карпов

Евгений Евгеньевич Карпов родился в 1958 году в с. Яренск Архангельской области. С 1974 года жил в Сыктывкаре. Окончил среднюю школу № 22 в Эжве. С 1976 по 1978 год служил в армии. Учился в Сыктывкарском государственном университете на историческом факультете. В 1986 году уехал жить в Ухту. Работал воспитателем в автошколе ДОСААФ, затем учителем истории в СШ № 9 посёлка Седью. В настоящее время работает в ухтинском еженедельнике «НЭП» корреспондентом. Стихи начал писать в армии и продолжает писать до сих пор. Печатался в газетах «Красное Знамя», «Молодёжь Севера», литературных альманахах.

«Как давно мы не виделись...»

* * *

Как давно мы не виделись!
И забвенья река
Плещет тихо, лениво в свои берега.
Кружит память спокойный, равнодушный поток.
Словно это осенний, пожелтевший листок,
Светки сорванный, брошенный в водоворот...
Как давно мы не виделись!
Но и это пройдёт.
Как давно мы не виделись!
Но на улице вдруг
Будет стиснуто прошлое между двух наших рук.
Взгляд твой нежный, внимательный снова душу кольнёт.
Как давно мы не виделись! –
Но и это пройдёт.

* * *

Морской штиль
(из Гёте, 1795)

Ветер стих, и улеглась волна,
С кораблями прекратив сраженья.
Паруса обвисли, тишина –
Всё вокруг застыло без движенья.
Страшен штиль. Насколько хватит глаз –
Горизонты чисты и безмолвны,
Но в глубинах, может быть, как раз,
В ярости вскипая, бьются волны.

Дорога Ухта – Тр.Печорск

*«Нет ничего более злого, чем стремление осуществить
во чтобы то ни стало благо». (Н. Бердяев)*

Тракта траурная лента –
Труден путь интеллигента.
Революции служить – голову свою сложить.
Медленно и обречённо шли колонны заключённых,
Проявляя героизм, под конвоем в коммунизм.

Воспоминание в день поминовения

Больница. Я опять вхожу в палату.
Твои соседки прячут скорбный взгляд.
А на меня ты смотришь виновато –
Мол, поднялась бы, только не велят.
Я рядышком сажусь на табуретку.
Безвольно мои руки теребят
Какую-то бумажную салфетку,
И я смотрю с тревогой на тебя.
«Скажи мне, мама, что-нибудь случится?
Вчера отец заплакал невзначай.
Ты очень долго пролежишь в больнице?
Ну, отвечай же, мама, отвечай!
В своих руках твою сжимаю руку.
«Всё будет хорошо, сыночек мой.
Ещё немного потерпи разлуку.
Через неделю я вернусь домой».
Давно всё было, я бежал до дома
В надежде доброй – скоро ты придёшь.
Но всё случится страшно, по-другому –
Через неделю, мама, ты умрёшь.

* * *

Старый дом.
Старый, заброшенный дом.
Окна – пустые глазницы.
Тихо, печально кругом.
Входим, скрипят половицы.
Кто же здесь жил так давно?
Но, не нарушив молчанье,
Птицей метнётся в окно
Чьё-то воспоминанье.

* * *

Дохнуло в форточку опять
Уже совсем весенним ветром.
Не спать. Теперь всю ночь не спать,
Курить и размышлять об этом.
И вознестись, и унести,
И посетить свои святыни,
И вновь почувствовать, как жизнь
На сердце половодьем хлынет.
Рванусь через завалы лет
Назад, к истокам мирозданья,
Где первый шаг, где первый след,
И нет ещё воспоминанья.

Песенка для Иришки

Отчего тебе не спится?
Закрывай скорей глаза!
Ночь пуглива, словно птица.
Обижать её нельзя.
Закрывай скорей глаза,
Улетаем в небеса!
Там вдали за облаками повстречаем чудеса.

Укрывайся одеялом
Хорошенько, с головой.
Чтобы мама не скучала,
Мы возьмём её с собой.
Мы возьмём её с собой
За счастливою звездой!
Полетаем, посмеёмся и отправимся домой.

Сердце ухнет от восторга –
Вздрогнет, радостно замрёт.
Жаль, конечно, что не долго
Продолжался наш полёт.
Но петух уже поёт,
Солнышко уже встаёт.
Мы проснулись. С добрым утром! День прекрасный настаёт.

Евгений Суворов

Суворов Евгений Сергиевич родился в 1961 году в д. Рыбное Горьковской (ныне Нижегородской) области. Стихи начал писать с восьми лет. С 1980 года они стали появляться в многотиражке «Политехник» Ухтинского индустриального института, который Евгений закончил в 1983 году, газетах «Ухта», «Красное Знамя», других периодических изданиях. Стихи печатались в журналах «Наш современник», «Россияне», «Север», различных альманахах и коллективных сборниках. Многие из них стали песнями, лауреатами международных и всероссийских фестивалей патриотической песни. По специальности инженера-геофизика Евгений работал в полевых партиях на Крайнем Севере, в Западной Сибири, Средней Азии, в различных уголках Республики Коми. Последние годы трудится в православной газете Севера России «Вера». В 2003 году выпустил книгу стихов «Листопады души». Живёт и работает в Сыктывкаре.

«Дали родины зовут...»

* * *

Снится, снится тихий пруд,
скачут в поле кони –
дали родины зовут,
всё как на ладони:

дом, деревня и овин,
пруд у нашей бани, –
сколько вёсен и годин
разлучён я с вами.

Но приехал, ни пруда,
ни деревни нету, –
в диком поле лебеда
тянет листву к свету.

* * *

Вся земля теплом согрета:
солнце, тишь да благодать.
Отзвенело бабье лето,
скоро будет холодать.

Поредел лесок у речки,
листья золотом горят.
Три берёзы словно свечки
вдоль тропинки встали в ряд.

Помолюсь перед закатом, —
встану прямо на восток,
чтобы жил народ богато,
чтобы этот мир берёт.

* * *

По лесным иду дорожкам,
а со мною грусть,
а по тропкам под ногами
грудь, и снова грудь.

Подрезаю груди, — в кузов,
жёлтые, как мёд,
положу их, ожидая,
что печаль пройдёт.

Вот уже наполовину
в кузове грудей,
и уже наполовину
веселее день.

А когда набрал я кузов
и пошёл домой,
сразу понял, что я счастлив,
как никто другой.

* * *

Под шапкой облаков
укрылась Колокольня*,
 журчит, открыв рукав,
весёлая река.
 Весенним, ясным днём
нас радует сегодня
сияние вершин,
и синяя тайга!

Искрится белый снег,
берёзы, словно свечки,
лыжня ведёт к горам
по краешку реки.
На тоненьких ногах
шагают человечки,
и ташат на себе
большие рюкзаки.

---

* Колокольня — вершина Приполярного Урала.

* * *

Хорошо в грибную пору
у костра в ночи
слушать птички разговоры,
звонкие ключи.

Костерок трещит, и пламя
лижет темноту.
Хорошо грести руками
ночью на плоту.

Звёзд блестящие алмазы
в озере горят,
зачерпну в ладошку сразу
звёзды и закат.

* * *

Чем больше живу я,
тем жить интересней, –
светлее стихи
и счастливее песни.

Хоть больше препрятствий
и внезапных сомнений,
но больше любви
и святых откровений.

Кто знает свой путь? –
Но в тумане и дыме
Чем больше живу,
Тем яснее и зоримей –

Душа рождена
для небес и для рая...
А тело пусть примет
землица сырья.

* * *

Мой край родной заброшен и забыт,
одни кресты на кладбище да птицы.
Мой крепкий род среди берёз лежит,
и мне за них пред Господом молиться.

И я молюсь – и словно наяву
над Родиной потерянной летаю,
и всех родных по имени зову,
усопшим на кресты венки сплетаю.

Владимир Цивунин

Цивунин Владимир Иванович родился в 1959 году. Выпустил две книжки стихотворений: «Время листьев» и «Время листьев. Имена всех живущих». Стихи и литературные статьи печатались в журналах «Арт», «Север», «Крецатик» (Германия), «Новый мир», «Арион», «Континерт», «Знамя», «Новый Иерусалим», «Колокол» (Лондон) и других. Живёт в Сыктывкаре.

Время листьев

* * *

По крахмальным ступенькам сбегаешь ты в сад,
И глаза мои вслед тебе долго глядят.
Ты уходишь, я знаю, уже навсегда.
Возле сердца осколочек льда.

Не беда...
Я останусь один. Неспеша закурю.
И спокойное лезвие я заострю.
И осколочек выну из тесной груди.
И какая мне разница — что впереди.

* * *

Всё идёт сообразно наукам,
Лишь поэт стороною идёт.
И — своих современников внукам —
Он дыхание передаёт.

Тонким лучиком боли и славы
Он проходит сквозь долгую тьму,
И времён равнодушных заставы
Не способны перечить ему.

И проносит он слово живое
 Над судьбами кладбищенских плит.
 И, как в небе звезда со звездою,
 Так с душою душа говорит.

«Умер поэт...»

Владимир Попов памятьлы

Радушное сердце поэта,
 Больная его голова
 Однажды устали от света
 И скомканного естества.

В отрочестве вижу я раннем —
 Его на речном берегу...
 Теперь его тихо помянем
 В своём нешироком кругу.

Пусть мы не умеем молиться,
 Но слышу я невдалеке:
 Стихи — продолжают твориться
 На коми его языке.

7 февраля 1995

Гляжу на остывающую воду в конце месяца цы

Окончание месяца Цы
 В этот раз с сентябрём совпадает.
 Ох вы, листья, мои храбрецы,
 Что-то вас убывает.

Вот и северный ветер вздохнул,
 В мелких лужицах выстудил воду.
 Издалёка доносится гул,
 Он сулит непогоду.

Это там, на далёкой Янцзы,
 Тех же уточек волны качают.
 Ну а здесь — после месяца Цы —
 Всё вокруг замерзает...

* * *

Сегодня *мог быть* праздничным денёк –
 Под солнышком десятого апреля...
 Теперь почувствуй, как ты одинок,
 И близким улыбнись, хоть еле-еле.
 Приди с тортом, хотя б своих коллег
 Неловко подозвав на чашку чая,
 Сказав, что вот – весна, и тает снег,
 Великий пост нежданно нарушая.
 Потом один домой к себе шагай
 И тех, кому сегодня восемнадцать,
 По радостному смеху узнавай.
 А если сам не сможешь рассмеяться –
 Найди забвенье в книгах, не в вине,
 Над ветхою страницей засыпая.
 И представляй в далёком полусне,
 Как дремлет тополь, ветками качая,
 Как шелестит зелёной листвой
 Рифмующая с именем осина.
 ...И Рембрандта картина над тобой:
 Старик, обнявший плачущего сына.

Симон Пётр

Гефсиманской ночи торжество
 Лишь к концу он застал, обминаясь.
 Пошатнулася вера его,
 И пошёл он за нею шатаясь.

Стало правды жилище — пустым,
 И заныла душа сиротиной:
 «То ли вправду и не был я с Ним,
 То ли был, да утратил — едино...»

И чурался он, зябко дрожа,
 Отрицаясь всего одичало.
 «Я не знаю», — томилась душа
 И себя уже не освещала.

Только... вскинулся где-то петух,
 В небе слабо наметилась зорька —
 И душа обратилася в дух.
 И пошёл, и заплакал он горько...

* * *

Две женщины, две души
Из двух времён наблюдают.

И тонкие рубежи
По-разному принимают.

Чужие дни сторожа,
Одна — только ложью бредит.

А девочкина душа
Обмана — и не заметит...

* * *

Павлу Бастракову

1

С утра вороны за окном —
И славно в мире Божьем.
Они живут — и мы живём,
Создателя тревожим.

Хотя бы тем, что вот — живём,
И, в общем, слава Богу:
То посмеёмся, то вздохнём,
То выпрямимся строго.

2

Печальный день. Печальным снегопадом
С утра всё покрывается. Смотрю
В своё окно. Опять вороны рядом.
Но о весёлом я не говорю.

Поскольку и не весел. И не знаю,
Зачем даны безрадостные дни.
И жизнь-судьба, нелепая такая,
Заброшенному гению сродни.

* * *

сыну Алёше

Поздняя радость. Доверчивый свет.
 Запах жилья и окошко с простором.
 Дни осыпаются словно букет,
 Лёгкий весенний букет, о котором
 Времени нет пожалеть. Ведь за ним
 Новых цветов золотятся поляны.
 Лето грядёт с ароматом хмельным,
 Дни станут пышны и благоуханны.

Дивная жизнь, ты щедра на добро,
 И переменами лечишь недуги.
 Только... зачем же тоска под ребро
 Входит и вновь возвращает на круги
 Той же, всё той же тревоги земной...
 Сердце томится...

Но я не с укором:
 Поздняя радость и поздний покой,
 Запах жилья и окошко с простором.

* * *

Легко говорить с дождём,
 Но трудно в людской скудели.
 Проснуться б часу в шестом
 И, выспавшись, встать с постели.
 И, крошек набрав в карман,
 Скормить по дороге птицам.
 И, в тихий уйдя туман,
 Отсутствию научиться.

К 70-летию со дня рождения

Виктор Витальевич Кушманов

(1939 – 2004)

Виктор Кушманов – известный в нашей республике поэт.

Он автор более десятка книг. За сборник стихов «Вино печали и любви» удостоен Государственной премии им. И. Куратова. На стихи поэта написаны десятки песен. Среди них – «Рябина», «Деревенька моя», «Над речкой Вымь». Родился поэт 20 марта 1939 года в посёлке Ниашор Сысолинского района Коми АССР. После смерти матери с 1945 по 1953 год воспитывался в детских домах. С 1958 года был рабочим Заозёрского лесопункта, затем землекопом в тресте «Комистрой». С 1960 года – литсотрудник, корреспондент газет «Красное знамя» и «Молодёжь Севера». С 1973 года – член Союза писателей СССР, с 1976 года сотрудник газеты «Голос строителя», затем сотрудник республиканского радио, заведующий литературной частью Государственного академического театра драмы имени В.А. Савина, консультант Коми отделения Всесоюзного театрального общества.

Немного не дожил до своего 65-летия – всего месяц. Посмертно ему присвоено звание «Народный поэт республики». В этом году Виктору Кушманову исполнилось бы 70 лет. Этой юбилейной дате была посвящена «Поэтическая эстафета», ежегодно проходящая в Сыктывкаре во Всемирный День поэзии.

Нина Обрезкова

*Нина Александровна Обрезкова –
медвободза кывбурсö вöлi йöзöдöма 1985
воын. И дыр кад сiёй вöлi тöдса лыddысыль-
ысылы сёмын кыдзи коми поэт. Сылён пе-
тис кывбура нёль сборник. Но 2005 восянь
гижысь заводитис уджавны и проза жан-
рын. Откымын висьт вöлi йöзöдöма «Вой-
выв кодзув» журналын. Миян журналын
петалисны гижысылын «Сизим пыжа» да
«Янтарной сикёти» висьтъяс.*

Лица ушедшего века

Виктор Витальевич Кушманов часто вспоминал один эпизод из своей богатой на события жизни. Будучи корреспондентом одной из республиканских газет, он выехал по заданию редакции в одно из сёл республики. Задание было такое: написать материал о местной доярке, получившей орден за свой бесконечный тяжёлый труд.

– Приехал часов в десять утра. Нашёл дом. Обычная деревенская изба. Зашёл. Холодно. Озираюсь – никого нет. Вдруг слышу голос: «Я здесь». Отодвигается занавеска на русской печке. Там лежит женщина, в каком-то пальтишке, на холодной печи. Я смотрю на неё, она на меня. И вдруг я вижу у неё в руках книжку. Читаю – Тургенев. «Первая любовь». Женщина после утренней дойки пришла домой, и пока никого дома не было, взялась за книжку... Потрясающее.

Это свойство – быть потрясённым чужой человеческой судьбой, вчитываться в судьбу даже совершенно незнакомого человека – пожалуй, и определяло и главную линию собственной судьбы Виктора Кушманова.

Может, как раз после этой поездки возникли строчки:

...В доме тихо горит телевизор.
Петька выпил. Уснул. А она
Смотрит фильм о прекрасном Париже,
Улыбаясь и плача, без сна...

Писать о себе любимом могут многие, когда собственное «я» выше всего остального мира, когда моё «я» – это центр вселенной, и считается, что мои радости и горести должны волновать всех, и чаще всего, главное для таких писак – возопить о себе миру. Писать о себе, но так, чтобы другой человек прочитал и сказал: «Да это же про меня написано» – могут гораздо меньше людей. И выписывать судьбы других людей в стихотворениях – удел очень и очень немногих, это дар свыше, но это и огромная отдача за этот дар. Огромное внутреннее напряжение. Когда ты проживаешь не только собственную жизнь, когда тебя волнуют не только всполохи собственной души, а внутренняя жизнь десятков и сотен людей. Так обычно говорят об актёрах, об истинном перевоплощении на сцене, но так можно

сказать и об истинных поэтах, «влезающих» в чужие души, поэтах, примеривающих на себя судьбы других, поэтах, проживающих часто не очень счастливую собственную судьбу, но оставляющих после себя портреты эпохи. Эпохи, судьбу которой прожил сам поэт, эпохи, которая покрыла портреты людей своими не всегда весёлыми красками. В книгах Виктора Кушманова остались сотни людей, чем-то затронувших, задевших душу поэта, причём это могли быть как известные люди – актриса Ева Левандовская, певец Евгений Дейнека, так и совершенно не известные никому, кроме как поэту, родне да сотне-другой односельчан. Тётя Лида, тётя Варя, два парня из Ижмы, деревенская девка-дурнушка, жена, ждущая убитого мужа с войны...

...Вы, травы, что не спите?
Что маетесь со мной?
Мой муж, давно убитый,
Сегодня как живой...

Меня всегда удивляло, Виктор Витальевич никогда никого не осуждал – в его стихах было многое всего, но осуждения не было.

Помню один наш с ним «разговор». Практически все написанные стихи я несла ему, благо он работал в театре, который был напротив моего тогдашнего дома. Так было и на этот раз. Я написала стихотворение, в котором осуждалось наше общество, причём с обращением к этому обществу. Он прочитал, потом посмотрел на меня, молча отложил листок и закурил. Он ничего мне не сказал, но в воздухе повисло нечто, и очень отчётливо поняла, что я неправа. И это стихотворение никому больше я не показывала, и не печатала, оно так и осталось лежать в моём шкафу. Больше мы к этому «разговору» не возвращались, но урок я запомнила на всю жизнь.

Как-то он умел учить, не выставляя свою опытность, давая понять тебе, что ты неправ в чём-то одной-двумя фразами, или даже молча, как в тот раз. Он никогда не делал привычный анализ твоих стихотворений, указывая на неточности, ляпсы и прочее. Он слушал, и если твоё стихотворение ему понравилось, он просил перечитать, а потом, бывало, ещё и ещё. И ты понимал, что это хорошо. Или говорил – первая фраза ничего, и ты опять же понимал, что надо работать.

Возвращаясь к размышлениям о портрете эпохи, той, которая осталась в стихотворениях Виктора Кушманова, хочется сказать несколько, может быть, высокопарно. Поэту было дано создавать красоту с глубокой человечностью, создавать собственную модель человеческого общежития, человеческого мира, в котором слова «совесть» и «стыд» не были пустым сотрясанием воздуха. «Как не стыдно!» – одно из наиболее часто употребляемых им выражений, которое вырывалось, когда действия героев реального мира не соответствовали с понятием «совесть».

К сожалению, реальный мир далеко не такой, какой был создан в стихотворениях Виктора Кушманова, и он осознавал это гораздо лучше и больнее многих. И, тем не менее, он не переставал строить тот мир, который должен быть лучше реального, и в котором отразилась эпоха.

Как-то я стала свидетелем одного разговора. Один из ныне здравствующих писателей сказал ему: «Что ты, Виктор, всё стихи пишешь, в твоём возрасте уже пора переходить на прозу». Виктор Витальевич посмотрел на него и ничего не ответил...

И поднималось солнце красное
На куполах колоколов.
И становилось всё прекрасней,
И всё опасней от стихов.

Виктор Кушманов: «За мною строчкой стихотворный след...»

4 июня 1992 г.

В одной из газет прочитал, что Шолохов – это псевдоним писателя. А действительно его фамилия – Попов. Когда он привёз первую часть рукописи «Тихого Дона» в Москву, один деятель сказал: «Придумай себе псевдоним, писателя с фамилией Попов никто читать не будет».

Поэта с такой фамилией в наших северных краях и за его пределами читают уже шестьдесят лет. И на коми языке, и в переводах на русский. Я познакомился с ним в 1958 году, когда работал на нижнем складе Бортомского лесопункта. В ледяной январский вечер в маленьком клубе была встреча читателей с коми писателями. В клубе стоял такой же холод, как на улице. Очень хотелось увидеть живых писателей, и я, сунув в карман тетрадку со стихами, чувствуя какое-то волнение, побежал на встречу.

Кто был с Серафимом Поповым в той поездке, запамятовал, а его запомнил навсегда. Он читал, распахнув шубу на груди, сверкая в табачном дыме очками, высоким фальцетом, а маленький зал, набитый мужиками и бабами, после каждого стихотворения взрывался аплодисментами.

Когда всё закончилось, я его подкараулил в коридоре и молча подал тетрадку. На что он ответил:

– Я близорукий, здесь темновато, читай сам.

Я застеснялся, рядом стояли люди, хорошо знавшие меня, и глядели как на идиота.

– Ладно, – добавил поэт, – пойдём на улицу.

На сорокаградусном морозе, под большой, холодной, похожей на медный таз, луной, я читал стихи, а в стороне в метрах тридцати стояла толпа и глядела, как я размахивал руками и притаптывал ногами снег на дороге.

Поэт слушал молча. Потом забрал у меня тетрадку и сказал, что передаст тетрадь со стихами редактору районной газеты.

Через месяц я приехал в Визингу и зашёл в газету. Открыл кабинет ответственного секретаря – пусто, зам.редактора – пусто. Остальные кабинеты оказались закрытыми. Жду пять минут, десять... Старая уборщица в телогрейке и шапке-ушанке засмеялась:

– Да не жди ты, иди вон туда, – показала в окошко.

«Да это же туалет», – подумал я, глядя на деревянный параллелепипед. Однако зашёл, открыв скрипучую дверь. Два человека в костюмах, при галстуках, расставив аккуратно газеты на деревянном постаменте, с которого справляли свои нужды, пили дешёвое красное вино. Лица у них тоже были красные. Одна бутылка оприходованная валялась в углу, другая почтая красовалась на газете с куском ливерной колбасы, луковицей и разломанной буханкой хлеба.

– Иди в райком, он через дорогу, там туалет тёплый! – сказал высокий, чёрный как цыган, оказавшийся заместителем редактора. – Там, там, – добавил он скоро-

говоркой.— Здесь не надо, видишь это,— и подняв стакан двумя пальцами, он медленно, как бы через силу, выпил.

— Да я не хочу в туалет, у меня стихи.

— Ты нам присыпал стихи?

— Нет. Я их отдал Серафиму Попову.

Тот, который пониже ростом, белёсый, оживился.

— Ах, да это ты... Очень хвалил твои стихи Серафим Попов. Даже, я сказал бы, перехвалил. Мы их дали, в сегодняшнем номере, ты не видел.

У меня сжалось сердце.

— Газеты надо читать с утра,— продолжил он.— Да вот они.

Он приподнял бутылки с закусками и вынул из кипы газет один экземпляр.

Я развернул её и увидел крупными буквами набранные свои имя и фамилию.

Каждому пишущему знакомо это чувство удивления, смешанное с недоверием, смущением и лёгкой радостью.

А белёсый, наливая в стакан очередную дозу, задумчиво, глядя помимо меня в стенку туалета, продолжал:

— Знаешь, какие надо писать стихи?

И прочитал строчки всенародно любимой и очень популярной песни:

«Снова замерло всё до рассвета,
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь,
Только слышно на улице где-то
Одинокая бродит гармонь...»

Хотя я хорошо знал эти стихи Исаковского, впечатление оказалось оглушительным.

— Это великая поэзия, прочти,— сказал белёсый, а чёрный, как уголь, зам.редактора добавил:

— Учись!

Довольные данным мне поэтическим уроком, они сняли с ... газеты, пожали мне удачи и быстро, оглядываясь по сторонам, засеменили в редакцию. Я с воссторгом глядел им вслед.

На этом история с первой моей публикацией не кончилась. Через день редактора вызвал первый секретарь райкома Елизаров.

— Что ты там разных ив монтанов печатаешь?

Одно из моих стихотворений называлось «Ив Монтан».

— Я лежал в больнице, с моего заместителя спрашивайте.

Вызвали заместителя. Он, оправдывая свою цыганскую внешность, отличался ловким умом и лукавством.

— Что ёщё за Ив Монтан в нашей коми газете? Понимаешь ли, у меня жена спросила, а она учительница, кто такой Ив Монтан?

Зам.редактора был ёщё тот:

— Певец французский, гостил недавно в Москве, пел, газеты писали, что он коммунист.

— Коммунист, говоришь, ишь ты, с такой фамилией? — и, поняв, что дал маxу, настаивать не стал.

— Ладно... И запомни, однако, что нам Ив Монтаны, нашему району не нужны... Вон у нас зимовка скота трещит по швам! Объявляю тебе устный строгий выговор. Иди...

Много лет спустя зам.редактора, ставший редактором большой республиканской газеты, с трудом принявший перестройку, рассказал мне о своём выговоре и добавил:

— Напиши куда-нибудь в журнал и газету. Как я из-за твоих стихов пострадал в те времена... Так что и я боролся за демократию, как мог...

Потом закрыл дверь большого кабинета, достал большую бутылку дешёвого красного вина и вцепился зубами в пробку.

— Вон же ножницы на столе.

Он махнул согнутым локтем: — Привык!

Вино «Вермут» было тем же вином, которое он пил в январский мороз 1958 года в редакционном туалете.

Жизнь моя резко переменилась. Лесопункт я покинул и очутился в городе. Устроился землекопом в Горстройтрест. Часто в газетах появлялись стихи Серафима Попова. Я вырезал их. Клеил в чистую тетрадь. Однажды запёл ко мне в общежитие товарищ по бригаде Ян Глебов, маленький, юркий, с часто мигающими ресницами, увидев тетрадку со вклеенными стихами Серафима, он заволновался.

— Это же глыба, а не человек. Я за него даже молился.

— Зачем молился? — удивился я.

— Чтобы повезло ему, чтобы здоровье было, чтобы стихи хорошие писал.

— Он и так пишет хорошие стихи.

— Чтобы люди любили и читали его стихи.

— Его и так любят, и стихи его читают! — не унимался я.— Песни его по радио поют каждый день, например, про ромашки.

В те годы действительно имя поэта звучало чуть ли не ежедневно по республиканскому радио.

— Ты не знаешь, я тоже писал стихи.

— А теперь пишешь?

— Нет, что-то застопорило! А ещё я два года сидел в тюрьме. Так получилось, подрались, после выпивки одному хмырю поленом перебил плечо. Хорошо, что в голову не попал. Так и пропал бы в тюрьме навсегда. Там-то и я начал грешить стихами. Каждый день писал. Приду с лесоповала замёрзший в тёплый барак, залезу на нары и начинаю бормотать в рифму. Один дружок и говорит, а ты попробуй послать стихи в газету. Попалась газета в руки на коми языке. Списал адрес и выслал стихи в редакцию, хотя понимал, что стихи заключённых печатать запрещено. Каким же было моё потрясение, когда я увидел стихи свои напечатанными. Только из русских они превратились в стихи на коми языке. Вверху моя фамилия. А внизу под стихами — перевод с русского Серафима Попова. Мало того, в лагерь пришёл денежный перевод — 10 рублей. Большие деньги. Я в тюремной лавке купил хлеба, сахара, масла, махорки и три ученических тетради. Устроил пир для приятеля по лагерю. Пили чай и удивлялись, что есть вот такой добрый человек, поэт Серафим Попов, сумевший поддержать незнакомого арестанта. Мало того, где-то случайно узнал, что он занимает большую общественную должность, общественную, значит, работает бесплатно — являясь

заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Коми АССР. Друзья стали пилить каждый день: «Ян, он тебя знает, он поэт и большой человек, вдруг срок сбавят». А мне как-то неудобно, уже помог, а я опять с просьбой... Да брось ты, краснеть — никто тебе за просьбу в морду не даст. И я написал. Через некоторое время приехала какая-то общественная комиссия — прокурор района, инспектор, какая-то знаменитая в районе доярка, и судья. Вызвали меня, допрашивают:

- Писал?
- Ну... писал,— а сам думаю, что влепят.

А прокурор торжественно зачитывает бумагу:

— Учитывая просьбу Заместителя Председателя Президиума Верховного Совета Коми АССР, члена Союза писателей СССР, поэта Серафима Попова, принимая во внимание незначительность преступления, руководствуясь статьёй такой-то и такой, я сейчас не помню точно, какой, Яна Филипповича Глебова освободить досрочно...

Я заплакал там прямо на комиссии, меня всего тряслось, реву и пытаюсь сказать спасибо членам комиссии, а прокурор говорит:

- Спасибо скажи поэту.

Вот такая история.

— Да он теперь,— Ян не скрывал волнения,— больше отца и матери, больше Советской власти!

- Ну и видел его, поблагодарил? — спросил я у Яна.
- Нет. Не видел. Так получилось.
- Да беги сейчас. Редакция его через два квартала.
- Стесняюсь. Чего стесняюсь? Не понимаю.

Странные люди, просить о помощи не стесняются, а поблагодарить стыдно. Что-то не то творится с людьми. Словно что-то у них в душе сдвинуто.

Вот такой была как бы моя вторая встреча с Поэтом.

5 июня 1992 г.

В начале марта 1960 года я пришёл к Серафиму Алексеевичу в редакцию коми областной газеты, дал тоненьку тетрадку стихотворений.

— Я это передам Александру Мурзину, очень талантливому журналисту, энергичному, хваткому, а, главное, очень доброму человеку. Он напечатает их в своей «Молодёжи Севера».

Узнав, что я рву и выбрасываю только что написанные стихи, поэт строго сказал:

— Ничего не надо рвать, выбрасывать. Пусть лежит, они же не мешают, через пять лет или десять читаешь их уже другими глазами, старые строчки для тебя сильный толчок новым строчкам. Недавно я закончил стихи, которые начал писать семнадцать лет назад под артбомбёжку в окопах Сталинграда... Поэзия — это сфера тайная, как и сама жизнь. Никогда не знаешь, где и что найдёшь... Кстати, ты не знаком с Александром Мурзиным? Очень хороший человек и талантливый... Я сегодня же передам ему твои стихи. А ты ему позвони через дней десять. Вот его телефон...

Через десять дней звоню Мурзину. И этот «очень хороший человек», как мне рекомендовал его поэт, меня совершенно потряс. Мне стало ужасно. Вот что мне он буквально наорал в телефонную трубку:

– Какой Серафим? Ах, этот... Так он же болтун. Счастье, что стихи на коми языке мало кто читает...

Были и ещё обидные для меня слова, я слушал их с какой-то обречённостью и медленно, исподволь понимал, что я входил в новый, жестокий, мир литературы, который для меня с самого начала был чистым и светлым.

В полной растерянности я положил трубку в автомате и вышел в темнеющую вечернюю метель.

Таким был Мурзин, конечно, человек не без добра, и не случайно, что именно он, много лет спустя, напишет за Генерального Секретаря КПСС Л.Брежнева книгу «Целина», полную лжи, высосанной из пальца патетики, образца антилитературы, которая могла жить и существовать только в бедной России. Мурзин очень гордился этим почти физиологическим актом словесного бреда и особенно тем, что за свой труд он был награждён орденом Октябрьской революции. Только он очень сожалел, что указ о награждении не был опубликован ни в одной газете. Просто взяли и дали. На, носи и гордись.

А у него, Александра Павловича, много общего с Серафимом Поповым. У того и другого – голодное детство. У одного – в оренбургской тайге, у другого – в лесном посёлке. Ранний, почти рабский труд, у одного – в поле, у другого – на сплаве и лесозаготовках.

Но вот в чём дело, одних голодное детство делало отзывчивыми и сострадательными, готовыми отдать последний кусок хлеба, других – злобными скрягами, завистливыми и лживыми.

Через много лет, а точнее, в 1979 году, осенью, в начале сентября, я зашёл в газету «Правда», где Мурзин заведовал отделом. В маленьком кабинете с портретом Ильича, он жизнерадостно расселся и, открыв сейф, достал пухлую кипу типографских, в чёрном шрифте, бумаг:

– Вот гранки «Целины» на испанском языке! Уже полмира завалены моей книгой... Он подчеркнул «моей!» и, блеснув сияющим взглядом из-под очков, добавил:

– Только ты уже никому не говори, кто истинный автор, а то посадят!

И снова жизнерадостно захохотал.

Правильно о нём сказал в интервью одной северной газете писатель Александр Рекемчук, хорошо знавший Мурзина в молодости: «Продал свой талант за кусок хлеба с маслом».

Биография Серафима Попова идеальна в понятии российской истории – биография социалистического государства, где никому не нужный ребёнок из глухого лесного посёлка, очень хилый на вид, но обладающий недюжинной волей, талантом, не растерял себя, не угробил в тоске и унынии, в нытье и страхе, а выжил, стал мужчиной, воином, поэтом.

А времена были разные. И даже в самые мирные нельзя было шагнуть в осеннюю ночь за порог дома. Праздновали 50-летие поэта в кафе «Дружба» на улице Советской. Собрались родственники, писатели, поэты, чиновники горкома, профсоюза и комсомола. Поздравления, тосты, через три часа, в разгар песен и танцев, в пик веселья чуть хмельной поэт и его супруга вышли на улицу и пропали. Гости нигде не могли их найти, но веселиться продолжали... Утром узнали, что поэта и его супругу прямо у дверей в кафе забрал наряд милиции.

Бывший командир взвода, награждённый на фронте орденами и медалями, бывший офицер, поэт, покорно, без слов подчинился, и остаток своего праздника провёл в медвытрезвителе, только очень жалел жену.

Потом никому не жаловался, видно, знал о жизни в нашем обществе нечто такое, что другие не знали. А ведь поэт неприкасаем, как депутат, так должно быть, но почему поэт? Просто человек должен быть неприкасаем. Не писал он никогда и отчаянных стихов, стихов с упрёками в адрес родной земли. Такая тема для него казалась вне литературы, а, значит, и вне душевных переживаний.

Вскоре Александр Мурзин, которого я не очень симпатично описал, взял меня на работу в газету «Молодёжь Севера». Я бросил спецовку, валенки, сдал бригадиру лом, кайло и лопату и пришёл в редакцию. Но и тут Мурзин оставался своеобразным:

– Я тебя беру, в обкоме знаешь какой бой за тебя держал?! Но вот что. Одно условие. Я пишу приказ, что зачисляю тебя в штат библиотекарем редакции, а ты работаешь специальным корреспондентом. Тем более что у нас библиотеки нет... Идёт? – все это он говорил, как всегда, широко улыбаясь.

– Конечно, идёт, – сказал я.

– Конечно, зарплата с гулькин нос, в три раза меньше, чем у корреспондентов... Но ведь об этом никто не будет знать, кроме меня и тебя, все будут думать, что ты на самом деле спецкор.

Я так до сих пор и не понял, зачем ему понадобился такой липовый приказ, какой он находил в нём смысл. Так или иначе я очутился в узком длинном редакционном коридоре вместе с поэтом Серафимом Поповым. Редакция «Молодёжки» находилась в левом крыле, коми газет – в правом. Виделись каждый день, он вечно спешил, куда-то бежал. Остановившись, говорил:

– Вот вчера написал, сейчас прочту.

Доставал из кармана мятый лист, громко читал. Это происходило чуть ли не каждый день. Спустя годы, когда стихотворение он прочитывал, обязательно добавлял:

– Да так, знаешь, Виктор, никто не напишет!

– Никто, – соглашался я с ним.

На восьмидесятилетии поэта в музее Ивана Куратова, Главе Республики Юрию Спиридонову, когда он обратился с приветствием юбиляру, шепнули, чтобы он говорил громче, так как старый поэт стал плохо слышать. Глава интеллигентно пытался говорить как можно громче.

Когда пришла моя очередь поздравлять поэта, я перешёл к нему и спокойным голосом спросил:

– Вы меня слышите, Серафим Алексеевич?

– Я тебя, Виктор, всегда слышу.

В маленьком зале по-доброму засмеялись. Да, он меня всегда слышал, в течение почти полвека, слышал мою жизнь и мои стихи. Ничего о них мне не говорил, но пожатие его руки говорило больше чем слова. Оно было всегда доброжелательным и крепким.

В поэзии он достойно продолжил гуманистические традиции Куратова, Жакова, Савина, Чисталёва и сам писал воровень с ними.

Виктор Кушманов

«Есть бесконечность мига...»

* * *

Знакомо всё, но током бьёт по коже:
Дорога, поле, стылая земля...
Мне изгородь родной избы дороже,
Чем изгородь московского кремля.

Там, где родился, холодно и голо,
Деревни нет и нет родной избы.
Иду в снегах. И снегу мне по горло, –
Вот всё, что мне осталось от судьбы.

Невидима душа, её устои,
За мною строчкой стихотворный след.
Да, только здесь ещё чего-то стою.
Где нет России – там я не поэт.

май 2003

Осень

Она светла, как храм, темна, как келья.
Она красивой выглядеть не прочно.
Взлохмачена. Как женщина с похмелья,
Не помнит, что с ней было в эту ночь.
Печальная, не признаётся в трансе,
На ней не платье, рыжее тряпье.
Ты слышишь, как неслышные романсы
Вплетаются в сознание твоё.
Она вершит свою тоску открыто.
Вонзив в тебя невидимый свой нож.
Ты, вспомнив то, что навсегда забыто,
Растерянно и благостно вздохнёшь.
Лес молчаливый веткой хрупкой хрустнет.
Опять крадётся, видимо, беда.
И хорошо, что на душе так грустно.
И, вероятно, грустно навсегда...

сентябрь 2003

* * *

Есть бесконечность мига...
И льётся долгий свет.
Живёшь, зарывшись в книгах,
Как дерево в листве.

И налетает ветер,
Свистя и тормоша,
Но зарослями веток
Опутана душа.

В них и светло, и чисто,
Порой сплошная тьма.
Не ждёт она амнистий,
Зелёная тюрьма.

И так без всякой боли
Под твой осенний взгляд
Моей душой весёлой
Деревья облетят.

* * *

Журавли...
Опять они летят,
Уносит их, как песню.
Неужто в небесах
Им в русских стало тесно.
Летит упрямо клин
В дождливой серой сетке...
Пожили бы как я
Они в малосемейке.
Чтоб низкий потолок
Царапали крылами,
Чтоб в форточке лишь клюв
Торчал, залит слезами.
Но, слава Богу, мир
Совсем ещё не сбрендил.
Летит печальный клин,
И клич летит победный.
Под их крылами Русь,
По-прежнему родная.
Но знаю, что назад
Не вся вернётся стая.

* * *

...Внезапно услышишь кукушку,
Как эхо ей вторит в ответ.
И незнакомой старушке
Дашь долгих от сердца лет.
Глянешь на мёрзлую речку,
Хрустящую скатерть снегов.
И снова растопишь печку
Охапкою новых стихов.
...Гостины на белую скатерть...
От печки отблеск икон...
Это же просто прекрасно –
Гостями твой дом озарён.
Хохотут, мычат и хмелеют,
Несут чепуху и поют.
Иначе и жить не умеют,
Как сжёг я стихи, душу жгут.
Поверьте, всё нежно и чисто,
И грубость, и девичий вздох,
В этой глубинке российской,
Где выжил лишь тот, кто смог.

Виктор Кушманов

Пятнадцатилетний Шарапов*

Осень стояла необычная, он за свою жизнь не помнил такую. Хотя сколько он жил на земле? Ему казалось – бесконечно долго. Не было конца ни дням, ни ночам, которые напоминали тропинки в зарослях за рекой: сколько ни идёшь по такой тропинке – она не кончается, а если и кончится вдруг, тут же под ноги бросится другая, усеянная плотным слоем игл. Вечно они с Потаповым с ранней весны до поздней осени бродили за рекой. Весной кроме серы на деревьях им ничего не попадалось. Пробовали жевать ягоды можжевельника с их горьким смолистым вкусом – не очень-то нравилось. Позже поспевала настоящая ягода – сначала голубика, за ней черника и, наконец, ни с чем не сравнимая брусника. Первые грибы насаживали на палочки и, заслонив лицо от огня, жарили на костре. Получались грибы обгорелыми с краёв и сырьими, склизкими внутри. Ничего никогда не случалось – желудки, закалённые голодом, переваривали любую лесную снедь. Он любил сытую осень, с молодой картошкой, белокочанной капустой, с брусникой, с теплом, с золотом деревьев, а здесь, в городке, где он очутился, поступив в лесной техникум, эта осень 1954 года была холодной, мерзкой, воздух сырой – казалось, вдыхаешь запах картофельных очистков.

После дождей выпал первый снег. Подморозило. Перебегая дорогу – общежитие, деревянное, холодное, с большими квадратными комнатами, стояло как раз напротив здания техникума – он поскользнулся и крепко ударился о землю. Встал и разочарованно присвистнул: прямо с носка кирзового сапога отлетела подошва, не совсем, правда, отлетела, болталась кое-как, но идти в класс в таком сапоге было невозможно. В коридоре техникума, у туалета, где висели умывальник и полотенце, он вырвал из стенки гвоздь. Выпрямил его и, закрывшись в туалете, прибил прихваченным у крыльца камнем подметку на сапоге. Всё это он проделал старательно, серьёзно, супя брови, особо не думая, долго ли можно будет проходить в таких сапогах. День только начинался. Он знал, что день, как теперь все его дни, будет бесконечно длинным, загадывать о том, что ещё может случиться, не хотелось. На миг вспомнился Потапов, его дружок, оставшийся в деревне. На душе стало немного легче, и он побежал на второй этаж, прыгая по лестнице через ступеньку, но и не забывая о рваном сапоге.

Он опоздал. Учительница английского Фаина Самойловна Буткевич стояла у доски.

– Пройди на место, Шарапов, – тихо сказала она. Учился он в техникуме третий день, а уже заметил, почувствовал, что Фаина Самойловна жалеет его. Нет, она ничего ему не говорила, даже близко не подходила, но во время урока он как-то поймал её взгляд и стёржался. Так на похоронах матери несколько лет назад, когда ему и десяти не было, глядела на него родная тётка.

«Чёртова толстуха, – подумал он о Буткевич. – Откуда знает про меня?» Маленькая, полная, с чёрными навыкате глазами, с толстыми короткими пальцами на пухлых руках, она была какая-то беззащитная. И когда класс шумел – а

* Опубликован в журнале «Север». 1984 г., № 7.

шуметь они начали с первого урока, разгадав слабость англичанки, — она поворачивалась к окну и молча начинала плакать. Нет, у неё не вздрагивали плечи, она стояла не шевелясь, но понятно было, что плачет.

Класс оказался громким, шумным. Рядом с Шараповым сидели ребята рослые, сильные. Щеголяли они в костюмах и ботинках, в белых рубашках, у большинства портфели. Шарапов ни разу в жизни не надевал ботинки, а о портфеле и не мечтал, да и не хотелось ему никакого портфеля. Он удивлялся другому: чего это его сокурсники гогочут по всякому поводу, шумят и не слушают англичанку. Она же на работе, ей надо учить их уму-разуму, а они мешают.

За окном леденели голые ветки деревьев, за деревьями виднелись широкие окна общежития — оно плохо отапливалось, а здесь было тепло, и не хотелось, чтобы кончался урок.

«Потапов уже пришёл из школы, — подумал он. — Наверное, дрова колет или носит воду для бани». Баню Потаповых осенью и зимой топили чуть ли не через день, потому что отец их работал в соседнем от деревни лесопункте, сильно промерзая в снегах.

У Шарапова никого не было, кроме Петьки Потапова. Мать умерла, отец, завербовавшись в Воркуту, погиб на железной дороге, а бабку, у которой он жил шесть лет, отправили в дом престарелых. Ей было восемьдесят шесть лет.

Снова защемило сердце, заколотилось внутри, застучало, заныло. Бабку было жалко. Её увезли на грузовике, маленьką, сгорбленную, закутанную в шаль, подняли, как ребёнка, в кузов. Она всё держалась обеими руками за узелок и шептала: «Гриша, Гриша... Гриша». Гриша — это он. Гриша Шарапов. Пятнадцать лет от роду. Обыкновенный мальчишка. Русые, чуть выющиеся волосы. Лицо с выпирающими скулами, острый подбородок, маленький рот с толстыми губами, серые большие глаза. Плечи не по возрасту широкие от ранней, не по годам, деревенской работы в поле, лугах, лесу. Он и косить умел, и лес валить, и бунты сбрасывать в реку, и копны таскать, и многое другое, чему научила деревня.

Как-то с первого дня разделился класс на две группы — городских и деревенских. Они и внешне отличались разительно: по одежде, по выражению лиц, по походке. Городские, те большинство в костюмах, деревенские одеты кое-как: в сапогах, пиджаках, перешитых явно из отцовских. Тихие, молчаливые, как бы несколько удивлённые, что очутились в городе, где нет русских печек, сараев, сеновалов, колодцев, не слышно петушиной переклички и собачьего лая у дворов. Городские — шумные и почему-то все улыбающиеся, но не простыми, открытыми, а какими-то всезнающими улыбками.

Выделялись среди городских двое. Вольф Сверчков — почему у него такое имя, никто не знал — маленького роста, с большой головой, аккуратной чёлкой на лбу, всегда в чёрном костюме и белоснежной рубашке, как на новогодний праздник пришёл, — сын крупного городского работника. Рядом с ним дружок его, Иван Козловский, выглядел взрослым — высокий, рукастый, большеносый. Но верховодил у них почему-то маленький Сверчков.

Фаина Самойловна то и дело повторяла на уроке: «Сверчков! Козловский! Сверчков! Козловский!» Сверчков пузырился: «А что я? А что я?», но стоило англичанке отвернуться, как тут же начинал передразнивать её манеру говорить, гримасничая, кривляясь. Передразнивал не смешно, но многие смеялись, удивля-

лись свободе его, храбости: третий день в таком солидном заведении, а вот – уже освоился. «А она симпатичная, тихая, добрая и не такая уж толстая!» – думал Шарапов и чувствовал, как тёплая стеснительная волна поднималась в нём оттого, что ему было обидно за Буткевич. Они уже что-то ели, Сверчков и Козловский, – еды у них в портфеле столько же, сколько книг, в течение дня они ели несколько раз, на других занятиях тайно, а на английском открыто.

– Я вас выведу из класса, – сказала Буткевич.

– А что, – паясничал Козловский, подражая маленькому Сверчкову. – Нас в школе выводили каждый день – и ничего, жили!

Пронзительно, как над ухом, прозвенел звонок. Все бросились к двери, толкаясь, гогота и громыхая обувью. Шум пронёсся по коридорам и выкатился на улицу.

Потапов вспомнился ему снова ни с того ни с сего, мелькнуло его веснушчатое лицо, а с Потаповым вспомнилась и деревня на холмах, с длинными изгородями, с тихим ветром с полей, с мальчишескими криками у реки. Если бы кто-нибудь, кроме Потаповых, был у него в деревне, он тотчас же уехал бы, бросил всё и уехал, а к Потаповым не поедешь – ну и что, если ты друг и любишь их всех, Потаповых, и отца, и мать, и братьев Потапова, и сестёр, и деда их, и бабку, даже старую дворовую собаку Сидора, – не родня всё же. Сидел он у них накануне отъезда долго, ужинал да и заночевал на полатях с Петькой. «Ты особо там не балуй, – наказывал дед, – город большой, баловства много!» «Приезжай на зимние каникулы, – сказала Петькина мать, тётя Нюра. – Вот тебе на дорогу». И сунула ему небольшой свёрток. Петька на словах завидовал его отъезду: там кино каждый день, много легковых автомобилей, там всего много, а на самом деле – видно было – печалился, грустил, и Шарапову почему-то от этой Петькиной грусти становилось легче и спокойнее.

Он вышел, раскрыв высокие двери, на улицу. Весь его курс стоял тут: смеялись, чего-то кричали, кто-то кого-то лупил портфелем по спине, и тут же он сам вдруг почувствовал сзади оглушительный удар. Хохот, который тут же последовал за ударом, не добавил боли, он не собирался обижаться, но когда повернулся и увидел сияющую довольную рожу Сверчкова с аккуратной белой чёлкой на лбу, что-то с ним случилось. Потом он вспоминал: или обида, или сразу – ярость и обида, а может, всё, что спало в нём, дремало все эти дни, сила, привезённая из деревни, поднялась в нём. Он наконец-то знал, что ему теперь делать после долгого бездействия и одиночества. Взгляд его упал на рогожу, лежащую у дверей, тяжёлую и грязную от множества ног. Он поднял рогожу, подошёл к Сверчкову и со всего маху опустил на его голову. Все стихли, никто не засмеялся пока Сверчков стоял, зажав лицо руками, все молчали, ждали, что будет дальше. За Сверчковым высилась голова Козловского, он тоже моргал, словно и ему грязь попала в глаза. Сверчков наконец поднял с земли портфель, и в наступившей тишине прозвучал его тихий – до этого он все дни только орал – голос: «Мы тебя сегодня убьём!» Он так и сказал: убьём. И Сверчков с Козловским как-то нехотя, не быстро прошли мимо застывших ребят и, не оглядываясь, исчезли за поворотом соседнего дома. Начали молча разబредаться остальные. Шарапов глядел то на одного, то на другого, ожидая, скажет же кто-нибудь хоть слово, но никто даже не посмотрел на него. Он остался один и медленно побрёл в общежитие.

В комнате, словно стесняясь самих себя, жались к стенкам шесть – по числу жителей – узких, заправленных грубыми серыми одеялами кроватей. Посередине комнаты стоял стол, на столе – алюминиевый чайник. Прямо у двери высилась нетопленая печка. Эта комната отныне – его дом. Холодная, неуютная, она наводила тоску.

С утра его мучил голод, а сейчас он с удивлением понял, что есть не хочется, хотя в углу, словно нарочно дразня аппетит, сидел Иван, Иван из Визинги (Визингский, как его прозвали) и ел сало с хлебом. Поев, он всё оставшееся сунул в деревянный чемодан и повесил на него большой замок. Шарапов прилёг на кровать, полежал, потом поднялся, налил из чайника воды в стакан, залпом выпил, снова прилёг.

– Может, сала хочешь чуть-чуть? – спросил Визингский.

– Нет, не хочу, – ответил Шарапов. – А чего ты замок на чемодан вешаешь?

– Вот чудак, чтоб не укради. Как я протяну неделю до субботы, если украдут?

Ещё три дня как я домой поеду за новой едой... А ты что, заболел?

– Да нет, думаю: идти в кино или не идти. Последние пять рублей хочу истратить.

– Не ходи, – махнул рукой Визингский, – лучше хлеба купи, с голоду помрёшь... Мне вот мать сказала: хорошо учись, а денег не дала. Говорят, еды много и дома, будешь возить чемоданом. Будешь, говорит, после учёбы механиком в лесопункте, они получают хорошо, у них дома хорошие, женишься...

Шарапов засмеялся. Визингский был таким маленьким, что если с ним рядом поставить сапоги, они доходили ему чуть не до пояса, но важным и рассудительным, как старичок.

– А где все ребята? – спросил Шарапов, указывая на койки.

– В столовой.

– А я в кино пойду, «Подвиг разведчика», уже два раза его смотрел. Там немцы бокалы поднимают и говорят: «За победу», а наш, в немецкую форму переодетый: «За нашу победу».

Как жить на свете, Шарапов не знал, не знал, что будет делать, когда придёт зима, у него даже шапки не было, не то что пальто, всё, что есть, было на нём, включая и рваные сапоги. Он знал, что в городе жила тётка, и адрес знал. Та самая тётка, которую он видел один раз, очень давно, когда у него умерла мать. «А что скажешь тётке? – думал он. – Здравствуйте, я ваш племянник, я буду у вас жить?» А может, говорить ничего не надо, придёшь, поздороваешься, за стол посадит, накормит и скажет: «Живи у меня, только учись отлично». А учиться он любит и умеет. И тётку будет любить, и всех, кто с ней живёт, так же сильно, как любил Потаповых в деревне.

Хорошо думать о хорошем. Он шёл по городу, который в этой части мало чем отличался от деревни, разве что на каждом доме цифры да тротуар добротный, можно в ряд идти сразу пятерым и не тесно. Сколько домов, сколько людей живёт в них, тысячи, много тысяч людей... И тут он вспомнил Сверчкова, о котором до сих пор не позволял себе думать, и, как шёл, так и остановился посреди дороги. «Мы тебя сегодня убьём!» Он думал над самой фразой: как она звучала, как была сказана. Что-то странное стояло за ней, до того незнакомое, что и понять трудно. Но нужно понять. Произошло нечто очень серьёзное.

В кино он всё забыл: с первых кадров его охватило волнение, и ничего, кроме того, что видел на экране, для него уже не существовало. Он взмахивал руками в волнующих местах, всем телом подавался вперёд, глаза его блестели, он готов был в любой миг броситься туда, на экран, чтобы помочь русскому разведчику.

Пойду к тётке, решил после кино. Займу три рубля до стипендии. Скажу: тётя Клава, дай три рубля в долг. Я скоро получу свою первую стипендию, целых сто сорок рублей. Решить-то решил, а плутал ещё по городу, пытаясь унять напавшую робость.

Денег у тётки он всё же не решился попросить, но зато она его накормила невероятно вкусным супом из лапши. Дом её был полон старух, старииков. Как потом он понял, тётка Клавдия была ужасно богомольной.

— Ну, бог наказал. Родился ты раньше. В детдоме до четырнадцати лет ноне держут, а тебе ужо пятнадцать. Ремеслу, конечно, надо учиться. Хорошему, чтоб работать всю жизнь. Чего в ремесленное-то не пошёл?

И правда, чего в ремесленное не пошёл? От родной деревни двадцать вёрст, в леспромхозе учился бы, чуть чего — на побывку в деревню, там Потаповы. И сейчас, в эту минуту, казалось: войди он в любую избу — все бы обрадовались. В деревне всех знают и всем радуются. Но так уж получилось: в школе пугали ремеслухой двоечников, а хулиганов называли: «Эй ты, ремесленник», — и пили они, и дрались. И даже говорили, что многие попадают в тюрьму. Вот что такое ремеслуха. Может, болтали злые языки? Но как увидел он объявление о приёме в лесотехнический техникум — автомобиль на снимке, трактор и крупным шрифтом набрано: техник-механик, уже ни о чём другом думать не хотел. Как это объяснить Клавдии? Да и отметки за седьмой класс у него одни пятерки. Его и в техникум без экзаменов приняли.

Тётка молилась, лампада стояла под иконами. Горела на столе керосиновая лампа, как в деревне. Почему-то тётка не включала электричество, как потом он догадался — из экономии. Прервав молитву, она сказала шёпотом: «Приходи ещё, я тебе картошки дам, будешь варить в общежитии». И он понял, что ему надо уходить.

Он поёжился, представив, как в этот час выглядит город. Темень сырая опустилась на крыши, и только на перекрёстках и у лавок одинокие фонари. Падает снег или снег с дождём, тротуары скользкие, а там, где их нет — комковатая, полузастывшая грязь. Деревья чёрные и молчаливые, одиноко прогудит вдалеке рейсовый автобус, и снова громко с крыш стучит о землю капель. Он глянул на старинные, с кукушкой ходики на стене. Половина десятого. В общежитии пока не спят. Лежат, закутанные в одеяла, читают.

Лицо у тётки недовольное, да он и не глядит на неё. Он знает, что надо уходить. «Да такие все гордые, — слышит он тётку, — и мать такая была, а чего гордиться-то, господи. Красавица, и правда, писаная была. А как плясала, как плясал! Да нет, ничего плохого не скажу, а себе на уме, не подступись. Никогда не скажет, коли голодная или обуть-одеть нечего. Тебя как любила — светилась вся. Вот мой спаситель растёт, говорила. В двадцать семь лет ушла, господи. Не сторонилась бы людей, загордясь, может, ещё бы пожила. Господи, даёт же бог красоте гордое сердце. А ты мужик, работником должен расти. Работа гордых не любит...»

«Не приду, не приду, никогда не приду». Стал надевать сапоги у порога, боком, чтоб не видела, как гвоздь блестит на носке. Завернула в газету кусок хлеба, сунула ему в руки у порога. «В бога-то веришь?» – спросила, и он почему-то кивнул, и стыдно стало, то ли оттого, что соврал, то ли оттого, что хлеб взял.

Вышел, стукнулся в сенях о лавку, задел рукой ведро с коромыслом поперёк, остановился на высоком крыльце. Сразу же лицо стало мокрым от дождя. Заше-буршало под крыльцом. Из дыры – он ещё когда сюда шёл, заметил, что крыльцо обито досками и там квадратная дыра – вылез крепкий и толстый дворовый пёс, вильнул тяжёлым, с полено, хвостом. Пёс тяжело, как человек, скрипя половицами, влез на крыльцо, обнюхал хлеб, потёрся у ног и широко зевнул. «Была бы мама, пришёл бы к ней и сказал, что меня сегодня хотят убить», – мелькнуло в голове. Шарапов спустился с крыльца, нашупал руками края отверстия и догадался, что спокойно влезет под крыльцо. Пёс влез за ним, мокрый и тёплый. Шарапов сел и прислонился к дощатой тёплой стене. Отломил кусочек хлеба, дал псу. Пёс несколько раз громко ударил хвостом по доскам. «Тише ты, дьявол...» Пёс улёгся и положил большую голову ему на колени. Дождь барабанил по крыльцу, а в конуре было сухо. Хорошая конура, как настоящий дом. Сколько он дремал – минуту или полчаса, но очнулся, как от толчка. Так же барабанил дождь. Но его разбудило счастливое ощущение, словно идёт он летом от бабкиной избы по дороге к реке – так оно и было год назад, – а впереди Катя Горбунова из восьмого класса. Идут они мимо оврага, заросшего буйной черёмухой, ольхой, смородиной, шиповником – целые заросли, и всё благоухает, звенит птичьим пением, в небе утреннее жаркое солнце, за оврагом поле овса, за овсами речка, а там леса в синей дымке. И знает он: за этими лесами опять леса и озёра, а за ними снова луга. Катя несёт грабли и, оглядываясь, улыбается ему. Длинноногая, в коротком ситцевом платье, волосы падают ей на плечи, и она их всё время отбрасывает рукой. Они вместе продираются через заросли оврага, пьют воду из ручья, идут через овёс, нежно-голубоватый вдали и ярко-зелёный рядом, – двое во всём большом поле. И солнце синевой отражается в её глазах. Чего это он? Ведь шёл рыбачить – в зарослях ожидало спутанное удилище и банка с червями, а свернулся с ней совсем в другую сторону, к дальним лесным лугам, где взрослые косили между деревьями у маленьких болотец для своего хозяйства. «Ты там одна будешь или со своей матерью?» – спросил он Катю. «Одна, но мне страшно, мать ушла в район за лекарствами, у неё руки сильно болят». – «Я пойду с тобой, смородину соберу, там много смородины...» «Знаю», – улыбнулась Катя.

Так оно всё и было.

Зимой они, мальчишки, утянули от колхозной конюшни сани и гурьбой, человек по десять-двадцать, устроили катанье с крутой горы у старой разбитой церкви. Только искры летели из-под полозьев. Однажды в куче-мале, в снегу он налетел на Катю, их сдавили сверху, шумя и колошматя. Лицом своим, мокрым и горячим, он ткнулся в Катино счастливое лицо. Словно обожгло его. А она всё спрашивала шёпотом, когда они поднимались в гору по серебристому снегу, сияющему под луной и звёздами: «Ты меня поцеловал, да? Ты меня поцеловал? Чего молчишь? Ну что, жалко тебе сказать?.. Скажи, поцеловал?» Он бежал, лез, карабкался в снежную гору, толкая сани, а она не отставала от него и всё шептала: «Скажи, ты поцеловал меня, да?»

Через три дня – в эти дни он не узнавал себя, быстро взрослея внутри и внешне – Катя встретила его у старой церкви и заговорщицки позвала за собой. Они лезли через какие-то изгороди, сугробы, всё дальше от ребячьих голосов и очутились за старыми овинами. Она села прямо на снег, прислонившись спиной к сугробу, закрыла глаза и сказала глухо: «Целуй». Сердце колотилось так, словно оно у горла. Он глядел на Катино лицо, закрытые глаза – веки чуть вздрагивали, потом сел рядом и затаил дыхание. И вдруг увидел небо, усеянное звёздами, – такое большое небо он никогда не видел. Оно шевелило звёздами, ворочалось – сплошное праздничное мерцание громадного и живого неба. Так же ворочалось в груди сердце. Он повернулся к Кате, испуганно приблизил к ней своё горящее лицо и, на миг прижав губы к Катиному рту, отпрянул, вскочил и бросился прочь; ноги утопали в снегу, он падал, подымался и никак не догадывался поправить шапку, съехавшую на глаза, у одной изгороди поцарапал о жердь руку, а всё бежал, бежал с гулко колотящимся сердцем. У церкви внезапно остановился и оглянулся назад. Глухая тишина и темнота, а там где-то осталась она, он было повернулся назад, прошёл несколько шагов, но снова какая-то сила остановила его.

В ту ночь он начал вести дневник. Писал торопливо, удивляясь появлению слов, о существовании которых и не подозревал.

«Она повела, – писал он, – меня по снегу, и сверкали над нами звёзды. Я шёл за ней, словно она знала какую-то жуткую тайну и решила мне её открыть».

Писал он долго, исписал третью тетради, его лихорадило...

«Я оставил её, – так кончалась первая, самая большая запись, – бросил, как самый последний человек на свете, одну на снегу, в мороз, в глухой темени, – и ему самому стало страшно от этой фразы. – Что она там делала одна, нежная и чистая, так просто доверившаяся мне, слепому сопливому мальчику». Подумав, он слово «сопливому» зачеркнул. Слепой мальчик – тоже непонятно, смекнул он. Надо было сказать ей, что я так сразу не умею целоваться и не знаю, что это такое, надо было сказать ей, что она самая красивая на свете, что я её... Я об этом скажу ей завтра! Это не поздно! Слова вылетели сами, спасительные, удивительные слова, никак бы он их не придумал без пера и бумаги.

Он полез на полати, закрыл глаза и тут же уснул. Завтра, завтра, завтра...

То, что случилось дальше, всё отразилось в дневнике.

«На следующий день я бежал в школу, как оглашённый. Но я не смог к ней подойти. Всё время около неё вертелась толстая Лия из девятого класса. Еле дождался вечера, побежал к церкви, где каждый день мы катались с горы. Нет, она меня не замечала, втроём они – эта Лийка и Вовка Игнатов, длинный и худой Вовка из Катиного класса, – таскали друг друга на санках по очереди. Она ни разу не глянула в мою сторону. Что могло произойти за одну ночь и один день? Она вела себя так, словно меня не было на свете».

Через месяц он писал: «Я весь истерзан. Это страшно написать, но я напишу: я люблю её».

Он оцепенел над написанным. Закрыл дневник, прижал его к груди. Он понял, что теперь дневник надо спрятать от всех и навсегда. Но кто войдёт в его избу? А бабка неграмотная. Значит, не носить в школу – решил.

Однако носил. Не мог он быть в школе, оставив дневник дома. А вдруг изба сгорит или что с ним случится, и дневник останется без его рук, глаз, дыхания.

«Учимся в одной школе, а живём – как на разных планетах. У неё другая причёска. Сегодня разглядел её брови, они тонкие и крутые, наверное, мягкие. Я смотрел на неё долго, а она не чувствовала. Неужели она ни о чём не догадывается? Сегодня всю перемену стояли с Игнатовым у окна, он ей показывал какую-то книгу. Игнатов – двоечник. Я узнал, у него есть двойки.

Клянусь, что буду учиться только на пять. Быстрее всех бегать, дальше всех прыгать – ныть никогда не стану...»

Однажды на уроке географии он забылся и очнулся только тогда, когда услышал голос Марии Николаевны, старой учительницы: «Ты что, Гриша, всё время пишешь?» Он покраснел и спрятал тетрадь в парту.

Сидящая сзади него Капа Нилина, строгая и вечно скучная, выпалила на весь класс: «А он всё время пишет, у него вот такая толстая тетрадь, а что пишет – никому не показывает».

Всё, дневник надо писать только ночью, дома и тайно, поклялся он себе. Неделю не брал тетрадь с собой в школу, а потом забыл о своей клятве.

Наступил тёплый, солнечный май. Он чувствовал, что-то происходит с ним, но не мог понять что, всё реже и реже открывал тетрадь и почти ничего уже не записывал. Однажды ему приснилась Катя, она шла по лугу, волосы сияли на солнце, под ногами мягко стелилась трава и вдалеке, как Катины волосы, блестела река.

Он записал это в дневник, вышел во двор, где соседи жгли мусор, и бросил тетрадь в огонь. Потом пошёл к реке, и сон как бы повторился наяву, но этот сон наяву был жесток. Катя действительно шла по лугу, и волосы её блестели на солнце. Вот она повернулась и ожгла его хитро взглядом, чужим, насмешливым взглядом. Он вспомнил о дневнике, смутная догадка, озарившая его, вдруг перешла в уверенность. Он остановился и крикнул: «Катя! Ты всё знала! Всё!» Эхо далеко разнесло его голос: всё! всё! всё! «А что тут такого? Капка несколько раз воровала твой дневник и переписывала. Игнатову тоже давала читать».

На секунду вокруг всё потемнело. И ветер остановился, и в полной мгле погасли цветы, и река не река, а чёрная линия, как на ватмане; а там, где стояла Катя, всё расплылось, и он понял, что это слёзы. Он уже был далеко, когда услышал, что Катя что-то кричала. Он бежал не через овраг, а вдоль него. Внизу, у самого ручья, ткнулся в заросли. Жгучий стыд – вот когда он впервые понял, что это такое. Нагнулся к ручью, чтобы окунуть туда голову, потом жадно напился воды и лёг в траву. Земля здесь была холодной, сырой. Грудь, лицо и живот его стыли, но он не хотел вставать. Высоко на склонах оврага, где стояли деревья, пронзительно и остро кричала какая-то птица.

Может, оттого он и уехал из деревни: не мог перенести, что чужие люди узнали про него и Катю. Сердце ещё долго болело, словно незаживающая рана. Целый год он жил в избе без бабки. Работал в колхозе. Летом косил, сгребал подсохшую траву, метал стога. Зимой помогал на ферме. Возил в поле навоз. На ферму – сено из леса. Такие, как он, были ещё в колхозе. Витя Нагаев тоже остался работать после семи классов. Правда, жил он с матерью... Самое главное – он понял, что Катя исчезла. То есть она осталась, продолжала учиться в девятом классе, но нет Кати, у которой глаза и волосы блестели, как река на солнце за холмом. О ней он не вспоминал; стоило только вспомнить, как налетала обида и

всё уходило прочь, кроме тихой щемящей боли у сердца. Теперь он удивлялся другому: как это он догадался обо всём и спросил Катю. Не просто же так спросил её, с чего бы он спрашивал, ни о чём не подозревая?!

...Пёс шевельнулся и приподнял голову. Шарапов почувствовал лёгкость и покой впервые за этот длинный день. «Спасибо, пёс. Всё нормально, собака, да и ты нормальная собака, даже хорошая. Но мне надо уходить, не жить же мне с тобой в конуре, хоть ты и добрый пёс. Всё, прощай, меня все потеряли и уже никто не ждёт. Мне надо идти жить». Он так и решил: надо идти жить. И вылез из конуры.

В городе почти не мерцали огни, город спал, и он медленно двигался в сторону общежития.

Была полночь, и только одно окно светилось в старом большом доме. «Это наше окно», — подумал он. Никто в комнате не спал. Все заговорили наперебой. «Да, они приходили. Четверо, нет, пятеро, все пьяные! И Сверчков, и Козловский, и другие. Ты посмотри, всё одеяло и матрац изрезали ножами, подушку тоже... А Сверчков забрался на кровать и стал топтать ногами, кричал нехорошие слова, а длинный Козловский, уходя, схватил чайник и ударил им о печку! Видишь, царепина!»

Визингский, когда все на миг замолчали, торжественно сказал:

— Они просили передать тебе, что ещё придут!

И с каким-то удивлением, даже восхищением глянул на Шарапова.

Заговорили снова все разом: «Тебе надо уехать назад, в деревню, там тебя не найдут. Плюнь ты на них... А старшего брата у тебя нету?.. Может, пойти к директору? Он бывший военный, воевал на войне. Нет, лучше поезжай в деревню!»

Он молча снял сапоги и полез под одеяло. Действительно, оно в нескольких местах было разодрано насквозь.

Уснул он сразу, словно чем-то тяжёлым сдавило веки.

Утром, когда проснулся, первым, кого он увидел, был Потапов. Сидел у кровати и во всю ширь улыбался.

— Чего ты, просыпайся! — и ткнул крепко в бок. — Не видишь, кто приехал? А одеяло-то рваное, хуже конской попоны. Плохо учишься, раз новое не дают...

Наверное, это сон. Такого не может быть: живой и здоровый Потапов тут, рядом да ещё и колошматит его по спине и кричит, что в деревне в это время полработы уже сделано!

— Ты знаешь, я тут с отцом. Он на базу за отрубями уехал, а тебе в коридоре мешок картошки оставил, не помрёшь, милый! Но не всё ещё я сказал, тут людей много, потерпи.

Горячая волна хлынула на Шарапова, наполнила его, разлилась по худому телу, ослепила душу. Такое с ним бывало только давно, в детстве, в раннее утро сияющим летом, когда он выбегал во двор и бежал следом за матерью к колодцу, дёргая её за платье, лез на грядки с молодым луком, а мать шлёпала его по голой попе, смеялась, и рядом прыгал, тыкаясь носом, чёрный щенок.

Он выпрыгнул из-под одеяла, быстро натянул штаны и тут только толкнул Потапова в грудь:

— Ты, брат, здоровый стал, за две недели вымахал, небось забыл про меня?..

— Нет, ты скажи, как живёшь здесь? — перебил его Потапов, когда они остались

одни, только Визингский копошился в углу, вешая на чемодан замок. – Не обижают? Может, и обидел кто, про город всякое говорят!

– Не-ет! – протянул, улыбаясь, Шарапов. – Чепуха какая, кому я нужен, да и кто сможет меня обидеть? – Он говорил так искренне, что сам в эти слова верил. Нахлынувшее с приездом Потапова счастье придало вдруг всей его непонятной нынешней жизни такой необходимый ей смысл.

– Кто это? Твой брат? – спросил Шарапова Визингский, когда Потапов на минуту вышел.

– Друг, – отвечал Шарапов.

У Визингского сделалось такое лицо, словно он хотел спросить: а что это значит – друг? И всё же он сказал:

– А чего ж ты молчал? – он показал на одеяло. – Обязательно скажи, мало ли что. Они же обещали вернуться.

– Не твоё дело. И попробуй только пикни, я тогда...

Шарапов спокойно вошёл в класс и сел на своё место. Шла обычная суeta, и перед самым звонком в класс вошли Сверчков с Козловским. Сверчков прошёл мимо Шарапова, опустив голову и не глядя ни на кого. Первым уроком был английский. И Фаина Самойловна Буткевич никак не могла понять, почему в классе такая тишина, только скрип перьев да шелест страниц.

«Вон тот мальчик, кажется, его фамилия Шарапов, – думала она, – весь светится изнутри».

А для Шарапова начинался один из его новых, бесконечно длинных дней. И в самом деле, вот сколько в него должно было вместиться: ожидавший его Потапов, непременные разговоры, на которые тот мастер, встреча со Сверчковым и Козловским. «Когда они придут, – умолял его Визингский, – смотри, чтобы чемодан не трогали, а то с голоду помру». И самое главное – Шарапов ещё об этом не знал – Потапов привёз ему привет от Кати.

Потапов передаст ему этот привет так: «Она что-то вертелась, вертелась около меня. Едешь, мол? Ну да, говорю, отец за отрубями, а я к тебе. Слушай, говорит, скажи ему что-нибудь от меня хорошее. Чего же хорошее-то, спрашиваю? Придумай, говорит, ты, мол, умный, а сама не в себе, щёки красные, глаза блестят – чего говорить, красивая, как тёлка молодая, сам лучше меня знаешь, – очень, мол, прошу, от меня ему... Мне показалось, что не врёт, точно что-то хочет передать, меня не обманешь, только стесняется».

Что-то вспыхнуло в Шарапове, как утром, когда он увидел Потапова, разжалось в сердце, и он засмеялся даже, и у него от смеха выступили на глазах слёзы.

Итак, было неожиданно тихо на уроке Фаины Самойловны...

После урока к Шарапову подошёл Сверчков и буркнул:

– Поговорить надо.

Они вышли через чёрный ход во двор здания и скрылись от дождя под навесом старой мастерской. Сверчков оглянулся и, убедившись, что никого нет, снял пиджак и сказал:

– Подержи чуть...

Шарапов ещё не успел понять ничего, только пиджак подхватил, как Сверчков повернулся к нему спиной и, рывком подняв рубаху, оголил спину.

– Видишь? – сдавленно спросил он.

Вся спина была в багровых рубцах, они заживали, но сквозь коросту ещё сочилась кровь.

– Чего это? Тебя били?

– Отец.

– За что?

– За вчерашнее...

Сверчков заправил рубаху, надел пиджак и рукавом крепко провёл по носу, словно хотел стереть выступившие на лице красные пятна.

– Ты никому не говори, он узнает, тогда опять...

– А я и не думал говорить, – сказал Шарапов. – А чего говорить, подумаешь, одеяло порвали...

Сверчков снова провёл рукавом по лицу и судорожно вздохнул. Шарапов отвернулся. Сквозь щели забора он увидел лошадь, запряжённую в телегу, а на телеге Потапова-отца. Телега свернула с дороги и въехала во двор общежития.

– Кто твой отец? – спросил Шарапов.

– А-а... Одевал я тебе достану...

Шарапов сам не понял, почему вдруг спросил Сверчкова:

– А верхом на лошади не ездил?

– Нет...

– Приходи после уроков к нам в общежитие.

Когда они вбежали на звавший их звонок в здание и полетели, как ошалелые, вверх по лестнице, Шарапов споткнулся и понял, что подошва с сапога вместе с вбитым в неё гвоздём отлетела теперь уже окончательно. Да что подошва, когда в глазах Сверчкова, больших и серых глазах, он видел сиянье, когда и сам он ощущал в себе лёгкость, как будто он снова в родной деревне, где ясен ему каждый день, каждое дерево, каждое животное, каждый человек.

– Понимаешь, я тут обещал его с лошадью познакомить. Нет, он её видел, но близко не подходил, – говорил Шарапов Потапову.

– А что, боится, что ли?

– Да нет. Жизнь у него другая...

– Пусть знакомится, не жалко...

Отец Потапова ушёл за покупками. Шарапов с Потаповым распрягли лошадь, повели по двору.

– Никогда, говоришь, не садился верхом? Странно, есть же люди! – рассуждал Потапов.

– Да не бойся, подойди поближе, вот чудо! Смотри, – Потапов подносил ладонь к морде лошади, мял ей губы, разжимал щелястые большие зубы, лошадь только слегка помахивала хвостом.

Сверчков глядел заворожённо, не мигая.

– А теперь иди поближе, мы тебя подсадим, – громко, на весь двор командовал Потапов. – Ты что, оглох? Чего врос в землю?

Вдвоём с Шараповым они перевалили через спину лошади Сверчкова, который так и остался лежать на ней, как рубашка на верёвке.

– Да сядь ты, чучело! – кричал Потапов. – Вот так, а теперь трогай...

Шарапов вёл лошадь под узду, на лошади сидел сияющий Сверчков, а Потапов шёл следом и громко разглагольствовал:

— Ты и знать не знаешь, чем она питается. Травой? Конечно! А как называются эти травы? То-то! Повторяй за мной: вейник — да не веник, а вейник, канареечник, мятылик, лисохвост, пырей, тимофеевка, костер...

И Сверчков послушно, заворожённо повторял:

— Мятылик, лисохвост, пырей, тимофеевка...

А Потапов уже кричал:

— Зверобой, мята, валерьяна, горец змеиный, водяной перец, калган, родиола розовая, синюха, багульник...

И Сверчков кричал вслед за ним:

— Тысячелистник! Одуванчик! Чемерица! Мать-и-мачеха...

Шарапов вёл лошадь по двору, слушал с детства родные слова, и знакомая, за последнее время привычная печаль вновь подобралась к сердцу, слегка сжав его, но он не стал думать о завтрашнем дне. Этому дню, не прожитому ещё, не было конца, а как жить дальше, как разыскать дом, где находится бабка, чтоб навестить её, пока она не померла, он не думал, это всё он оставлял на завтра. Надо было ещё привыкнуть к Сверчкову и побывать с Потаповым, пока он не уехал домой.

170 во тыригкежлö

**Иван Алексеевич Куратов
(1839 – 1875)**

Иван Алексеевич Куратов – коми войтырлён литературы по-дуб пуктысь, ученой-лингвист. Сылён быд гижёдё, уджё йиджёма коми йöz дорё да чужан кывдор муслун, налён асқиа лун иылысь мёвпалём. Поэт эсkö – Мувывса пемыдыс вежсяс Шондия лунён, коми морт лоö шуда. Поэт аслас олёмён, гижан сямён, кывсö ен туйё пуктёмён ышёдё миянös овны асланым мывкыдён, тёдны чужан кывлысь позянлун да вын. Поэтлён кывыйс, сэтчё кёдзём мёвпыйс – зарни сю,– лоöны съёлёмпётён коми йözлэ нэмъяс кежлö.

Валентина Лимерова

Валентина Александровна Лимерова, литературовед, автор более 80 работ по истории коми литературы, теории и методике литературного образования. Кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

К вопросу об атрибуции «Зырянских песен» К.*

Хорошо известно, что при жизни И.А.Куратова были напечатаны всего пять его стихотворений: «Зон» (Парень), «Том ныв» (Молодая девица), «Голь зон» (Молодой бедняк), «Пёрысь» (Старик), «Понкёд» (С собакой). Они вышли в 1866 г. во втором и третьем номерах газеты «Вологодские губернские ведомости» без указания сочинителя под видом зырянских песен. Факт их принадлежности И.А. Куратову не вызывает сомнений, т.к. все пять содержатся в черновиках поэта (тетради, имеющие условные №№ 1, 4).

Гораздо скромнее сегодняшний читатель осведомлён о том, что они были опубликованы не «россыпью», автономно, а составляли сердцевину статьи «Зырянские песни». Подписанная буквой «К.», предпочтительно думать – инициалом автора, эта статья дала повод для продолжительной дискуссии среди куратоведов относительно того, кем она написана, и, следовательно, кому принадлежит инициатива публикации стихотворений первого зырянского поэта. Впервые мнение о предположительном авторстве «Зырянских песен» было высказано ещё в XIX столетии известными литераторами А. Кругловым и К. Поповым. Они считали, что «К.» мог подписаться Василий Евгеньевич Кичин – товарищ И. Куратова, служивший в 1860-е годы смотрителем Усть-Сысольского уездного училища и активно сотрудничавший с «Вологодскими губернскими ведомостями». В 1930-е гг. исследователи творчества И. Куратова остановились на мнении, что статья «Зырянские песни» принадлежит самому поэту. Их точка зрения затем была поддержана А.Н. Фёдоровой, опиравшейся в этом вопросе на отношение

* Публикация статьи и материалов выполнена в рамках интеграционного проекта фундаментальных исследований УрО РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте (XVIII – начало XX вв.)».

И. Куратова к устной поэзии родного народа¹. Наконец, в 1970-е гг. появились специальные исследования, посвящённые первым публикациям стихотворений И. Куратова. Так, В.И. Лыткин попытался установить, каких орфографических принципов придерживался автор «Зырянских песен», и обнаружил их разнобой. Это позволило ему сделать вывод: в таком виде сам Куратов отправить статью в редакцию газеты не мог². С возражениями В.Н. Лыткину выступила первый директор куратовского музея Т.А. Чисталёва. Обратившись к труду И. Куратова «Зырянский язык», который тоже публиковался в «Вологодских губернских ведомостях»³, она заметила в нём «такие же отклонения от графики Куратова и такие же ошибки и помехи, какие имеются в публикациях пяти стихотворений». С точки зрения Т.А. Чисталёвой, «поэт и учёный-лингвист Куратов выработал свою графическую систему, но она не была опубликована и не «узаконена» в зырянской лингвистике, поэтому некоторые отклонения от своей графики Куратов, отправляя статью в газету, мог сделать сам. На другую графику, в те времена чаще употребляемую (флеровскую или савваитовскую), могли перевести и редакторы и корректоры газеты»⁴. В пользу того, что автором статьи «Зырянские песни», а значит опубликатором своих сочинений был сам И. Куратов, говорит, по мнению исследовательницы, и следующее обстоятельство: в куратовской рукописной тетради №4 «имеются переводы стихотворений «Том зон», «Голь зон» и стихотворения «Понкёд»: у первых двух подстрочный, у последнего – художественный. Указана и дата «1865». Эти переводы идентичны с опубликованными в газете переводами, одинаковы даже знаки препинания»⁵. Т.А. Чисталёва приводит и другие доказательства в пользу принадлежности статьи самому И. Куратову, но, как отмечает В.И. Мартынов, кто же на самом деле опубликовал пять стихотворений Куратова... под видом народных песен, «до сих пор остаётся не выясненным»⁶. Между тем, сам текст «Зырянских песен» в своём первоначальном виде с 1866 г. в печати больше не выходил, не переопубликовывался. Поэтому спор куратоведов об авторстве статьи к сегодняшнему дню приобрёл сугубо академический характер, понятный лишь узкому кругу специалистов.

Предложенный вашему вниманию текст статьи «Зырянские песни» также не является репринтным, т.е. в точности, фотографически передающим графику газетного оригинала. Орфографические особенности, окказиональные и объясняющиеся неразработанностью принципов коми правописания, а также опечатки, допущенные, вероятно, при наборе коми текстов «песен», мы сочли возможным и необходимым сохранить. К первым относятся написание о вместо ѿ (например, съоломто вместо съёлётмтö), неодинаковое завершение слов с конечным соглас-

¹ См. Фёдорова А.Н. И.А. Куратов. Коми книжное издательство, Сыктывкар. 1960. С.118–119.

² Лыткин В.И. И.А. Куратов кывбуръяслён медвoddза публикацияяс // Куратовские чтения. Коми книжное издательство, Сыктывкар, 1973. С.91–102.

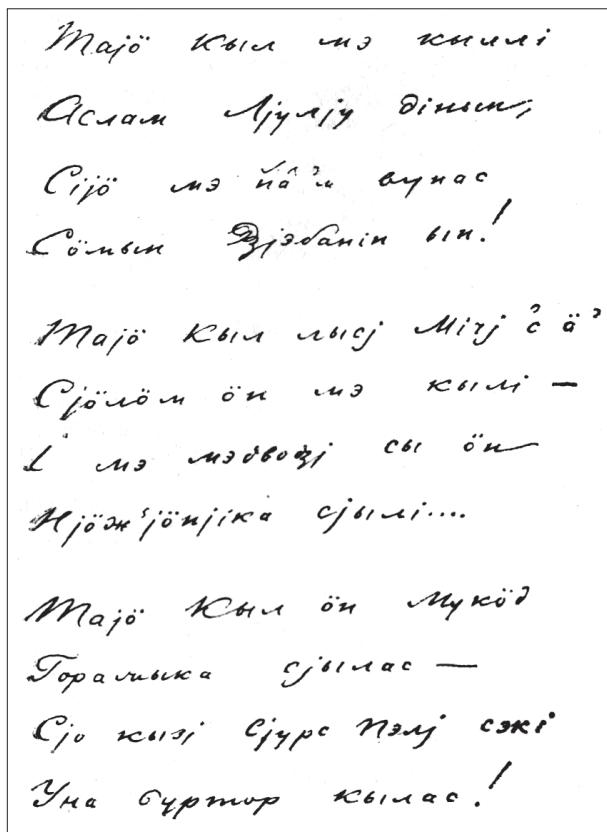
³ Куратов И.А. Зырянский язык // Вологодские губернские ведомости. 1865. №№ 23, 27, 31, 37; 1866, №№ 18, 19.

⁴ Чисталёва Т.А. Кто автор статьи «Зырянские песни»? // Куратовские чтения. Коми книжное издательство, Сыктывкар, 1976. С.112.

⁵ Чисталёва Т.А. Там же. С.110.

⁶ Мартынов В.И. История открытия и изучения рукописного наследия И.А. Куратова // Куратовские чтения. Т.6. Сыктывкар, Коми книжное издательство. 1990. С.30.

ным (ә, без ә), раздельное или через дефис написание отдельных суффиксов (падежных, притяжательных, мн. числа), написание существительных с заглавной буквы и др. Ко вторым можно отнести расхождения с современной графической передачей дж, дз. В рукописях Куратова встречается особое начертание этих букв: он как бы соединял две буквы в одну, опуская часть второй.

Факсимиле стихотворения И.А. Куратова «Коми кыв» (Коми язык). Опубликован в книге История коми литературы. Т.2. Коми книжное издательство. Сыктывкар, 1980. С.38.

Поэтому наборщиками статьи «Зырянские песни» дж могло быть прочитано как дн. Осида и появились в текстах песен слова ӱдналіс вместо ӱджаліс, днын вместо джын, дненыйд вместо дженыйд. Конечно, эти и другие разночтения с графической и орфографической системами современного коми языка затрудняют общение сегодняшнего читателя с «Зырянскими песнями» К. В то же время, публикуя статью в той самой редакции, в которой она выходила при жизни И.Куратова, мы надеемся оказать услугу всем тем, кто неподдельно заинтересован в изучении его слова.

Кроме того, читателю предоставляется возможность познакомиться с очерками В.Кичина и П.Кокшарова – современниками И.Куратова, которым, по мнению исследователей, наряду с самим поэтом и могло принадлежать авторство статьи «Зырянские песни».

Зырянскія пѣсни*

Посѣщающимъ зырянскій край рѣдко можно услышать зырянскую пѣсню, даже и въ Устьсыольскѣ – средоточіи зырянской цивилизации.

Въ Устьсыольскѣ и его окрестностяхъ трудно услышать зырянскую пѣсню: тамошніе туземцы, въ своихъ народныхъ собранияхъ, постоянно поютъ пѣсни русскія, изкажая ихъ неправильнымъ выговоромъ; пѣніе это не отличается стройностію, ни музыкальностію, не веселитъ, ни грусти не наводитъ, словомъ бездушно и нелепо. Понятно, русскій элементъ, вытесняющій постоянно зырянізмъ, главною тому причиною. Иное впечатлѣніе наводятъ народныя зырянскія пѣсни; въ нихъ есть и смыслъ, и музыкальность, и бурные порывы, и тихая грусть. Напрасно у большинства существуетъ предубѣжденіе, что зырянскій языкъ одинъ изъ бѣдныхъ по содержанію. Зырянскія пѣсни лирического склада благозвучны, народныя, какъ подобнаго рода и русскія, отличаются поражающими мотивами.

Вотъ, для примѣра, пять зырянскихъ пѣсен, видѣнныхъ мною въ рукописи одного природнаго, образованнаго зырянина, и слышанныхъ въ недавнее время, въ пѣніи ихъ нѣкоторыми устьсыольскими зырянками:

1. Зонъ.

Онъ тодъ на тѣ онъ,
Мича авъя Зонъ,
Сьоломто, оломто
Ас ыдъзыдъ Донъ,
Бурлунто, шудлунто,
Онъ тодъ тѣ онъ!
Регыдъ Мортъ-ыдъ томъ!
Ичъотъ оланъ Комъ!
Вынъ-ыдъ лы Мывкыдъ-ытъ
Пуктасъ медъ Домъ!
Муноны Лунвой ыд...
Регыдъ Мортъ томъ!
Отнасъ Мортъ днынъ – Мортъ,
Аньгель, Куль да Ортъ
Отконъ медъ оласны!
Лосьодъ, Зонъ, Гортъ!
Лосьодъ котъ Мусато!
Отнадъ днынъ Мортъ!
Онъ казявъ, онъ кывъ...
Рытывбыдъ рамъ Нывъ
Яндысьо, ылавсьо –
Кодъ тѣ ысь вывъ!
Долыдъ тә, мелъи тэ!“

* Вологодскія губернскія вѣдомости. 1866. № 2.

Немъ тэ, онъ кывъ!
 Омыдзъ Ва койсь Виръ!
 Шондыи Яйлы—пыръ
 Нылыш—лонъ тыдало!
 Весчоро дыръ
 Чюжомасъ ворслывло
 Омыдзъ Ва—Виръ!
 Дненъыдъ сы кодъ Вой!
 Небыдъ сы лонъ Сой!
 Юрсисо сетома.
 Нылыш—лы Мой!
 Долыдмасъ Лунъ сы кодъ,
 Дненъдаммасъ Вой!
 Кывлъинъ, эмъ, по, Рай?
 Сетсю эн—на Кай!
 Кувны и Порысьонъ
 Эштамо тай...
 Томъ йозъ! Нывъ—Морос—ысь
 Корсю тъи Рай!
 Йозлы абу Могъ!
 Йозлы абу шогъ!
 Медъ волы на—я лы
 Шань Оласногъ...
 Ныв кодъ, Зонъ, шуда ло!
 Йоз—лы мый Могъ!

1. Молодецъ.

Ты не знаешь прекрасный добрый юноша, не знаешь, что за штука жизнь; ни
 цѣны своей, ни счастья своего ты не знаешь, нѣть!, Не долго человекъ молодъ!
 Да и вся—то жизнь не долгъ! пусть на Силы твои Разумъ надѣнетъ узду... Время
 улетучивающаяся отъ настъ веъцъ... Не долго человѣкъ молодъ!

Человѣкъ въ одиночество поль—человѣка! Ангелъ, водяной да домовой пусть
 живутъ одиноки! Ты, молодецъ, обзаведись настоящимъ домомъ! Покрайней мѣръ
 найди кого было—бы любить! Человѣкъ въ одиночество поль—человѣка! Не за-
 мѣчаешь, не видишь... Цѣлый вечеръ скромная дѣвушка смущается, проговари-
 вается “Кто противъ него? И весель—то онъ и ласковъ—то онъ!” Ты ничего не
 примѣчаешь!

Нѣжно, мягко ея предплечье! Ночь съ ней коротка! Бобръ далъ ей волосы!
 Веселъ, свѣтель съ нею день, ночь съ ней коротка!

У нея малиновая кровь и солнце просвѣчиваетъ сквозь тѣло и косточки ея,
 какъ сквозь пальчики ребенка! Напрасно такъ долго зажигается на этомъ личикѣ
 малиновая кровь!

Слыхалъ—ли, есть говорятьъ рай? Туда не восходи пока! Умереть и въ старо-
 сти непремѣнно успѣемъ... Юноши ищите въ груди дѣвицы рай!

Людямъ нѣть дѣла до вастъ! Людямъ нѣть дѣла до любви! Имъ была—бы строго

чинная жизнь... Имъ нужны платье да наружность!.. Юноша! будь счастливъ съ дѣвой!.. Людямъ нѣтъ вѣдь дѣла!

2. Томъ Нывъ.*

Шонды Баной
 Буръ Таланой,
 Муса, мичя Нывъ!
 Ошкомъ окты,
 Зонъ мозъ йокты,
 Вильшась, серавъ, сывъ!
 Юрасъ Думсо,
 Вомасъ Юмсо
 Петкодъ Томъ Морт–лысь!
 Медъ тэ–борысь
 Гажмасъ порысь,
 Съоломъ Гажодысь!
 Югыдъ Шондъи!
 Долодъ, шонды
 Ставъ Енвелтувсо!
 Мичя Ныло!
 Мытсыывъ ми лы
 Кокныдъ Оломсо!

2. Молодая дѣвица.

О, завидная молодость и живость! Дѣвшка! Какъ парень, шали, пляши, смѣйся, пой!

Въ головѣ думы, на губы сладострастную улыбку вызови у юноши! Пусть старый, глядя на тебя, почувствуетъ въ жилахъ прежнюю кровь, въ сердце прежнюю радость, сердце радующая!

Свѣтлое солнце! Грѣй и оживляй все, что есть подъ небомъ! Прекрасная дѣвица! Покажи намъ жизнь–то легкую и веселую!

3. Голь Зонъ.

Эно поло,
 Ме ногъ оло!
 Менсыымъ Ҕерка Ывла
 Шондъи ломтылывло!
 Йоръ тыръ Печоръ
 Быдмо вежоръ –
 Оз ковъ съюсъ койны!
 Видзьтогысь озъ сойны!

* Вологодскія губернскія вѣдомости. 1866. № 3.

Ворынъ уна
Моссовъ! Муна,
Кодосъ коло кыйла!
Кинось гажа лыйла!
Пыръ ме юомъ!
Суръ пыръ п uomъ!
Сурой паськыдъ Ютыръ,
Быгъя, абу гудыръ!
Нянь быдъ Пачынъ,
Шыдъ быдъ Рачымъ
Дастоны мемъ! Воа,
Уднала і сюа!
Быдсонъ ордымъ
Ми–вокъ гортынъ,
Асморть! Логось тъянъ
Аймамъясь, Ныв–Пиянъ!
Озыръ ногонъ
Огъ вись Шог–онъ!
Юрси гогыльчома,
Ныв лы слубитсома!

3. Молодой бѣднякъ.

О не беспокойтесь – живите, какъ я! Мой домъ, улицу, согрѣваетъ (топить) солнце! У меня много растетъ... крапивы подлѣ огородовъ! Ее не надо поливать! Безъ храненія ее никто не съѣсть!

У меня много скота... въ лѣсу! Схвачу, кого захочу, загоню къ себѣ, застрѣлю, заколю, кто понравится! Я всегда выпивши! Пива моего полно русло широкой рѣки! По краямъ оно пѣнится и вообще не слишкомъ густо!

Во всѣхъ печкахъ хлѣбъ, во всѣхъ горшкахъ щи вы мнѣ готовте! Приду, потребую и поѣмъ!

Въ каждомъ домѣ я принятъ, какъ свой человѣкъ. Вы же семейные то-и-дѣло въ неудовольствіи другъ на друга!

Я не скучаю какъ богачъ! Оттого волосы въ кольцахъ и эти волосы очень нравятся дѣвицамъ!

4. Порысь.

Ой ой мый–но съїдзи ола
Дыръ!
Куломысь огъ, Пысьсъ пола
Пыръ!
Меамъ быдсо сыйсомъ сълысь
Нянь;
Огъ нинъ казявъ Пызанъ–вылышъ
Панъ!

Тырысъ Эмбуръ дасътлъи сылы—
 Овъ!
 Сылысъ корны Домас—выло
 Повъ!
 “Дур—Понъ“ выль Нимъ пуктысъ съю
 Мемъ...
 Кыдзно арталъи ме Пио,
 Нэмъ,
 Мый ме Йозъ мозъ Мортъ—ловъ сетлъи
 Тэдъ?
 Бара-й Монъ... Но съю—петло!—
 Медъ!
 Озъ по гогорво эдъ быдсо
 Йой!
 Огъ тодъ вошсыны тасъ кытсьо
 Вой!
 Енъ видзы! Норасьны медъ муна!
 Огъ!
 Съидзъ нинъ ме—кодъ налы уна
 Шогъ!
 Вины ачымосъ? да кыла:
 Мыжъ!
 Кытко Пуртъ тайасыдъ—выло
 Ныжъ!
 Тавой лосасисъ нинъ йона
 Ортъ,(*)
 Тоданъ возъйо нинъ мемъ дона
 Гортъ!
 Мычасянъ да Гу—о усянъ,
 Понъ!
 Пернапассо чьовтасъ гусъонъ
 Зонъ!

4. Старикъ.

Какъ длинна человѣческая жизнь! Не боюсь я смерти, а боюсь сына! Весь хлѣбъ я у него съѣль; за столомъ мнѣ забываютъ ложку подать! При жизни своей я оставилъ ему наслѣдство. Живи не жалуйся! А теперь страшно попросить у него на заплату!

“Бѣшеная собака“ — это новое имя далъ мнѣ сынокъ. Какже, я думалъ, что я тебѣ, какъ и люди, даваль человѣческую душу? Или въ самомъ дѣлѣ, ты собачій сынъ?.. Опять и невѣстка... Но та уже пусты! Чужая! Ничего уже, говорятъ они, не понимаетъ! Изъ ума выжилъ! Ахъ, куда мнѣ дѣваться отъ умныхъ? Къ старшинѣ, чтобы пожаловаться на нихъ? Эхъ! и такъ много имъ отъ меня горя—то!

(*) Ортъ — домовой, другъ старииковъ и старухъ; онъ имъ предвѣщаетъ приближеніе смерти.

Убить себя? Грѣшно да и совѣтно на старости лѣтъ. Да и ножъ—то все тупъ, какъ не точи его на себя!

Прошедшую ночь я уже слышалъ стукъ Орта; а знаете, этотъ стукъ походитъ на стукъ грободѣлателей.

Вотъ пойдешь, стариkъ, и упадешь въ яму—какъ собака, а любезный сынъ, за угломъ, осѣ, нить себя крестнымъ знаменіемъ!

5. Понъ кодъ.

Озъ нинъ сывсы!
Озъ нинъ кывсы
Зептынъ Сьюмъ!..
Понмой дзюгыль,
Шайтъ койдъ нюгыль,
Нюкырчомъ...
Четсыв, коланъ!
Мый тэ поланъ,
Муса Вокъ?
Нянторъ кыдзъ-ко
Кольом кысо-ко
Сью тэ, локъ
Ме-со кыдзи?
Табакъ выдзи
Кыскысь монъ...
Аски-шань-о?
“Жалованъо
Босьтом-онъ...!”

5. Съ собакой.

Это знаетъ даже песъ,
Опустилъ не даромъ носъ!
Не грусти, другъ! Волей неба
Для тебя кусокъ есть хлѣба.
Скушай, вѣрный, ты его.
“Как—же самъ—то?”— Ничего!
Я, вѣдь, самъ хозяинъ. Что ты?
Обо мнѣ не знай заботы!
Накурюсь я натощакъ...
Вѣдь не вышелъ весь табакъ!
Но порадовать ужъ лучшимъ!—
Завтра, завтра мы получимъ
Жалованье,— знать изволъ.
Песъ мой вѣрный. Хорошо—ль?

Зырянскій языкъ, какъ и сродный ему Венгерскій, отличается сжатостію. Вотъ почему такими—же короткими стихами, какіе имѣютъ предложенныя пѣсни,

ихъ нельзя перевести на русскій. По пословицѣ – изъ пѣсни слова не выкинешь, – а при переводѣ и безъ этого трудно обойтись; также какъ необходимы и лишнія приставки. Изъ всѣхъ произведеній человѣческаго слова пѣсня самая чувствительная недотрожка.

К.

Нѣчто объ Устьсыольскѣ*

Устьсыольскъ, разкинутый по лѣвую сторону Сысолы, при впаденіи ея въ Вычегду, крайний городъ Вологодской губерніи, – дальше его, по выраженію мѣстныхъ обитателей, “и почта не бѣгаетъ.” На долю Устьсыольска, какъ и большинства россійскихъ уѣзденыхъ городовъ, получившихъ основаніе при Императрицѣ Екатеринѣ II, досталась мѣстность, неотличающаяся плодородною, производительною почвою, обусловленною благотворнымъ климатомъ. Понятно, что мѣстность и климатъ отразились въ характерѣ и имѣли вліяніе на физическое развитіе туземцевъ Устьсыольска – зырянъ. Мрачный и угрюмый характеръ зырянского края, изобиліе окрестъ – лѣсистыхъ мѣстностей, богатыхъ пушными звѣрями и дикою птицею, почва песчано-глинистая, едва способствующая хлѣбопашству, скотоводство, не отдаленное отъ земледѣльческой промышленности занятіе, захотили первобытныхъ обитателей устьсыольской мѣстности заниматься преимущественно лѣсными промыслами. Охота за бѣлками, рябчиками и прочею дичью, послѣ рыбной ловли, – пріятное и любимое развлеченье зырянъ устьсыольскихъ, можно даже сказать, ихъ профессія. Неудивительно послѣ этого, что поступающіе въ военную службу изъ зырянъ пользуются репутациею отличныхъ стрѣлковъ. Когда случалось мнѣ заходить въ зырянскія избы мѣстныхъ обитателей, вниманіе мое, между прочимъ, останавливалось на деревянныхъ ящичкахъ, устроенныхъ на подобіе компаса, называемыхъ здѣсь *матками*, безъ которыхъ зыряне не отправляются на дальнюю охоту.

Несмотря, по видимому, на грубость натуры обитателей зырянского края и неразвитость нравственную, это племя отличается удивительной характерной самостоятельностью, тѣмъ болѣе обращающею на себя вниманіе при постояннѣмъ вліяніи русского элемента на народность зырянскую, который постепенно проникаетъ и чрезъ присутственная мѣста и чрезъ учрежденія въ пользу народнаго образованія. Впрочемъ, въ семействахъ большинства коренныхъ устьсыольскихъ обитателей разговорная рѣчь часто ведется на русскомъ языке, обычаи русские. Устьсыольское мѣстное городское общество, мало по малу, начинаетъ понимать потребность, по выраженію тамошнихъ туземцевъ, обучать дѣтей въ школѣ – грамотѣ и счетной части. Приходскіе училища полны учащимися. Уѣздное училище, существующее на тѣхъ же началахъ, какъ и прочія заведенія подобнаго рода, не смотря на характеристическую особенность зырянского края, полагаю, должно совершенно удовлетворять потребности мѣстнаго городскаго общества, да и на самомъ дѣлѣ для мальчиковъ изъ зырянъ, едва умѣющихъ, до

* Вологодскія губернскія вѣдомости. 1865. № 34.

научного знания, которое даетъ уѣздное училище. Достаточность же училищной библиотеки почти по всѣмъ важнѣйшимъ отраслямъ науки, и находящіеся при ней, для наглядного обученія — микроскопъ, магнитъ, астролябія, цѣпи для измѣренія пространства, карты животныхъ и т. под., должны безъ сомнѣнія, служить хорошимъ проводникомъ толковаго воспитанія и образованія дѣтей. Въ послѣднее время училищнымъ начальствомъ предположены къ выпискѣ нѣкоторые химические аппараты.

Замѣчено, что отцы зырянскихъ мальчиковъ стали иногда заглядывать въ школу — послушать, какъ учатся ихъ дѣти, только, говорятъ, “жаль, что сѣчь перестали.”

Какъ мнѣ не хотѣлось въ народныхъ собраніяхъ устьсысольскихъ мѣщанскихъ парней и дѣвушекъ послушать національныхъ пѣсенъ, но, увы, не удавалось! Незная достаточно хорошо русскаго языка, зыряне поютъ пѣсни русскія, но въ этомъ подражаніи, въ этомъ странномъ пѣніи нѣть гармоніи, не поражаютъ естественною прелестью музыкальные мотивы; между тѣмъ какъ разговорный языкъ зырянъ плавенъ, даже гармониченъ.

Услышать зырянскую пѣсню было долго моимъ желаніемъ, и, наконецъ, мнѣ это удалось. Въ одну изъ загородныхъ прогулокъ я неожиданно былъ пораженъ гармоничнымъ пѣніемъ зырянкой пѣсни; пѣла молодая дѣвушка, глаза ея искалились, на лицѣ выражалось неподдельное чувство. Хотя и не умѣлъ хорошо говорить по зырянски, но значеніе зырянскихъ словъ, по большей части, мнѣ было уже известно. Эта пѣсня въ родѣ русской: “ахъ объ чемъ ты проливаешь...” и т.д. Въ последствіи я слыхалъ еще нѣсколько народныхъ зырянскихъ пѣсень лирическаго склада, весьма благозвучныхъ, что можетъ, отчасти, служить доказательствомъ, что зырянскій языкъ коренной. Нѣкоторыя зырянскія сказки и пословицы рельефны, имѣютъ смыслъ и оригинальность. Жаль, что переводы ихъ на русскій языкъ очень рѣдко появляются въ періодическихъ изданіяхъ.

Нравственная неразвитость зырянъ общее свойство младенствующихъ народовъ, она не можетъ быть имъ упрекомъ; но есть много такого въ простомъ и честномъ нравѣ зырянъ, чѣму можно бы позавидовать даже народамъ цивилизованнымъ. На первомъ планѣ практический умъ, полный оригинальности, простоты, остроумія, отчасти и сарказма.

Противозаконное пользованіе чужою собственностью презирается обывателями Устьсысольска; если же, въ послѣднее время, и стали появляться тамъ кражи, такъ это, полагаютъ, отъ наплыва тамъ ссыльныхъ солдатъ и подобной челяди.

Одежда и домашній бытъ устьсысольскихъ мѣщанъ не отличаются резкими чертами отъ постоянно вытѣсняющей зырянизмъ русской національности.

Городъ Устьсысольскъ, хотя незамѣчательнъ, наравнѣ съ другими рядовыми уѣздными городами, ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніяхъ, но отличался издавна и отличается общественнымъ складомъ своего чиновничества, (такъ называемаго *высшаго кружка*), его единодушiemъ, при которомъ дружнѣе подвигаются впередъ общественные интересы, мало—по малу освобождаясь отъ нелѣпой рутинѣ. Къ чести обитателей этого крайняго городка, откинутаго чуть не къ полюсу, надо отнести и то, что здѣсь выписывается болѣе другихъ уѣздныхъ городовъ Вологодской губерніи, (кромѣ Устюга), газетъ, журналовъ и про-

чихъ периодическихъ изданій, и существуетъ издавна общественная библиотека, хотя и не совсѣмъ удовлетворяющая потребностямъ мѣстного общества, по малозначительности своихъ средствъ, кои, однакоже, благодаря стараніямъ нѣкоторыхъ членовъ, болѣе и болѣе увеличиваются. Вслѣдствіе сношенія устьсыольской публичной библиотеки со многими редакціями, просившей, по ограниченности своихъ финансовыхъ средствъ, о бесплатной высылкѣ редактируемыхъ ими газетъ и журналовъ, нѣкоторыя Редакціи приняли на себя обязательство высылать свои изданія библиотекѣ бесплатно. Призывное заявленіе, столь рѣдкое въ лѣтописи уѣзднаго городка, первый благородный откликъ встрѣтило со стороны безкорыстнаго г. Аксакова незамѣдлившаго выслать “День.”

Также, издавна, въ Устьсыольскѣ возобновляются каждогодно, въ зимнее время, благородные общественные спектакли, нѣсколько перемѣнъ декорацій за- ведено на общественной счетъ. На сценѣ тамошняго театра съ 1861 года по настоящій ставились піэсы по преимуществу дѣльныя, образцовыхъ писателей; въ особенности, развитая публика восхищалась піэсами Островскаго, которыя выполнялись добросовѣстно. На Устьсыольской сценѣ съ 1861 по 1865 г. появлялись замѣчательные талантливые аматеры, въ лицахъ И.В. Меркушева и Е.М. Кичиной, что подтверждала и сознаетъ вся устьсыольская публика.

Также нельзя публикѣ устьсыольской быть неприятелью, въ прошлый зимній сезонъ, къ игрѣ Гг. Е.М. Никитиной и И.И. Дилакторскаго, довольно удачно замѣнившихъ таланты Кичиной и Меркушева.

Общественные спектакли любителей драматического искусства устраивались въ Устьсыольскѣ постоянно съ благотворительною цѣлію.

Сборъ съ поѣтителей, за необходимыми расходами, предназначался преимущественно на усиленіе материальныхъ средствъ устьсыольского второразряднаго женскаго училища, а въ послѣдній сезонъ – на вспомоществованіе погорѣвшимъ жителямъ города Симбирска.

В. К-инъ.

Поѣзда въ Устьсыольскъ*

Я ѿхалъ зимой, на протяжныхъ, по проселочной дорогѣ черезъ Лальскъ къ Устьсыольску. Дорога становилась скучнѣе, однообразнѣе: по обѣ стороны лѣсь, чѣмъ дальше, тѣмъ угрюмѣе, выше, чаще и чаще; онъ, какъ будто, хочетъ загородить, отъ глазъ путешественника, и сводъ постоянно облачнаго неба. Снѣгъ улегся безконечною пеленою; ему еще мало мѣста: онъ не оставилъ свободными и вѣтвистыхъ деревьевъ, весною и летомъ, отчасти, разнообразящихъ дикую природу.

Проселки длинны и утомительно скучны. Продрогнешь до костей и радъ, радъ отогрѣться въ курной избѣ зырянина, добравшись до станціи, гдѣ часто приводится мерзнуть: беспечный хозяинъ, должно быть, не позабылся нагрѣть комнату. Русскаго слова не услышишь. Крикливая и протяжная зырянская меж-

* Вологодскія губернскія вѣдомости. 1866. № 6.

дународная рѣчъ, на первый разъ навѣваетъ на душу какое-то грустное, безотрадное чувство. При видѣ супровыхъ и угрюмыхъ лицъ зырянъ, соотвѣтствующихъ окружающей природѣ, и типомъ подходящихъ къ монгольскому племени, представляешь себѣ, будто заѣхалъ въ другую часть свѣта.

Едва отогрѣлся въ курной избѣ, снова въ дорогу! садишься въ сани, непрезентабельной наружности, съ опасностью кибитко – крушения, чтобы продолжать однообразно-утомительный путь. Иногда до десяти лошадей, запряженныхъ гуськомъ если чуть побольше дорожній омнибусъ, двигается впередъ понуканьемъ ямщика, затянувшаго пѣсню, и нахлестываньемъ форейторовъ-женщинъ.

Дѣло въ дорогѣ. Лошади давно уже выѣхали изъ деревни, но кибитка словно жалѣеть растаться съ нею, а иногда будто боится въ нее вѣхатъ. Женщины кричатъ по зырянски: вотлы, вотлы! (пошелъ, пошелъ!), понукая крысоподобныхъ мелкой породы лошадей.

Поднимаешься ли на гору, спускаешься ли съ нея, – одинъ и тотъ же протяжный крикъ. Оборвется ли постромка у переднихъ лошадей, и двѣ–три изъ нихъ, на свободѣ, несутся во весь опоръ, а все то же понуканье форейтора, едва догадавшагося о причинѣ своей скорой и легкой Ѳзы. Не успѣешь проѣхать поляны, либо пустыря послѣ деревни, какъ опять лѣсъ и снова впереди извилистая узкая снѣговая дорога; на ней не встрѣтишь ни души, лишь, изрѣдка, охотникъ-зырянинъ съ ружьемъ, или съ рогатиною; чтобы глазъ на глазъ встретиться съ медвѣдемъ, пробирается въ чащу лѣса.

Но вотъ дорога становится разнообразнѣе: деревни, поля, лѣсъ перемѣжаютъся; деревенская постройка красивѣе и чище. Скоро и Устьсысольскъ столица зырянскаго края! Полагаешь, что вотъ увидишь вдали красивый и обширный городъ; напрягаешь зрѣніе и удивляешься, при видѣ вдали церкви съ колокольнею и нѣсколькихъ разбросанныхъ на значительномъ разстояніи строеній. Вотъ и Устьсысольскъ! Становиша еще грустнѣе, еще безотраднѣе, быть можетъ, отъ обманутой надежды!

Полагаешь скучать, и скучать, слышать разговорную рѣчь на не родномъ языке... Но на дѣлѣ выходитъ другое. Въ Устьсысольскѣ можно встрѣтить общество, лучше, многихъ уѣздныхъ городовъ Вологодской губерніи: тамъ существуетъ общественная библіотека, выписывается много газетъ, журналовъ и прочихъ periodическихъ изданій; учрежденъ клубъ, каждогодно возобновляются общественные спектакли любителями драматического искусства... Для вновь прїѣзжаго время проходитъ весело и незамѣтно.

Заглянемъ въ бытъ устьсысольского простонародія: онъ мало отличается, въ общихъ чертахъ, отъ обыденной жизни сосѣдей зырянъ и русскихъ поселянъ. Устьсысольские зыряне-домовладельцы заводятся слишкомъ незавидными постройками, ни по архитектурѣ, ни по внутреннему устройству: комнаты словно клѣтки, а еще болѣе ихъ чулановъ, чтобы было гдѣ хранить хламъ; такъ называются зырянами ихъ пожитки. Да, и благоразумно: было бы себѣ хорошо, а какое дѣло до другихъ! На пятиверстномъ пространствѣ примыкаетъ къ Устьсысольску рядъ деревень; жители ихъ причисляются къ городскому населенію; они, какъ и наши русскіе поселяне, обитаютъ въ слишкомъ незавидныхъ жилищахъ, которыя становятся еще незатѣйливѣе, чемъ далѣе заглядываешь въ глушь Устьсысольского уѣзда. Замѣчательно: чѣмъ лѣсистѣ страна, тѣмъ безопаснѣе ея обита-

тели къ устройству своихъ жилищъ. У зырянъ это еще разительнѣе. Подъезжашь, изъ большаго лѣса, къ зырянской деревнѣ; думаешь увидѣть красивую и приличную бревенчатую постройку, и обманываешься ожиданіемъ: избы, или лучше, лачуги, слишкомъ низки и малы, точь въ точь кльсти пристройки при жилищахъ русскихъ поселянъ сѣвернаго края. Подобныя избушки кажутся едва прикрытыми тесомъ на одинъ скатъ, или торчащею соломою, въ трубахъ словно нѣтъ и надобности; но войдя въ избушку увидишь, что зыряне не выносятъ изъ избы, какъ сказочные Вятчане, дымъ лукошками, (мимоходомъ замѣчу, что и зыряне не прочь иногда хвалиться предъ Вятчанами болѣе практическимъ умомъ) ему свободный выходъ чрезъ прорубленное надъ дверями лачуги отверстіе, надъ печью замѣтишь падчэрь-ошенъ-печное окно, чтобы свѣтлѣе, по зимамъ, было прясть зырянкамъ разнаго рода кудѣлю; въ этихъ избахъ и въ зырянской мебели нѣтъ недостатка: отрубокъ толстаго дерева, джека, замѣняющей стуль, и-улэсъ, — согнутое изъ черемуховыхъ вѣтвей, съ досчаною на верху площадкою, четырехъугольное сѣдалище. Падчэр-ошенъ, джека и улэсъ встречаются при нѣкоторыхъ домахъ и устьсыольскихъ горожанъ.

Одежда простыхъ городскихъ зырянъ-мужчинъ длинные шерстяные зипуны, родъ халатовъ, изъ подъ которыхъ виднѣется воротникъ бѣлой холстиновой рубахи; обувь-коты съ пестрыми шерстяными чулками. Женщины носятъ китайчатые шугаи, а по зимамъ, шубейки, крытыя зеленою нанкой, съ бѣличьей опушкой. Головной уборъ зырянокъ женщинъ — кокошникъ, покрытый большими, распущенными на спину, платкомъ; зырянскія же дѣвицы повязываютъ головы шелковыми платками, изъ подъ которыхъ выпускаются, съ вплетенными на концахъ лентами, косы. Вообще, въ одеждѣ зырянъ пестрота и яркость цвѣтовъ. Это разнообразіе всего скорѣе можно замѣтить въ праздничныхъ народныхъ собраніяхъ зырянскихъ парней и дѣвицъ, когда ими составляются веселые хороводы. Странно,— зыряне обыкновенно поютъ въ хороводахъ пѣсни русскія, часто не понимая значенія словъ. Фальшивое произношеніе, пѣніе протяжное, безъ порывовъ, лишенное чувства, не музыкально, не гармонируетъ природѣ. А на лугу, около ската къ рѣкѣ Сысолѣ, наблюдателю такъ привольно, такъ весело! Городскія строенія раскинулись на возвышеніи правильно и красиво. Передъ глазами быстрая Сысола; она не болѣе какъ въ полуверстѣ сливается съ широкою Вычегдою, которая змѣообразно повертывается вдали, чтобы скорѣе скрыться изъ виду. Тамъ и сямъ пронесется по рѣкѣ стружокъ зырянина, беспечно правящаго весломъ; онъ, должно быть, отправился рыбачить, или на противулежащей островъ на Сысолѣ, чтобы поохотиться за лѣсною дичью. Зеленѣющія сосны и ельникъ, симетрично расположившись, унизываютъ противуположный берегъ. Лишь-бы захватить съ собою ружье, вѣрнаго спутника собаку, да матку (родъ компаса), — охотнику-зырянину приволье; можно забраться и подальше въ густой боръ. На право городское кладбище, къ которому амфитеатромъ, примыкаетъ рядъ мѣщанскихъ строеній; это, по зырянски, кэръ уль (подъ горой); русскіе же называютъ кибулемъ; одинокая кладбищенская церковь словно погрузилась въ зеленое море. Эта картина природы носить все-таки отпечатокъ дикости. Задумашься невольно. Вотъ уже и пѣсни замолкаютъ, постепенно смѣняясь тишию. Хороводы разрознились. Здѣшніе зырянскіе парни и дѣвицы не считаютъ предосудительнымъ идти съ гулянья подъ руку, или обнявшись; дѣвица не стѣсня-

ется оказывать предпочтение любимому парню, здесь невеста часто выбираетъ себѣ жениха. Ообычай странный!

Если заглянуть въ избу къ зырянину, — онъ не откажеть въ гостепріимствѣ. Начинается угощеніе. Любимая кушанья зырянъ: яичница, щи изъ мяса безъ всякой приправы, ярушники-пироги изъ ячной муки, хлѣбъ намазанный слоями скоромнаго масла. Самое лакомое блюдо зырянского стола-лязъ; оно приготавливается изъ высушенныхъ толченыхъ черемуховыхъ ягодъ. По праздникамъ предъ обѣдомъ зыряне пьютъ гѣрмога-чужва-сусло съ перцемъ стручковымъ. Это зырянский кофе; о настоящемъ же они и понятія не имѣютъ; да пожалуй и пить его не станутъ. Любимые напитки зырянъ вино и пиво; послѣднее приготавляется въ каждой зырянской избѣ, въ продолженіе почти цѣлаго года. Не поэтому ли расположению зырянъ къ пиву и дали имъ сосѣдніе русскіе поселяне прозвище пивопійцъ. Потому, что пиво по зырянски суръ, а оттуда суряне, зыряне. Мнѣ скажутъ, что это производство куріозно; съ чѣмъ я совершенно согласенъ. Замѣтка эта мною приведена здѣсь для того, чтобы напомнить читателю о появлявшихся въ различное время въ печати подобныхъ же, не менѣе куріозныхъ производствахъ названія зырянъ, часто неосновательныхъ и нелѣпыхъ. Угощеніе виномъ считается у зырянъ за большую пріязнь. Изъ за вина зырянинъ-крестьянинъ готовъ на разныя услуги и большія уступки при продажѣ чего либо.

Странно, что зыряне, живущіе въ городѣ, типомъ лица мало отличаются отъ русскихъ; напротивъ живущіе изъ зырянъ въ деревняхъ, вдали отъ большой дороги, почти совершенно монгольского типа. Это можно объяснить только тѣмъ, что первые происходятъ отъ смѣси природныхъ зырянъ съ новгородскими выходцами, достигавшими и зырянского края; а послѣдніе-керенные зыряне, переселенцы изъ Азии; что доказываетъ и зырянский языкъ, относимый нѣкоторыми филологами къ группѣ алтайскихъ нарѣчий.

Дикость мѣстной природы отразилась и въ зырянинѣ: онъ вообще, грубъ, и невѣжественъ; встрѣчаются и такіе зыряне, которые ёдятъ куски сырого мяса. Въ образованіи же они оказываются быстрые успѣхи. Безъ посторонняго вліянія зырянинъ мало развивается. Застой умственныхъ способностей въ немъ развителенъ, подобно многимъ изъ азіатскихъ народовъ. Поступающіе въ школу мальчики изъ зырянъ, едва умѣющіе произнести по русски нѣсколько словъ, въ короткое время, научаются тамъ читать, писать, а особенно бойкому счисленію и разговорной рѣчи русской; что не мало говоритъ въ пользу ихъ природнаго ума, памяти и соображенія.

B. Кичинъ.

В зырянском крае*

(Размышления на краю обрыва)

Обрывистый берег, природа мрачна, печальна окрестность, ну, словомъ, — скучна.
По ложу песчаному речка стремится,

* Вологодскія губернскія вѣдомости. 1872. № 49.

Вода в ней от легкаго ветра зыбится.
 А за рекой – густолиственный лес,
 За горизонтом, для взора исчез...
 Редко здесь встретить след человека,
 Не раздается стук дровосека.
 Издревле кого эта местность кормила,
 Кого эта речка водою поила?..

*   *

Я там оставался совсем одиноким...

...   ...

Ландшафт не пригляден, печален и дик,
 И дышет угрюмостью, словно старик.
 Песок по прибрежью, мергель и глина,
 Два, три следа, лишь, по ним зырянина.
 Раздолье лесное – охотнику рай,
 Лесистым привольем богат его край.
 С винтовкой, с собакой, безстрашно, один
 В леса на добычу идет зырянин.
 Бьет он, без промаха, в голову белку,
 Да тянет из фляги хмельную горелку.
 Летом, зимою, в осеннее время,
 Порох и дробь ему – хлебное семя;
 А компас, зырянами прозванный *матка*¹,
 Дорог, как пахарю в поле лошадка.
 Встреча с медведем – рогатина в дело, –
 Идет зырянин на косматаго смело,
 И верным ударом, в разверстую пасть,
 Острым ножом норовит он попастъ.
 Другой сотоварищ – винтовкою меткой
 Уложит чудовище, с верностью редкой;
 Собака прижалась к охотнику в страхе,
 Почуяв добычу, – кровь лижет на пряхе...

Заглянешь в домашний быт зырянина –
 Видишь кроткаго в нем семьянина.
 Любит, в невзгоде, помочь он соседу,
 Любит застольную с другом беседу.
Гормога, – *чужва*² – напиток крестьянский, –
 Сусло с перцем, – кофе зырянский,
 Гостю подносит; а пиво пеннное –
 Питье зырянину издавна родное.³

¹ В редкой зырянской *керке* (избе) не встретить в почетном углу, на божнице, компаса – зырянской матки.

² Гормога-чужва – любимый напиток зырян, варится из сусла с перцем и хмелем.

³ Пиво по-зырянски – *сур*, отсюда – зыряне, суряне, или пивопийцы; последнее прозвище им дали соседи, русские, за любовь зырян к употреблению этого напитка. Есть и поговорка: «эк

Бедняк, и имеющий в средствах избыток
Держит безвыходно этот напиток.
Из ягод толченых черемухи *ляс*¹,
Зырянскую кашу, – десертом подаст.
Таков уж обычай радушных зырян,
Чтоб гость оставался и сытый, и пьян.
Натура зырянская слишком широка:
Нередко их пьянство ведет до порока.
Кто ведает склад бытовой зырянина,
Рисуется мысли иная картина:
Львиное сердце, разумная речь
Не могут вниманье собой непривлечь.
В дикой стране, в отдаленной глухи –
Проблески честной, высокой души.

* * *

Не изгладишь из памяти тех впечатлений,
Не забудешь томительных тех размышлений,
Что над умом полновластно царили
И сердцу обильное чувство дарили!
В мыслях рождалась былага картина:
Образ суроваго, дикаго Финна –
Могучаго предка туземцев-зырян.
Силу воспел его – веций баян;
Деяния мудраго Памы-шамана,
Воинственность славных Бурманта, Зыряна...
Откинутый край в снеговыя равнин!
Народ твой дождался счастливой годины:
Забыты кумиры, забыт и шаман,
Явился к нему проповедник – Стефан;
В зырянах прославил он имя Христа, –
Теперь охраняет их знамя креста!

Обрывистый берег, природа мрачна,
Печальна окрестность, ну, словом, скучна.
По ложу песчаному речка стремится,
Вода в ней от легкаго ветра зыбится;
А за рекой – густолиственный лес,
За горизонтом, для взора исчез...

B. Кичинъ

назырился», т.е. напился до неумеренности. Но это словоохотливое производство предоставляем на долю лингвистов-зырянофилов.

¹ *Ляс* – вкусная каша из ягод толченой черемухи, любимая зырянами и общеупотребительная.

Двѣ зырянскія сказки.*

Предлагаемыя благосклонному вниманію читателей двѣ зырянскія сказки^{*} остатокъ давно минувшой старины, болѣе всего замѣчательны тѣмъ, что кто, или почти никто изъ зырянъ ихъ не знаетъ, а намъ достались онѣ по наслѣдству отъ одного любителя зырянской націи. Мотивомъ одной изъ нихъ служить любовь, мотивомъ другой – стремленіе дойти вновь до утраченного идеала жизни. Разговорная, нѣсколько ироническая, форма, въ которую облечены эти народныя созданія, довольно тяжела отъ безпрестанного повторенія первыхъ вступительныхъ фразъ, что мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія и значительно уменьшаетъ интересъ самаго содержанія ихъ. Но вотъ, впрочемъ товаръ лицомъ.

1.

Чур-бёж, нылой,
Чабаной, чабаной?
Ме саё тэ мун-тэ,
Мун, мун, мун!
– Ог мун, ог мун, ог мун,
Лока тај тэнад сінмыд кырыша.
”Чур бёж нылой,
Чабаной, чабаной!
Ме саё и проч.“
– Ог мун, ог мун, ог мун!
Лока тај тэнад барјола кокыд!
”Куз туј-со муныгён мэнам
барјовтчис,
Кыз кёлода вывты воскековтогон,
Чур бёж нылой,
Чабаной и проч.”
– Ог мун, ог мун, ог мун,
Лока тај тэнад кардja коскыда!
”Мэнам вед' таја кард'ясіс,
Ыїджыд ноб нобалыгён!
Чу'r бёж, нылой,
Чабаной, и проч.”

Милая дѣвица,
Красавица. (**)
Поди за меня за мужъ,
Поди, поди, поди!
– Не пойду, не пойду, не пойду!
Ужъ очень ты пучеглазъ. (***)
”Милая дѣвица,
Красавица!
Поди за меня и проч.”
Не пойду, не пойду, не пойду!
У тебя безобразно кривыя ноги!
”Искривились они у меня отъ
долгой ходьбы,
Отъ скаканья черезъ толстяя колоды.
Милая дѣвица,
Красавица, и проч.”
– Не пойду, не пойду, не пойду!
Ужъ очень ты горбать!
”Нажил я горбъ себѣ,
Таская тяжелыя ноши!
Милая дѣвица,
Красавица и проч.”

* Вологодскія губернскія вѣдомости. 1863. № 37. В публикации сохранены особенности орфографии оригинала.

(*) “Милая дѣвица красавица” переводъ не точный словъ: чур бёж нылой, потому что неизвестно значеніе утратившихся словъ: чур и чабаной. Бёж значитъ хвостъ, слѣдовательно слово “чур” обозначало какого нибудь звѣрька или птицу. Чабаной – это ласкательное привѣтствие, въ родѣ существующаго теперь: шонды-баной, что въ буквальномъ переводѣ значитъ: личико солнышка, или солнышко ты мое!

(***) Здѣсь, по всей вѣроятности, пропускъ, потому что пучеглазый господинъ необъясняется, почему онъ сдѣлался пучеглазымъ, между тѣмъ какъ дальше онъ представляеть вполнѣ удовлетворительное объясненіе на счетъ своей горбатости, кривизны ногъ и проч.

– Ог мун, ог мун, ог мун!
Лока тај тэнад турын туызд ылын!
"Менам вед' турын туызд
Бајдöг баксан нур дорын!
Чур бöж нылöj,
Чабанöj, и проч."

– Ог мун, ог мун, ог мун!
Лока тај тэнад вала туызд ылын.

"Менам вед' вала туыс
С'ола чипсан јол' дарын
Чур бöж нылöj, и проч."

– Ог мун, ог мун, ог мун!
Лока тај тэнад керкаыд вевтöм!
"Менам вед' керкаыс
Вевтöма кыз кымёрён.
Чур бöж, нылöj, и проч."

– Ог мун, ог мун, ог мун!
Лока тај тэнад кумызд вевтöм!
"Менам вед' кумыс
Сера кымёрон вевтöма.
Чур бöж, нылöj, и проч."

– Ог мун, ог мун, ог мун!
Лока тај тэнад поскыд абу почема!
"Менам вед' поскыс
Тöлаён почема!
Чур бöж, нылöj и проч."

– Ог мун, ог мун, ог мун!
Ме вед' коркö i кула!
"Име вед' тэ дынö-же кула."

– Не пойду, не пойду, не пойду!
У тебя слишкомъ далеко ёздить за съномъ!
"Путь у меня за съномъ возлë болота,
Гдë кокаютъ куропатки!

Милая дëвица и проч."

– Не пойду, не пойду, не пойду!
Ужъ очень далеко отъ тебя за
водой ходить.

Отъ меня за водой ходить
Къ ручейку гдë рябчики посвистываютъ.
Милая дëвица и проч."

Не пойду, не пойду, не пойду!
Изба твоя со всëмъ не покрыта.
"Изба то моя
Толстымъ облакомъ покрыта.
Милая дëвица и проч."

Не пойду, не пойду, не пойду!
Клëть то твоя со всëмъ безъ крыши.
"КлëТЬ-то моя
Сëрымъ облакомъ покрыта.
Милая дëвица, и проч."

Не пойду, не пойду, не пойду!
И огороды-то у тебя со всëмъ не забраны.
"Огороды то мои
Забраны вëтромъ!
Милая дëвица, и проч."

Не пойду, не пойду, не пойду!
Вëдь я умру когда нибудь!
"Тогда и я умру возлë тебя!"

Собирая въ одно цѣлое свойство и качество этого влюбленнаго, мы находимъ, что онъ очень непредставительный господинъ: – и пучеглазъ, и горбать, и кривоногъ, и голъ, какъ соколь; однимъ словомъ бобыль, и при томъ такой бобыль, который не способенъ былъ и къ разумному труду, а бесполезно, всю жизнь свою, таскалъ на себѣ тежелая ноши и перескакивалъ череъ толстыя колоды. Не мудрено, что онъ не нажилъ себѣ ничего, но это не помѣшало ему влюбиться въ хорошенъкую дëвшушку и влюбиться сильно. Дëвшушка, разумѣется, не отвѣчала ему взаимностю, потому что сожитie съ нимъ не только не представляло бы для нея никакого удовольствiя, но было бы полно лишенiй и печали. Какъ хотите, а не весело жить подъ покровомъ толстаго облака, которое, того и смотри, прынется проливнымъ дождемъ, тонуть въ болотѣ, чтобы добыть для скота съно, ходить за водой куда-то въ лѣсъ, на ручеекъ, оглашаемый не пѣвчими птицами, а свистками рябчиковъ, имѣть поля, огороженные буйнымъ вëтромъ, да въ добавокъ быть за мужемъ за глупцомъ-уродомъ! Хорошенъкая дëвшушка достойна лучшей участi, чур бöж нылöj съ удовольствiемъ бы сочеталась узами Гименея

съ ”роемъ”, если бы, во первыхъ, онъ былъ неженатъ, а во вторыхъ, нашелъ то, чего искалъ. А кто такой былъ ”рой” и чего онъ искалъ, сие явствуетъ изъ нижеслѣдующаго.

2.

”Рoj, roj, roj,
Кытче ветлын?
Рoj, roj, roj,
Кытче мунан?”
– Волёс корсны,
”Кучем тэнад волыд?”
– Лыса-кымёса.
”Рoj, roj, roj,
Кытче ветлын? и пр.”
– Мёскёс корсны.
”Кучем тэнад мёскыд?”
– Сура мёс.
”Рoj, roj, roj,
Кытче ветлым? и пр.”
– Ыжёс корсны.
”Кучем тэнад ыжыд?”
– Німыс камбал.
”Рoj, roj, roj,
Кытче ветлым? и пр.”
– Межёс корсны.
”Кучем тэнад межыд?”
– Зарні сура.
”Рoj, roj, roj,
Кытче ветлым? и пр.”
– Порсес корсны.
”Кучем тэнад порсыд?”
– Зарни щёта.
”Рoj, roj, roj,
Кытче ветлын? и пр.”
– Понмёс корсны.
”Кучем тэнад понмыд?”
– Кача сіна.
”Рoj, roj, roj,
Кытче ветлын? и пр.”
– Петукёс корсны.
”Кучем тэнад петукид?”
– Шахмот сера.
”Рoj, roj, roj,
Кытче ветлым? и пр.”

”Рой, рой, рой,
Куда ходилъ?
Рой, рой, рой,
Куда идешь?”
– Лошадь искать.
”Какая у тебя лошадь?”
– Пятнолобая.
”Рой, рой, рой,
Куда ходилъ? и пр.”
– Корову искать.
”Какая у тебя корова?”
– Рогатая.
”Рой, рой, рой,
Куда ходилъ? и пр.”
– Овцу искать.
”Какая у тебя овца?”
– Кличка ей камбалъ (?).
”Рой, рой, рой,
Куда ходилъ? и пр.”
– Барана искать.
”Какой у тебя баранъ?”
– Золоторогой.
”Рой, рой, рой,
Куда ходилъ? и пр.”
– Свинью искать.
”Какая у тебя свинья?”
– Золотощетинная.
”Рой, рой, рой,
Куда ходилъ? и пр.”
– Собаку искать.
”Какая у тебя собака?”
– Съ сорочыми глазами.
”Рой, рой, рой,
Куда ходилъ? и пр.”
– Пѣтуха искать.
”Какой у тебя пѣтухъ?”
– Шахматносѣрый.
”Рой, рой, рой,
Куда ходилъ? и пр.”

- Тчіпанёс корсны.
- ”Кучем тэнад чіпаныд?”
- Контус сера.
- ”Рој, рој, рој,
    Кытче ветлым? и пр.”
- Бабаёс корсны.
- ”Кучем тэнад бабаыд?”
- Лока мітча, горд дубника.
- Курицу искать.
- ”Какая у тебя курица?”
- Конопляносѣрая.
- ”Рой, рой, рой,
    Куда ходиль? и пр.”
- Жену искать.
- ”Какая у тебя жена?”
- Красавица, въ красномъ сарафанѣ.

Намъ неизвѣстно, что значитъ слово: ”рой”, вышедши изъ употребленія, а потому о значеніи его мы можемъ только догадываться. Рой разскаваетъ неизвѣстному лицу о своихъ похожденіяхъ; изъ рассказа его видно, что прежде онъ жилъ въ довольствѣ и счастію, имѣль все необходимое въ крестьянскомъ быту, да въ придачу къ тому обладалъ еще красавицей женой, въ красномъ сарафанѣ, и все это довольство и счастіе куда-то исчезло, почему-то погибло. Значитъ, рой-такой же бобыль, какъ и вышеприведенный господинъ, только, вѣроятно, поумнѣе и покрасивѣе его. Слово ”рой” должно быть, означало людей бѣдныхъ, забитыхъ, угнетенныхъ, которые трудятся изъ всѣхъ силъ, чтобы обеспечить себя и уже, кажется близки къ своей цѣли, къ исполненію своихъ завѣтныхъ желаній, но близкое ихъ счастіе внезапно разрушается какимъ-то рокомъ таинственно бывшимъ и все погибаетъ. А вѣдь пріятно было-бы имѣть въ своемъ хлѣву и рогатую коровушку, (*) и золоторогаго барана, и золотощетинную свинью (**) а подъ бокомъ у себя хорошенъкую подругу жизни, ”въ красномъ сарафанѣ”. Для земнаго счастія твоего коми-вој-тыр (зырянинъ), этого пока было бы очень довольно, а потому и стремись къ сему всѣми силами своихъ крѣпкихъ мускуловъ и своихъ желѣзныхъ нервъ.

П. Кокшаров

Александр Панюков

Александр Александрович Панюков родился в 1936 году в селе Макаркерос Корткеросского района Коми АССР. Окончил историко-филологический факультет Кировского пединститута.

Историк-публицист, писатель, прозаик, журналист.

Из-за неразделённой любви

Очерк

Среди ряда причин внезапного отъезда Ивана Куратова из Усть-Сысольска одна из главных – неразделённая любовь. Любовь к дочери священника Зеленецкой Богоявления Господня церкви Иоана Петрова Попова-Корткеросского Александре Ивановне Поповой – Сандре, которая вышла (уже после отъезда) Куратова за одного из священников Яренского уезда Вологодской губернии (как этот священник стал её мужем, читатель узнает из данного очерка). Прямо скажем, если бы Александра Попова и пожелала выйти замуж за Ивана Куратова, сделать оное она никак не смогла бы. Не смогла в силу существующих законоустановлений Правительствующего Синода Русской Православной церкви, в силу установившихся к тому времени традиций, образа жизни, препятствий к тому же и родителей, как со стороны жениха, так и невесты, и естественно, Усть-Сысольского Духовенства, Усть-Сысольского Духовного Правления. И в этом очерке остановимся на личности зеленецкой Сашеньки, её брате и сестре, её родителях, родственниках. Подробно расскажем и о самом Иване Куратове. Расскажем обо всём на документальной основе. И, наконец, сопоставим, хотя бы вскользь, с рассказом об их любви, изложенным в книге Г.А. Фёдорова «Востым» («Зарница»).

I. Александра Ивановна Попова и её семья, родственники

А.И. Попова родилась в 1849 году в семье священника Зеленецкой Богоявления Господня церкви Ивана Петрова Попова-Корткеросского. В клировых ведомостях Зеленецкой церкви за 1856 год о ней и его семье значится: «Священник Иоан Петров Попов-Корткеросский Корткеросской Успенской церкви умершего

дьячка Петра Попова сын, 36 лет. В июле месяце 1842 года уволен из Вологодской Духовной Семинарии. Обучаясь в семинарии, в течение четырёх лет был письмоводителем при Семинарском Правлении. По увольнении с аттестатом второго разряда и до определения на место занимался письмоводством в Вологодском Тюремном Комитете. В ноябре месяце 1843 года вследствие своей просьбы назначен на настоящее место. В 1844 году февраля 12 дня рукоположен Преосвященным Иринархом Епископом Вологодским в дьяконы, а 13 числа того же месяца Архиепископом Иринеем произведён в священнический сан. В декабре месяце 1846 года определён Наставником в Сельское Приходское училище (сохранён стиль и орфография письма того времени – А.П.). С 1848 года занимался преподаванием катехизических поручений в Усть-Сысольском Троицком Соборе. Неоднократно был следопроизводителем по поручению Усть-Сысольского Духовного Правления. В 1852 г. по распоряжению Преосвященного Феогноста Епископа Вологодского находился в числе прочих рассматривателей зырянских сочинений профессора Санкт-Петербургской Семинарии Г.Савваитова. В 1855 году вследствие распоряжения Преосвященного Феогноста был в качестве ревизора ризницы Усть-Сысольского Троицкого Собора. Вдов. В семействе у него дочери: Александра 8 лет, Елена 7 лет, которые обучаются грамоте, и сын Николай 2-х лет» (НА РК. Ф. 230. Оп. I. Ед. хр. 271).*

Руками благочинного первого благочиния Усть-Сысольского уезда отмечено, что все члены семьи священника поведения отличного и хорошего и ни в чём предосудительном не замечены. И далее, что св. И.П. Попов «катехизис знает, проповеди ведёт исправно, в том числе, на зырянском языке».

В Клировых ведомостях церкви за 1863 год значится: «Сиротствующие: умершего св. Иоана Петрова Попова дети: Александра 16 лет, грамотная, Елена 14 лет, грамотная, Николай 9 лет, обучается в Усть-Сысольском Духовно-Приходском училище. Их отец Иоан Петров Попов с 1846–1856 гг. был сельским Наставником. И с 1846 года же до смерти, наступившей 13 марта 1860 года, был следопроизводителем противозаконных поступков Усть-Сысольского Духовенства. В последние два года до смерти ему было запрещено служить. У них имущество: дом, пристроенный к общественному дому священника, амбар, баня: а в доме посуда медная, стеклянная, оловянная, чугунная, деревянная и небольшое количество платья. Всё имущество оценено в 116 рублей 20 копеек. Опись находится у опекунов: св. Николая Вишерского и дочери умершего протоиерея Усть-Сысольского Троицкого Собора девицы Екатерины Алексеевой Казариновой, а по матери – родной тётке сиротствующих. Земли, приносящей выгоды, не имеется. Пособие от Сиротского Попечительства не получают, а получают 10 рублей в год от священника сей Зеленецкой церкви Константина Васильева Авенирова (28 лет)» (НА РК. Ф. 230. Оп. I. Ед. хр. 277).

Документ подтверждает, что сиротствующие, в том числе Александра Попова, в Зеленце не проживают. А проживает она вместе с сестрой Еленой и братом Николаем в Усть-Сысольске в доме родной тётки по матери (мать умерла в 1854 г.) Е.А. Казариновой по ул. Покровской в квартале № 24.

* Автор сохраняет правописание названий учреждений, учебных заведений, исполнительных органов в тексте очерка и во всех цитируемых автором документах согласно документам того времени.

Феоктиста Ивановна Забоева, учитель Усть-Сысольской женской Прогимназии (прогимназия находилась в 25 кв. по ул. Покровской, ныне ул. Орджоникидзе – А.П.) в своих воспоминаниях пишет об А.И. Поповой: «Когда И.Куратов жил в Усть-Сысольске, Александре было уже 19–20 лет. Она была очень *красивой и бойкой девушки*. Несмотря на своё сиротское положение, она была независимой по своему характеру и очень самостоятельной, при том *несколько грубоватой в обращении*. Казаринова за это в семье её называла «нигилисткой» и шутя грозилась выдать замуж за первого попавшегося жениха» (НА РК. Ф. 116. Ф. 6. Ф. 962).

Как видно, Ф.И. Забоева (жила она в 12 квартале на ул. Трёхсвятителей, ныне ул. Коммунистическая – А.П.) увеличивает возраст Александры Поповой, ибо в 1865 году, в год отъезда И.Куратова из Усть-Сысольска, ей было семнадцать полных лет, а не 19–20 лет, а Ивану Куратову шёл 27-й год. Иначе Куратов был старше Александры на 9 лет!

Хотя в то время девушки могли выйти замуж в 16 лет, мечта Куратова жениться на Александре Поповой была *несбыточной и не только из-за большой разницы в возрасте*, но *главным образом*, из-за существовавших в то время табу – *законоустановлений* как светской, так и духовной властей Российской Империи. Имелся указ Правительствующего Синода Русской Православной церкви «О Милосердии к ближнему» – «Клементия»-понтифициа», т.е. «милосердии первого жреца», согласно которого назначение на должности священника, дьякона обуславливалось их согласием содержать за свой счёт, за счёт своего жалования сиротствующих (в приведённых Клировых ведомостях за 1863 год значится, что священник К.В. Авениров получил должность св. Зеленецкой церкви, согласившись выделять сиротствующим детям св. И.П. Попова детям Александре, Елене и Николаю 10 руб. в год из своего жалования), вдов, вдовцов, малолетних. В других случаях назначаемый священником или дьяконом должен был согласиться жениться на сиротствующей девице или ещё молодой вдове. По смерти И.П. Попова, последовавшего марта 13 дня 1860 года, Александра и Елена Поповы подпадали под действие данного указа «Клементия»-понтифициа» – «милосердия первого жреца». А что девицы были сиротами, в Духовной Консистории было известно, ибо у них имелись списки всех священно-церковнослужителей и их семейств в всей Епархии.

Естественно, об этом хорошо знала и Александра Попова. Знала от отца, от матери, от опекунов, от духовного отца, от попечителя. Знала, так как была грамотной девицей, из церковных и богослужебных книг, публикаций в газетах. Таким образом, Александра Попова была, можно сказать, «неприкасаемой». Александра берегла и обязана была беречь себя для другого до замужества.

И Александра Попова добросовестно выполняла эти требования и по этой причине не отвечала взаимностью учителю Ивану Куратову, хотя и жила в одном доме с ним. Отказ А.И. Поповой «любить» учителя Куратова отозвался страшной болью в сердце, душе поэта Ивана Куратова, и он эту боль к любимой выразил в стихотворении «Сандра, съёлёмшёй» («Сандра, сердце моё»):

«Сандра, съёлёмшёй!
Съёкыд менам висьём,

Быд лы разъёом, торъя,
 Куйла, кыдзи кисъём.
 Сандра, съёлёмшёй,
 Дёзмёді и тэнö:
 Съёкыд онi-й тэныд
 Мусавнытö менö».

В стихотворении ясно слышна тяжёлая боль о неразделённой любви. Иван и Сандра нравятся друг другу, но они не могут, *не имеют право любить друг друга*, ибо между ними *непреодолимая преграда* – Табу Синода Православной церкви, подкреплённая волею родителей опекунов, попечителей их духовных отцов и всего духовенства.

Конечно, неразделённая любовь, хотя и была главной, но не единственной причиной отъезда Куратова из Усть-Сысольска.

II. Иван Алексеевич Куратов, его родственники и окружение

В июле 1860 года Иван Куратов заканчивает Вологодскую Духовную Семинарию с аттестатом первого разряда, в коем значится: «Объявитель сего Вологодской Семинарии воспитанник Иван Куратов, имеющий от роду 20 лет (фактически ему 21 год, ведь родился он в 1839 году, 6/19 июля – А.П.) поступил в семинарию в сентябре 1854 года, обучался в оной при способностях очень хороших и прилежании очень ревностном (по всем предметам хорошо, очень хорошо и весьма хорошо). Поведения он отлично хорошего. Содержался на полном казённом коште. По окончании семинарского курса в июле 1860 года правлением Вологодской Семинарии с утверждения Его преосвященства причислен к первому разряду воспитанников семинарии со званием студента и уволен в Вологодское Епархиальное ведомство, в засвидетельствование чего и дан ему, Куратову, сей Аттестат из Правления Вологодской Семинарии за надлежащим подписом и приложением казённой печати» (Вологодск. обл. архив. Ф. 466).

Но ещё до получения аттестата он подаёт прошение с просьбой разрешить ему отправиться в Москву держать экзамен для поступления в Московскую Духовную академию в качестве волонтёра. Такое же прошение подаёт его сокурсник Митрофан Кокшаров. 18 июля 1860 года их прошения рассмотрены на заседании Правления Духовной Семинарии и определено: «Поелику воспитанники М. Кокшаров и Иван Куратов оказали успехи весьма хорошие, и оба они поведения отлично хорошего, то дозволить им отправиться в Московскую Духовную академию в качестве волонтёров на предварительные испытания, и когда они в Правление внесут указанное количество денег, именно по 34 руб. 28 коп. на предварительное образование, тогда выдать им требующиеся для поступления в Академию документы» (Вологодск. обл. архив. Ф. 466).

9 августа 1860 года И. Куратов получает проездной билет в Москву: «Предъявитель сего Вологодскую Духовную Семинарию окончивший студент Иван Куратов, Правлением Вологодской Духовной Семинарии уволенный на предварительные испытания для поступления в Московскую Духовную академию, следует к

месту своего назначения в Троицко-Сергиеву Лавру, Московской губернии» (Вологодск. обл. архив. Ф. 466).

Приехав в Москву в августе 1860 года, он здесь пробыл до марта 1861 года. В конце марта 1861 года возвращается в Вологду и подаёт прошение о назначении его учителем. (Заметим, каких либо документов, подтверждающих его учёбу в Духовной академии, не обнаружено. Он сам нигде и никогда об этом периоде времени не упоминает. М.Кокшаров же значится в списках академии, и у него имеется личное дело – А.П.). Его заявление рассмотрено на заседании Правления 1 апреля 1861 года: «Докладывано: прошение студента Ивана Куратова, окончившего поприще наук в первом классе высшего отделения Вологодской Духовной Семинарии под № 9 в июле минувшего 1860 года, об определении его на вакансию учителя первого класса Усть-Сысольского Духовно-Приходского Училища, каковая должность состоит вакантною с марта 1861 года. По журналу Правления от 27 марта 1861 г. предположено было для замещения сей должности иметь в виду студента Воронцова, как природного зырянина, если он сам пожелает: но ни Воронцов, ни прочие студенты, просившие об определении на вакансию учителя причетнического класса, не пожелали поступить на службу в отдалённое Усть-Сысольское Духовно-Приходское Училище. Студент И.Куратов, просящий ныне об определении на вакансию учителя первого класса Усть-Сысольского Духовно-Приходского Училища, так же природный зырянин и может быть весьма полезен при первоначальном обучении детей зырянского края» (Вологодск. обл. архив. Ф. 466).

Апреля третьего дня 1861 года он был назначен на должность учителя первого класса с жалованием 100 рублей в год. Сто рублей в то время весьма значительная сумма: в Усть-Сысольске цены 1861 года были таковы: фунт мяса свежего (фунт = 409 граммам – А.П.) стоил 4 коп., фунт масла топлёного – 20 коп., фунт муки – 20 коп., за 1–1,5 коп. можно было побывать в трактире. Прибыв в Усть-Сысольск, Куратов поселяется на жительство в 24 м квартале по ул. Покровской в двухэтажном доме Екатерины Казариновой, дочери умершего протоиерея Троицкого Собора Алексея Васильевича Казаринова (ныне эта улица им. Орджоникидзе – А.П.). В этом доме проживают сироты, дети умершего священника Зеленецкой Богоявленской церкви Иоана Петрова Попова: Александра 14 лет, Елена 12 лет, Николай 7 лет.

Обращаясь с прошением, И.Куратов знал, что смотрителем Духовно-Приходского училища является состоящий в родстве с его братом Николаем, а следовательно и с ним, протоиерей Троицкого Собора Вениифатий Георгиев Кокшаров, ибо его родная сестра Матрёна Георгиевна Кокшарова была женой дьячка Койгородской Спасской церкви Николая Алексеевича Куратова. Смотритель училища Кокшаров и учитель Куратов были сватами. Они оба хорошо знали резкий, порой неуёмный, бескомпромиссный характер дьячка Куратова. И вскоре это обстоятельство проявилось воочию. Оказалось, что дьячок Н.Куратов вёл нетрезвую жизнь, не выполнял требования настоятеля церкви, грубил своему Благочинному священнику Ношульской Стефановской церкви И.Покровскому. В июле 1861 года Н.Куратов был вызван в Усть-Сысольское Духовное Правление и в присутствии члена Правления В.Г. Кокшарова ему был зачитан указ о направлении его на чёрные труды сроком на один месяц в Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь (НА РК. Ф. 230. Оп. I. Ед. хр. 278).

Квартирная хозяйка Екатерина Казаринова, девица 38 лет, родилась в Яренске в 1822 году, когда его отец был священником Яренского Спасо-Преображенского Собора, в документах Усть-Сысольского Троицкого Собора характеризуется: «поведения честного и весьма хорошего», вела строгий, нравственный образ жизни, что требовала как от постоянльца Куратова, так и сиротствующих детей родной сестры – Александры, Елены и Николая. Да и обстановка в доме, видимо, была не простая. Отец сиротствующих, священник И.П. Попов, в последние два года жизни был под следствием и полтора года под судом. Дело, по которому он обвинялся, не было закончено, и по смерти его Е.Казаринову и сирот-детей не раз приглашали для дачи показаний в Духовное Правление. (Размещалось в соседнем 25 квартале по ул. Покровской-Орджоникидзе – А.П.).

Отец Екатерины Казариновой, Алексей Казаринов, с 1843 года протоиерей Усть-Сысольского Троицкого Собора, умер в 1860 году, и в том же году и почти одновременно умер Иоан Петров Попов, бывший священник Зеленецкой Богоявленской церкви. Вследствие этого в доме Казариновой ещё не забыли об этих горестных днях. В целом, можно сказать: в доме Е.Казариновой обстановка была *неамурной, не до любви было!*

Пребывание учителя Куратова в этом доме скрашивали лишь его работа над стихами и бросающаяся красота Александры Поповой – зеленецкой Сашеньки, и её сестры Елены. Радость приносили ему и газеты, и особенно «Вологодские губернские ведомости», где довольно часто сообщали об успехах в церковном служении братьев Николая и Афанасия. Николай, несмотря на неуживчивый характер в светских делах, слыл хорошим человеком. О нём писали: «Дьячок Койгородской Спасской церкви Николай Алексеевич Куратов (дьячок – писарь в церкви – А.П.) в 1842–1863 гг. исправлял должность оспопрививателя, за что ему в 1860 года была объявлена благодарность Епархиального Начальства. В 1853 года с дозволения Палаты Госимуществ Вологодской Губернии открыл при Койгородской Спасской церкви Училище, где обучал мальчиков грамоте безвозмездно в течение двух лет. В 1860 года вновь открыл школу и обучал до октября 1863 года» (НА РК. Ф. 230. Оп. I. Ед. хр. 278 (Вологодск. губ. ведом. 1861–1865 гг.).

В Вологодской Епархии известны и хорошие деяния священника Межадорской Введения во храм Пресвятой Богородицы церкви Афанасия Алексеевича Куратова: «В 1856 года А.А.Куратов награждён наперстным бронзовым крестом в память о войне 1853–1856 гг. В 1860 году получил благодарность от Императорского Казанского экономического общества за составление описания сельской промышленности народного образования и нравственности зырян. В 1860 году открыл училище в своем приходе для поселенских детей, где обучал безвозмездно, приобретая все училищные принадлежности, учебники, бумагу за свой счёт, за что получил благодарность от Епархиального Начальства» (Вол. губ. вед. 1861–1864 гг., НА РК. Ф. 230. Оп. I. Ед. хр. 281).

Хорошие вести и о службе Вонифатия Алексеевича Куратова: «Он не только добросовестно выполняет священнические обязанности, но и проводит следствие по противозаконным действиям духовенства по поручению Усть-Сысольского Духовного Правления».

А ему, учителю Куратову, гордиться нечем. О нём в газетах и указах Духовной

Консистории не пишут. Отправил было он свои стихи в губернские ведомости, но ещё не опубликовали. А тут ещё (в 1863 г. – А.П.) ввели свободную торговлю вином. «Всякий может купить вино, где пожелает. Определённой цены вину не назначается. Она зависит от цены на хлеб и расходов на вкурук вина и от договорённости продавца и покупателя. Двенадцатилитровое ведро 38 градусной водки в Усть-Сысольске продают по 3 руб. 50 коп., трёхпробное (коньяк) по 4 руб. 50 копеек. Спиртным торгуют во всех лавках, в трактирах и обычательских станциях, на рынке, что вблизи Троицкого Собора, под звонницей колокольней которого в двух комнатах размещается Духовно-Приходское училище. В стенах собора и колокольни, комнат училища – большие трещины, через которые дует ветер, проникает шум. Везде, и в том числе и у Собора, пьяные. Нищие на паперти церкви просят милостыню и получив, тут же пропиваются. Спился и учитель пения Духовно-Приходского училища Заварин, который за нетрезвость был отстранён от должности пономаря в Троицкой церкви. И.Куратов знает, что и в Зеленце, на родине Александры Поповой, спились. И знает об этом не понаслышке, ибо в его классе обучаются сын Ювиналий (12 лет) Николая Яковлевича Трубачева, пономаря Зеленецкой церкви, сын Михаил (14 лет) священника Константина Васильева Авенирова. Спившиеся пономарь Трубачев, дьякон Попов «за нетрезвость и разные поступки» для монастырского послушания и на чёрные труды в 1863 году были направлены: первый – в Ульяновский Троицко-Стефановский, а второй – в Устюжский Михаило-Архангельский монастыри (НА РК. Ф. 230. Ед. хр. 271 и 277).

В общей обстановке нетрезвости приучается к питию и учитель Иван Куратов. И вот уже 1864 год. «За двадцатипятилетнее служение законоучителем в уездном Училище Протоиерей В.Г. Кокшаров награждён денежной премией в сумме 200 рублей и за успехи в народном Просвещении февраля 3-го дня 1864 года награждён орденом Св.Анны III степени. 24 ноября 1864 года Епархиальным Начальством вынесена благодарность священнику Межадорской Введенской церкви Афанасию Алексеевичу Куратову «За похвальное усердие в пользу зырян, в отношении перевода с русского языка на зырянский богослужебных книг». Газеты сообщают, что профессор Санкт-Петербургской Семинарии П.И. Савваитов продолжает работу над грамматикой зырянского языка, дополнение к коему написал Василий Алексеевич Куратов ещё в 1850 года, будучи тогда священником Иоано-Предтечинской церкви в Никольском уезде Вологодской губернии (ныне уже умершему – А.П.).

Над сочинениями для П.Савваитова работал и священник Зеленецкой церкви Иоанн Петров Попов – отец Александры Поповой. Работал по поручению начальства, как один из хорошо грамотных священников. Учитель Куратов (согласно его стихам – А.П. и воспоминаниям Ф.И. Забоевой – А.П.) влюблён в дочку этого священника Александру. Но Куратов знает, что Александра Попова ему никогда не достанется, что она никогда с ним не разделит любовь. Учитель Куратов знает, что девушка, сирота, будет отдана одному из молодых семинаристов при назначении его священником – он обязуется жениться на ней. Их любовь, их брак не допустит официальная церковь, а также и его, Ивана, мать Екатерина Ивановна, с 1854 года проживающая в Межадоре у сына священника Афанасия Куратова и довольно часто приезжающая в Усть-Сысольск (В 1864 г.

ей было 64 года – А.П.). Не допустит их брак, их любовь опекунша девица Екатерина Казаринова – особа весьма строгих нравов, не допустит и другой опекун – священник Николай Васильевич Вишерский. Ни в коем случае не допустит этого и смотритель Училища В.Г. Кокшаров. Смотритель Училища недоволен работой Куратова, его поведением. Он не аттестует его, о чём рапортует Епархиальному Начальству. В этой обстановке учитель Куратов декабря 29 дня 1864 года подаёт прошение в Вологодскую Духовную Консисторию, где он просит освободить его от должности учителя и определить в аудиторы по военному ведомству, «если они найдут меня достойным этого». Иван Куратов получает из Духовной Семинарии положительный отзыв, что «ни в чём предосудительном учитель Иван Куратов замечен не был». На основании оного Правление Духовной Семинарии выносит решение об освобождении с должности учителя Усть-Сысольского Духовно-Приходского училища. «Свой отзыв отсылает в штаб Казанского военного округа на рассмотрение по существу». Но идут недели, месяцы 1865 года. Приказ о назначении в школу полковых аудиторов не поступает. Куратов нервничает, выпивает. Подталкивает к этому и поведение брата, Николая Куратова. Весной 1865 года он снова приглашён в Усть-Сысольское Духовное Правление, где за предосудительное поведение в присутствии В.Кокшарова ему сделано внушение, и за нетрезвую жизнь и неисправности по службе оштрафован сотнями поклонами с отдаием под особый надзор благочинного» (НА РК. Ф. 230. Оп. I. Ед. хр. 278).

Иван Куратов, видимо, с таким решением не согласен, он выпивает, ссорится. Его не раз вызывают в Полицейское Управление. Подтверждением коего является письмо уездного исправника Михаила Иванова Никитина Полицейскому надзирателю г.Усть-Сысольска Левицкому от 2/06/1865 г. за № 4095, где значится: «Господину Полицейскому надзирателю г.Усть-Сысольска. Представленные Вами при этом от 2/06 за № 391 деньги 5 копеек мировых пошлин, взысканных с дьячка Александра Павлушкина по делу о буйных поступках учителя Куратова в полицейском управлении, получены и на приход по книге сумм, казне принадлежащих, в реестре под № 52 записаны. О чём Полицейское Управление даёт Вам знать. Уездный исправник М.Никитин. Столоначальник Попов» (НА РК. Ф. 6. Оп. I. Ед. хр. 197).

11 июля 1865 года последовал приказ о назначении Куратова на службу в штаб Казанского военного округа для приготовления его в аудиторы. Незадолго до отъезда он написал стихотворение, в котором рассказал о своих переживаниях:

«Кто имеет лоб свой уже,
Чем Левицкий, дух – подлей?
Кто растёт его не хуже,
Кто не лучше бьёт людей?

Ты не гнул воловьей шеи
Перед наукой и умом,
Строил им всегда траншеи,
Скотским их давил ярмом» (1865 г., И.Куратов).

Поздней осенью 1865 года Куратов уезжает из Усть-Сысольска и в Казань прибывает 20 октября 1865 года. 30 августа 1866 года он назначается аудитором в седьмой Западно-Сибирский линейный батальон, находящийся в г. Семипалатинске. Находясь вдали от родины он не забывает Александру Попову. В письмах к Е.А. Казариновой спрашивает о её судьбе. Узнав, что она замужем за священником, пишет стихотворение «Күлём водзылын» («Перед смертью»):

«Гүё кё пыра,
Сэтчё эн во –
Ме сэн ог ло!
Водзджык, чем пыра,
Гуам ме быра...
Эн тэ видз пес –
Эн сувтёд крест...»

Здесь Куратов убеждает свою любимую Александру, Кассандру не ходить на его могилу, ибо там будет лишь его тленный прах. И крест ему ставить не надо – лучше уж гореть этому дереву в огне.

Иван Куратов умер от чахотки 17 ноября (по старому стилю) 1875 года в г. Верном (г. Алма-Ата). О последних днях жизни поэта его друг В.И. Чистопольский писал: «Он продолжительное время страдал чахоткой. В день смерти за обедом пошла у него кровь из носа и рта. Я побежал в город искать врача, но, к сожалению, ни одного врача не смог найти. От сильного кровотечения он совсем обессилел и ночью помер» (И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества, Сыктывкар, 1959 г.).

III. Александра, Елена и Николай Поповы

В то время, когда И.Куратов ехал к месту назначения в Семипалатинск, Его Преосвященство Павел, Епископ Вологодский и Устюжский определил и рукоположил во священники Подъельской Троицкой церкви Иоана Иоанова Покровского 23-х лет, окончившего Вологодскую Духовную Семинарию, сына умершего священника Ношульской Стефановской церкви. При поступлении на место Иоан Покровский обязался епископу уплачивать вдове умершего священника Подъельской церкви Наталии Бобровой и её дочери из своего жалования по 24 рубля серебром в год и выделять по десять пудов зернового хлеба, и кроме того, обещался жениться на сиротствующей девице из духовного звания. В документе об этом значится.

«Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Вологодской Духовной Консистории (сохраняется правописание документа – А.П.) Усть-Сысольскому Духовному Правлению. Его Преосвященство Павел Епископ Вологодский и Устюжский на прошении окончившего полное поприще учения во втором разряде воспитанник Вологодской Духовной Семинарии Иван Иванов Покровский об определении его священником Усть-Сысольского уезда Подъельской Троицкой церкви со взятием в замужество дочери умершего священника того

же уезда Зеленецкой Богоявления Господня церкви девицы Елены Ивановой Поповой на нижеследующих условиях, а именно, вдовую попадью, жену бывшего священника сей же Подъельской церкви, Наталии Бобровой, проживающей в том же приходе, обеспечивать содержанием до смерти её по 24 рубля серебром и десятью пудами зерна ежегодно, резолюцию поставил следующую: «окончившего полное поприще наук Семинарского учения второго разряда Ивана Покровского, сына умершего священника Ношульской Стефановской церкви, 23-х лет, на основании прописанных в сем прошении условиях определить священником подъельской троицкой церкви. Консистории снабдить его, Покровского, билетом на вступление в брак с дочерью умершего священника зеленецкой богоявления господня церкви Ивана Петрова Попова-Корткеросского, девице Елене Поповой, и для объявления кому следует Усть-Сысольскому Духовному Правлению послать Указ, при котором препроводить билет воспитаннику Семинарии Ивану Покровскому на вступление в брак с прописанной священнической дочерью девицей Еленою Поповой, для выдачи ему под расписку, которую выслать в Консисторию. Октября 14 дня 1866 г., г. Вологда. Протоиерей Павел Прозоровский, секретарь Иван Трунев, столонаачальник Евграф Чурин» (НА РК. Ф. 230. Оп. I. Ед. хр. 264).

В 1867 году И.Покровский повенчался законным браком с девицей духовного звания сиротой Еленой Ивановой Поповой 18 лет. В декабре месяце 1867 году их сыну Михаилу был один месяц от роду (НА РК. Ф. 230. Оп. I. Ед. хр. 278). По венчании с Еленой священник Покровский был назначен опекуном сиротствующих Александры и Николая Поповых. В Клировых ведомостях Подъельской церкви Елена характеризуется «поведения добронравного и скромного», а Иоан Покровский как «скромного и хорошего. Под судом и следствием не состоявшего».

В то время, когда Иван Куратов приказом командующего войсками Семипалатинской области от 15 ноября 1867 года был переведён в десятый Туркестанский линейный батальон в г. Верный, его возлюбленная Александра Попова с опекуном Екатериной Казариновой (напомним, она родилась в 1822 г. в г. Яренске – А.П.) ехали в г. Яренск, чтобы навестить своего брата Николая, обучавшегося в Яренском Духовном училище. А в 1868 г. она повенчалась в Яренском Спасо-Преображенском Соборе с вновь назначенным священником Василием Алексеевым Тарабукиным 21 года. В Клировых ведомостях Яренского Спасо-Преображенского собора о нём и Александре значится: «Священник Василий Алексеев Тарабукин, 22 лет, сын умершего пономаря Локчимской Богородской церкви Усть-Сысольского уезда Алексея Тарабукина. По окончании Вологодской Духовной Семинарии в 1868 году с attestatом первого разряда июля 8 дня того же года рукоположен во священники сего Собора епископом Павлом. Того же 1868 года октября 3 дня определён учителем Яренского духовного училища по классу греческого языка, а 17 апреля 1869 года определён членом Правления Яренского духовного училища со стороны учителей – 22 лет. Жена Александра Иванова, дочь умершего священника Зеленецкой церкви Усть-Сысольского уезда Иоана Петрова Попова – 20 лет. Дочь их Елена – 8 месяцев. Священник поведения весьма хорошего, никому в соборе в родстве не состоит, судим и штрафован не был, Александра – поведения честного, судима и штрафована не была» (НА РК. Ф. 231. Оп. I. Ед. хр. 58).

Согласно Клировых ведомостей за 1871 год священник Тарабукин по его просьбе от обязанностей приходского священника освобождён, назначен сверхштатным священником того же Спасо-Преображенского собора. Ему 23 года, Александре – 21. Он поведения «очень хорошего, судим и штрафован не был», она – «поведения честного и хорошего». Судима и штрафована не была. У них дочь Александра, коей от роду один месяц. Елена – их дочь не значится, видимо, умерла (НА РК. Ф. 231. Оп. I. Ед. хр. 59. 1871 г.).

* * *

В романе «Востым» (Сыктывкар, 1981 во, 379–380 лист бокъяс) об Александре и его супруге Г.А. Фёдоров пишет следующее: «...Сандра радейттöг ни нинём петис дзик тöдтöм морт сайё, коди бурсаын велöдчигас на велалöма юыштавны. Выль поп гозъялы сетисны Эжва катыдса ылi сиктись приход. Сэнi найё олисны некымын во. Сандралён чужис ныв. Но мёда-мёдös радейттöг гётрасьбмныс налён эз вай поп гозъялы шуд да гаж. Поп помся юис, весиг код юрён сылодис кулёма-ясös, пыртiгён кёдзыд ваё дзумийöдлiс кагаясös... Прихожана эз кутны сiёös радейтны... Асыныс поп гозъя дугдывтöг пинясисны, зыксисны да косясисны. Сэсся юсь поп друг кувсис. Прихожана гусьён вашкёдчисны, мый быттьö Сандра сетёма сылы юны кутшöмкö зелля... Дёваён кольём Сандра эз кольчы сэтчö овны, локтiс вежанысыс дорö Сыктывкарö. Танi, карын олiгён, юыштавны кутiс. Чужёмыс мисьтöм гёрд лои, гёлöсис чирис. Юас да, лёзь юрсиа, пукалö... Казаринова да дёваён кольём Сандра кутисны овны понма-каня моз... Локтiс лун, и Сандра сьёлыштiс став вылас, ачыс мунис кытчёкё Вёлögдалань...».

Но подобное повествование не соответствует исторической действительности, в чём, думаю, убедится читатель, прочитав мой очерк, написанный на документальной основе.

И это действительно так, ибо в Клировых ведомостях и священник Василий Тарабукин и жена его Александра Ивановна характеризуются «поведения честного, судимы и штрафованы не были». А судили и штрафовали церковно-священнослужителей, членов их семей за безнравственный, недостойный, нетрезвый образ жизни. Нравственность для русской Православной церкви и для всего государства Российского считалась одной из основ благополучия общества, основой во всех отраслях жизни.

И ещё более чем недостоверно Г.Фёдоров в «Востыме» показывает образ брата И.Куратова Афанасия – священника Межадорской церкви. Показывает совершенно незаслуженно. Он пишет: «...Висьталёны гортсаясыс, коркё петёма вичкосыс, кадилёён кутёма сюръя кадитны. Стёржыс юалёма: «Отеч Опонасей, мый нё вёчан?»

– Этайё лукавойсö по православной вераё пырта. Со ёд мый кутiс керсыны Опонасейным! Ладнö, некод бокёвой абу вёлöма сэки.

– Код юра вёлöма али мый? – вокыс выlö шензьёмён юалiс Иван Алексеевич.

– Абу, дзик садь вёлöма. Ме кутi сылысъ юасьны да, ог по нинём тёд. Лукавойсö пё, буракё, синмös пöртёма... А мёдысь, висьталёны, гортсыйс петёма да юасьё:

– Коні нё тані Опонасейыс олёр? – Асьсö, вёлём, корсъё, со ёд мый керсъё! – ыджаыда ышловзис мам.

И ешё гортсаяс висъталёны татшёмтор: «Йойявлы кутёма, да игналомаёсъ чуланö. А сiйё чаж косялёма юрлöс, чулан öшинь пыр гёнсö коялö да горзö: «Сьёла гён пуркёда! Сьёла гён пуркёда». Мам чёв олыштис да содтис: «Пола, попаломсыыс вештасны йойялёмсыыс. Кытчö зэв ыджаыд семьяён воштысяс сэки» (174 л.б.). Как видно, Г.Фёдоров показывает священника А.А. Курагова чуть ли не умалишённым, ни к чему, кроме зла, не способным. Но документы тех лет утверждают совершенно противоположное: Афанасий Курагов в своём приходе открыл училище и обучал детей за свой счёт, составил описание промышленности, народного образования, нравственности зырян для Казанского экономического общества, за что получил благодарность Епархиального начальства. И ещё: у Г.Фёдорова в «Востыме», а он показывает 1861–1865 годы, уже действуют земельные учреждения, которые, как известно, начали действовать спустя пять лет после отъезда И.Курагова из Усть-Сысольска. И таковых недостоверностей в романе множество. Говорят, что люди, в конечном счёте, историю будут знатьискажённую, недостоверную историю. Примером тому роман Г.Фёдорова «Востым».

Геннадий Тираспольский

Геннадий Исаакович Тираспольский родился в г. Баку в семье военнослужащего. Окончил филологический факультет Ростовского университета (1970 г.). Доктор филологических наук, профессор. Работал в Ростовском (1970–72 гг.) и Сыктывкарском (1972–80 гг.) университетах, в Коми педагогическом институте (1980–85 гг.), в Высшей педагогической школе в Ополе (Польша; 1985–87 гг.). Преподаёт в Коми педагогическом институте (с 1987 г.).

Автор книг: «И.А. Куратов – языковед», 1980; «Над рукописями И.А. Куратова. Поиски и находки филолога», 1985; перевёл и издал со своими предисловием и комментариями кн. Епифания Премудрого «Жизнь Стефана Пермского», 1993; «Эхо пушкинской лиры», 1999; «Беседы с палачом. Казни, пытки и суровые наказания в Древнем Риме», 2003.

Уроки прошлого и мысли о грядущем

(К 170-летию И.А. Куратова)

Настоящая статья, как видно из её подзаголовка, юбилейная, или, пользуясь шутейным выражением, «датская». В подобных случаях принято более или менее подробно излагать биографию юбиляра, останавливаясь на самых поучительных для нас обстоятельствах и фигурах его жизнеописания, и рассуждать об исторических и нравственных уроках, которые не худо бы извлечь из таких событий и персонажей. Нередко при этом ведётся полемика с недоброжелателями и хулителями юбиляра, подчёркиваются и укрупняются его положительные черты, а отрицательные либо не упоминаются вовсе, либо рассматриваются как похвальное продолжение его достоинств. Если такая статья исходит из академических кругов, она обычно сопровождается более или менее обширной библиографией с непрерывным цитированием учёных статей и монографий.

Позволю себе отступить от этой традиции и предложить любезным читателям некоторые собственные наблюдения и размышления на тему юбилея Ивана Алексеевича Куратова (1839–1875), выдающегося коми поэта, даровитого языковеда-самоучки, неустанного просветителя, яркого общественного деятеля. Упомянутое отступление от традиции простительно в первую очередь потому, что жизненный и творческий путь Куратова усилиями учёных изучен довольно подробно и изложен в многочисленных трудах, первое место среди которых занимает книга А.Н. Фёдоровой «И.А. Куратов» (2-е изд. – Сыктывкар, 1975), ставшая, к сожалению, библиографической редкостью (попутно с удовлетворением отмечу, что биографическая статья о Куратове представлена на 10 языках, в том числе на комизырянском, в самой популярной Интернет-энциклопедии – «Википедии», а также кратко дана по-русски в широко известной электронной «Энциклопедии Кирил-

ла и Мефодия»). При этом, как и в традиционной юбилейной статье, я позволю себе порассуждать о значении уроков прошлого для наших дней.

За минувшие 170 лет общественно-политическая и интеллектуальная жизнь, нравственный уклад, экономическая среда и технический быт России преобразились настолько, что возникает естественный вопрос: «Чего полезного и поучительного мы можем почерпнуть из того отдалённого прошлого, в котором выпало жить и работать Куратову? Не является ли это минувшее чисто мемориальной величиной и не заслуживает ли оно лишь звания музейного экспоната?». Чтобы рассеять подобные сомнения, следует учесть, что исторический процесс не слоёный пирог, где каждый слой наглядно очерчен и выделен, – прошлое всегда так или иначе «перетекает» в настоящее, сливаясь с ним в нерасторжимую смесь, составные части которой лишь условно и при немалом исследовательском усилии могут быть отделены один от другого. В этом отношении мы Куратову не исторические чужаки, а вполне соседи, и не грех присмотреться нам к соседской жизни и, быть может, позаимствовать из неё что-либо для себя пригодное.

Общеизвестно, что всю свою сознательную жизнь Куратов не покладая рук занимался стихотворным и исследовательским творчеством, причём без твёрдой надежды достойно и в полном объёме опубликовать свои сочинения. Пять стихотворений и два лингвистических труда, один из которых рецензия – вот скучный перечень его прижизненных публикаций, помещённых не в солидных столичных изданиях, а в захолустной газете «Вологодские губернские ведомости» (при этом публикация его стихотворений более чем скромно подписана буквой «К»). Если не авторское честолюбие и жажда обогащения, то что же порождало творческий порыв Куратова?

При попытке ответить на этот вопрос мы вынужденно затрагиваем такую громадную тему, как роль художественной литературы в общественно-политической жизни общества, или, пользуясь терминологическим штампом, «роль поэта и поэзии». Поскольку обсуждение этой темы не составляет цели моей статьи, выскажусь по этому поводу тезисно. До появления электронно-оптических СМИ (радио, телевидения и Интернета) художественная литература (а вместе с ней и литературная критика) служила важнейшей формой общественного сознания, а в России, за отсутствием легальных неправительственных политических сил, – ещё и своего рода оппозиционной политической партией, общественной трибуной, отрадным оазисом вольнолюбивой мысли. Для нонконформиста Куратова художественная литература в этом качестве была естественным местом. Не подлежит сомнению и то, что в художественной литературе (и в научных изысканиях) Куратов обоснованно усматривал также важнейшее средство саморефлексии и духовной самореализации. Последнее было особенно важно в условиях отдалённой провинциальной жизни с её остродефицитной интеллектуальной средой. Утешало лишь то, что волей случая в Усть-Сысольске (а впоследствии и в Верном, ныне Алма-Ата) оказались ссыльные поляки с их утончённой европейской образованностью, изысканными манерами и вольнолюбивым нравом. Вряд ли случайно, что автором единственного – и превосходного – некролога о Куратове оказался не кто иной, как его близкий друг поляк Лев (Леон) Самарин... Попутно замечу, что автор настоящих строк ещё в советское время обращался в Центральный государственный архив Польши с просьбой отыскать документальные мате-

риалы о Самарине, но получил огорчительный и полуукоризненный ответ о том, что усиленные поиски таких материалов оказались тщетными. Не теряю, однако, надежды на то, что в архивах Польши или в других архивохранилищах (прежде всего казахстанских) искомые материалы всё же отыщутся, и обращаюсь к любезным читателям журнала с просьбой при возможности такие материалы поискать и обнародовать. Не исключаю также, что в архивах Зарубежья могли отложитьсь и письма Куратова, которых, по моим подсчётам, было несколько сотен и архивный поиск которых – вовсе не безнадёжное дело. Полезно учесть, что эпистолярный жанр, который в наши дни почти утрачен, во времена Куратова служил едва ли не самым популярным средством самовыражения творческой личности (вспомним в этой связи «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, чей двухсотлетний юбилей по странному стечению обстоятельств мы также отмечаем в текущем году). Напрашивается мысль, что и художественное творчество Куратова, и его лингвистические труды – это в определённом смысле письма, но послания не современникам, а письма в будущее, к нам, обитателям электронно-ядерного мира, а коли так, публикация их, по возможному рассуждению Куратова, не столь уж и обязательна... Вполне осознаю манерность и меланхоличность этого предположения, но всё же не отказываюсь поделиться им с любезными читателями, поскольку жанр эссе к подобной вольности снисходителен.

В свете высказанного предположения по-новому выглядит и то обстоятельство, что подавляющее большинство поэтических произведений Куратова написано на коми языке. Значит, Куратов был уверен, что читатели его стихотворных посланий не утратят в будущем свой родной язык, отдалённая судьба которого во времена Куратова представлялась отнюдь не радужной.

Здесь нам не избежать рассуждений о перспективах национальных языков и культур в условиях ширящейся глобализации. По поводу этого явления высказывались и высказываются различные, порой прямо противоположные суждения, и немудрено: процесс глобализации – явление остро противоречивое, далеко не исследованное и многими людьми воспринимаемое как результат заговора узкой и хитро законспирированной группы супостатов, алчно мечтающих заграбастать сырьевые, экономические и финансовые ресурсы человечества. Оставляя в стороне эту гротескно-сказочную страшилку, подчеркну, что опасения антиглобалистов по поводу опасности стягивания локальных культур и языков и вытеснения их более широкими по распространённости языками и культурами не беспочвенны: именно так случилось, например, в условиях экспансии Древнего Рима на страны Западной Европы и средиземноморского бассейна (ввиду чего так называемую романизацию можно квалифицировать как исторически первый и, со всеми издержками и утратами, успешный опыт глобализации). Неизбежен резонный вопрос: если мы признаём глобализацию объективно неизбежным процессом, то, во-первых, какую пользу можно извлечь из неё и, во-вторых, как избежать сопутствующих ей отрицательных явлений и утрат или, по крайней мере, свести их к минимуму?

Пусть это и покажется юбилейным реверансом, но отважусь заявить, что в общих чертах ответ на этот вопрос мы найдём в творческом опыте Куратова. Активное двуязычие, поликультурное мироощущение, здравый патриотизм в сочетании с просвящённым интернационализмом – вот путь, который выведет нас из

терний глобализации к достойному будущему. И обратно: местечковая замкнутость, тупая самовлюблённость и лютая ненависть к инородцам вымостят позорную тропу в зловонную трясину горестной отсталости, мучительного распада и бесславной погибели. Куратов не знал и не мог знать о наших сомнениях и терзаниях по поводу глобализации, но он верно почувял, что коми-русское двуязычие и российско-зырянское двоемирие спасут его, деревенского коми паренька от духовного оскудения в тёжкой глупши и выведут туда, где угадывалось движение к творческому размышлению и созиданию.

Творческие усилия Куратова особенно притягательны потому, что они были направлены не только на внешнюю часть его жизни, но и на самого себя. Куратов – яркий образец самосозидающей личности, без устали ставившей над собой дерзкие опыты по выявлению своей духовной доминанты. Яренск, Вологда, Усть-Сысольск, Москва, Казань, Семипалатинск, Верный (Алма-Ата) – вот обширная география путешествий, которые довелось совершить ему за недолгую тридцатишестилетнюю жизнь. На ум приходит сравнение с путешествиями М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, «бродивших по свету» (слегка перефразируя стихи последнего) вовсе не от онегинской хандры, а в поисках самого себя и обретших в путешествиях если не ответ на этот непростой вопрос, то житейскую опытность, закалку и верное знание о том, что малая родина – не пуп земли, а пусть и милая сердцу, но всё же лишь частица громадного человеческого общежития. Вспомним кстати, что неустанные размашистые путешествия – яркая примета эпохи Возрождения, и Куратов как личность ренессансного типа предстаёт перед нашим мысленным взором в качестве посредника между той эпохой, где нормой полноценной творческой личности был интеллектуальный универсализм, и нашим временем с его удручающе неизбежной специализацией. Что ж, будем и мы, по примеру Куратова работать над собой на пользу себе и любезной Отчизне.

Неизбежные утраты
нас загнать не смогут в тыл.
Ведь когда-то и Куратов
в схватку трудную вступил.

Мы тверды, нам хватит духу
сокрушить кольцо преград.
Нам протягивает руку
верный наш зырянский брат.

Павел Лимеров

Павел Фёдорович Лимеров, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Автор более 100 работ общим объёмом более 130 п.л., в том числе учебного пособия «Коми несказочная проза» (1998); монографий «Мифология загробного мира» (1998), «Образ св.Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), сборника фольклорных текстов «Му пуксьём – Сотворение мира» (2005).

Эсхатологические мотивы в поэзии И.А. Куратова*

К середине 60-х гг. в жизни Куратова наступили серьёзные перемены. В 1865 г. он получает назначение в школу полковых аудиторов в г. Казани, куда и отбывает в октябре месяце. Не известно доподлинно, чем руководствовался Куратов, принимая столь судьбоносное для себя решение, однако он уезжает, навсегда покидая родину, мать, братьев, любимую, словно бы в этом переезде он видит выход из некоего жизненного тупика. В плане творчества, середина 60-х для Куратова характерна интенсивностью поисков новых направлений поэтического концептирования. С одной стороны, в стихах продолжается и получает дальнейшее развитие тематика сельского быта, поэтизация которого была программой уже его наиболее ранних, семинаристских стихов; с другой стороны, в его поэзии появляются новые, нехарактерные для раннего творчества элегические мотивы, сатирические стихотворения, эпиграммы, лирика гражданского и любовного звучания, поэмы. А наряду с этим, в его поэзии появляются эсхатологические мотивы, поэт пишет ряд произведений, сосредоточенных на идее господства мирового Зла (тьмы) и неминуемой гибели человеческого мира. Это стихотворения «Пемыд» (Тьма), «Со бара пемыд лолын лоис (Опять в душе моей темно), «Сампсон» (Самсон) и др. Очевидно, что появление эсхатологических ожиданий было вызвано окружающей поэта социальной обстановкой. Куратов остро чувствовал насыщенность мира эманациями несправедливости, пороков, злобы, нерадения, греха – и, в силу своего богословского образования – сопоставлял их с признаками грядущего конца света.

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта фундаментальных исследований УрО РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте (XVIII – начало XX вв.)».

Характерным примером произведения эсхатологической тематики является стихотворение «Пемыд» (Тьма), написанное поэтом в 1865 году, накануне отъезда из г. Усть-Сысольска. Значение символа «тьма», вынесенное в название стихотворения, соответствует новозаветному образу *тьмы мира*: «...теперь ваше время и власть тьмы» [Лк. 22:53]. Тьма происходит от того, что мир не узнал и не принял Сына Человеческого, который и есть свет, таким образом, мир противостоит Сыну, как тьма свету. «*Тьма мира* есть господствующее в мире зло. В Евангелии (от Иоанна) торжество зла ... поставлено в связь с действием дьявола, или сатаны, он же – князь мира».¹ В основе стихотворения И. Куратова лежит противопоставление лирического субъекта, как носителя сил света самой тьме, ночи, и силам, ею порождённым. Это противопоставление представлено уже в двух первых строках первой строфы: «На нашей земле чёрная ночь // Встала, я не помню её начала; // Ночью люди черны как ночь, // Поэтому трудно отыскать во тьме человека...». Ночь началась очень давно, ещё до рождения лирического субъекта, однако глагол «сувтём» (встала) указывает на некое начало тьмы, до которого её не было. Наличие неопределённого начала тьмы предполагает её конечность, завершённость в будущем, которое предвидит поэт. Об этом он пророчески сообщает в первых двух строках последней, пятой строфы стихотворения: «Выйдет, братья, солнце здесь! // Я уж вижу – светает вдали...». Однако поэт знает, что не доживёт до этого времени, он предвидит свою смерть и об этом заявляет в третьей строфе: «...и знаю, // что до рассвета здесь // В такой тьме я задохнусь». *Тьма* здесь соответствует торжеству «царства зверя», «царства лжехриста», установившемуся на земле, Куратов создаёт образ апокалиптической ночи, в которую погружён мир, и этот образ тождествен образу тьмы в «Откровении св. Иоанна Богослова». Есть и в «Откровении» и концепция смены периодов ночи (тьмы) и света. Как отмечает отец А. Мень, сюжет Откровения строится в виде повторения нескольких следующих друг за другом циклов: «в каждом из которых разыгрывается одна и та же драма – наступление тёмных сил, их временное торжество и их крушение».² В связи с этим, *чернота* людей – это их отягощённость злом, люди, находящиеся во власти зла, пропитаны им и стали *черны*. *Чернота* людей здесь является маркером социальной инверсии (люди во власти зла – это люди *тьмы*), равным образом инвертированным оказывается и мир природы, в котором место исчезнувших дневных животных занимаюточные; в тексте это летучие мыши. Последняя инверсия ассоциируется с идеей освобождения из глубин преисподней тёмных инфернальных сил, в данный период времени побеждающих светлое начало в мире. «...Кто-то // Ещё и по-прежнему в белых одеждах, // Но и их уже // Обленили летучие мыши!». *Белые одежды* – это одежды праведников, облачение в которые символизирует спасение: «И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились ещё на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» [Откр. 6: 9–11]. Символика терзания людей в белых одеждах связана, очевидно, с идеей поражения в мире тьмы малого количества праведных сил, среди которых и поэт, лирический герой И. А. Куратова. Он видит

¹ Кассиан, епископ (Безобразов). Лекции по Новому Завету. Евангелие от Иоанна. Paris: Institut de Teologie Orthodoxe, 2006. С. 58.

² Мень А. Откровение Иоанна Богослова. Знание-сила. 1991. № 9. С. 73.

гибельность мира, но, как и Сын Человеческий, не принят этим миром, и должен принести себя в жертву во имя будущего царства Света. Поэт не видит себя в будущем вместе со всеми: «Человеку тесно во тьме...// Когда взойдёт солнце, оно всё здесь // Расширит... для вас!// И вы вздохнёте свободно!» Он как бы должен погибнуть во имя этого будущего, стать искупительной жертвой, благодаря которой само будущее и становится возможным. Этим самым поэт уподобляется Сыну Человеческому, посланному в мир небесным Отцом. Миссия поэта высока, однако она обрекает его, как и Сына, на одиночество и гибель в метафизически враждебном ему мире. Таким образом, символическая идентификация образа поэта с образом Иисуса Христа обусловливает идею сакральности одиночества поэта, а также объясняет знание им неких, недоступных другим, истин. В заключительной, пятой строфе даётся пророчество поэта об окончательном торжестве светлых сил: «Выйдет, братья, солнце здесь!// Я уже вижу, как светает вдали...// И небесная роса // Заискрится тогда на солнце!» В этой строфе мы опять видим перекличку с текстом Откровения, в заключительной главе которого даётся пророчество Иоана о наступлении Царства Божия: «И ночи не будет там...» Ср. также: «Тьма проходит, и истинный свет уже светит!» (1-е Ин.2,8). Таким образом, стихотворение «Пемыд» (Тьма) характерно своей профетической обращённостью к свету будущего, эсхатологические ожидания поэта лишены пессимизма, напротив, *небесная роса* в заключительных строках стихотворения является символом небесной благодати, дарованной *братьям* поэта, т.е. оставшимся в живых праведникам, которым будет принадлежать мир.

В том же 1865 году было написано и стихотворение «Со бара пемыд лолын лоис» (Опять в душе моей темно), в коми и русском вариантах. Кроме того, сохранился отрывок ещё одного русского варианта с неполной надписью на латыни.¹ Реконструированный текст надписи позволяет сказать, что это эпиграф к стихотворению и имеет следующий перевод: «Заклинаю тебя тем, кто грядёт судить живых и мёртвых».² Куратов не включил надпись в качестве эпиграфа в окончательный вариант стихотворения, видимо, потому, что, несмотря на ярко выраженную идею Конца мира, в этом варианте отсутствует мотив Страшного Суда. Считается, что русская версия стихотворения является авторским переводом с коми оригинала,³ но, по мнению Г.И. Тираспольского, оригинальным является как раз русская версия.⁴ Следует, однако, уточнить, что коми и русская версии не вполне адекватны друг другу и даже во многом не совпадают по образному ряду. Можно даже сказать, что коми и русская версии различаются как два разных стихотворения на одну и ту же тему. В нашу задачу не входит разбор отличий обеих версий, однако разность смысловых нюансов требует выполнения некоторых сравнительных операций, для удобства которых мы приводим подстрочный перевод коми стихотворения: «Опять в душе моей темно, // Опять наступило такое время, // Когда земля, по которой хожу, // Мне тяжела, свет слепит глаза, // Хотя я и смеюсь как ребёнок, // Когда душа сама зовёт к себе скорби, // Когда хочу исчезнуть вместе с миром, // Когда мне нужно светопрес-

¹ Куратов И.А. Менам муз (Моя муза). Сыктывкар, 1979. Комментарии Е.С. Гуляева. С. 559.

² Тираспольский Г.И. Эхо Пушкинской лиры. Сыктывкар, 1999. С. 127-128.

³ Куратов И.А. Указ. соч., 1979. С. 559.

⁴ Тираспольский Г.И. Указ. соч. 1999. С. 127.

тавление // Увидеть, как все народы, которые ещё живут, погибнут, // Земля уйдёт из-под ног, // Пусть солнце, как меч, уйдёт высоко, // И небосвод рассыпится на головы, // И народы, вдруг вспомнившие молитвы Богу // Пусть придавит, как в ловушке мышь, // Когда вместе с людьми там погибнет // Всё зло их и всё добро, // Когда живым останется только Бог, // Чтобы когда-нибудь на этом месте создать новый мир!...». Стихотворение написано от первого лица, первый стих (Опять в душе моей темно) содержит смысловую установку всего текста: лирический герой заявляет о своём *личном* мироощущении. Трагедия происходит в душе поэта, но эпитет *пемыд «тьма»*, уже знакомый нам по предыдущему стихотворению, вкупе с 3-4 стихами: «Когда земля, по которой хожу, // Мне тяжела, свет слепит глаза», создают атмосферу безысходности, в которой погибает поэт. Следует отметить, что в русской версии всё выглядит несколько иначе: «Земля, носящая меня, // Мне тяжела, как будто я // Её ношу на слабых плечах!». Если в коми версии образ тьмы, как бы сужающий пространство жизни поэта, создаёт для него психологически невыносимую ситуацию, то в русской версии читателю предлагается смысловая игра, в которой психологическая тяжесть окружающей поэта *тьмы* подменяется метафорической тяжестью земного шара, водруженного ему на плечи. Образ поэта-Атланта, при всей выигрышности своего видеоряда имеет существенный недостаток: тяжесть, которую выдерживают плечи лирического героя, эмпирична, тогда как в коми варианте значение тяжести имеет метафизический характер: она находится внутри и вокруг лирического героя, она его подавляет. В 6 стихе (Когда душа сама зовёт к себе скорби) проясняется природа метафизической тяжести – душа поэта темна и подавлена оттого, что призывает скорби всего мира и полна ими. Эта переполненность скорбями души и мира требует выхода, и поэт видит этот выход только во вселенской катастрофе, которая уничтожит и его, и мир – стихи 7–8 (Когда хочу исчезнуть вместе с миром // Когда мне нужно светопреставление). В стихах 9–17 последовательно разворачивается картина вселенской катастрофы. Обращают внимание эсхатологические образы И.Куратова: солнце как меч уходит в даль, отчего небо падает (букв. сыпится) на землю; упавшее небо придавливает людей вместе с их добром и злом, как мышь в мышеловке.¹ В русском варианте поэт желает, «чтоб это солнце разлетелось»; «чтобы луна // Была от глаз удалена // За край вселенной, чтобы в сехах // Кровавых ангелы себя // Рубили...». Этим образам нет соответствия в библейских источниках, это образы мифопоэтики И.Куратова, хотя в целом им, вероятно, можно найти аналоги в различных мифологических системах. Заключительные 18–19 стихи (Когда живым останется только Бог, // Чтобы когда-нибудь на этом месте создать новый мир!) соответствуют внебиблейской эсхатологии, предполагающей циклы гибели и обновления космоса.

Г.И. Тираспольский считает, что на образ светопреставления существенное влияние оказали апокалиптические мотивы Откровения св. Иоанна Богослова и ветхозаветной Книги Иова.² Следует всё же, заметить, что внимательное прочтение стихотворения обнаруживает только косвенное и достаточно общее влияние этих источников на структуру заявленной в стихотворении эсхатологической

¹ Г.И. Тираспольский считает, что образный ряд стихотворения построен как антитеза Пушкинскому «Подражанию Корану». См.: Тираспольский Г.И. Указ. соч. 1999. С. 149–150.

² Тираспольский Г.И. Указ. соч. 1999. С. 130–131.

концепции. Принципиальным отличием эсхатологии И.Куратова является отсутствие в ней темы Суда и Судии, воздающего по заслугам за совершенное добро или зло. В светопреставлении И.Куратова гибнет весь человеческий род со всем своим добром и злом. Отсутствие этических оценок больше характерно для мифологических концепций конца света, они и не нужны в данном стихотворении, поскольку душа поэта, вместившая целый мир, настолько переполнена его скорбями, что желает только самоуничтожения вместе с миром. Это не мотив искупительной жертвы, это даже не самосуд, а суд над миром, который здесь отождествлён с душой поэта, и этот суд свершает сам поэт.

Тематически близким стихотворению «Опять в душе моей темно» является написанное по мотивам библейской легенды стихотворение «Самсон», также датированное 1865 годом. Согласно интерпретации А.Н. Фёдоровой, И.Куратов использовал в качестве прототипа опубликованный в 1861 году перевод М.Л. Михайлова (1807–1882) стихотворения Генри Лонгфелло «Предостережение». Однако, стихотворение И.Куратова, всё же, не является буквальным переводом Михайлова, это «самостоятельное произведение, но трактовка образа богатыря, мотивы и характер его протеста весьма близки в обоих стихотворениях».¹ Г.И. Тираспольский, соглашаясь с тем, что стихотворение Г.Лонгфелло могло быть использовано И.Куратовым в качестве литературного фона, всё же указывает, что в стихотворении Г.Лонгфелло, как и в переводах, выполненных М.Л. Михайловым и, позднее, Г.Беном, «Самсон обрисован как взбунтовавшийся тираноборец, своего рода народный заступник... В стихотворении же Куратова мы видим не восставшего раба, а непокорного гиганта, сурово мстящего своим недругам за поруганные честь и достоинство».² Как подчёркивает исследователь, Самсон Г.Лонгфелло одинок лишь внешне, на самом деле за его спиной стоят массы «задавленного нуждой» трудового народа. Что касается куратовского Самсона, то его одиночество «овеяно угрюмым байроническим духом, служит той силой, которая вызывает жанровый сдвиг стихотворения к апокалиптическому повествованию с его мрачным колоритом безысходности и полной беззащитности человека перед лицом грозных стихий».³ Это довольно важные наблюдения, приподнимающие заслон над авторским замыслом, но для его полного понимания их не достаточно.

По легенде Самсон, потерявший силу вследствие нарушения обета назорейства (ему было запрещено стричь волосы), был ослеплён и ввергнут врагами-филистимлянами в темницу. Силы его постепенно возвращаются, и он жестоко мстит глумящимся над ним филистимлянам, обрушив на них своды дворца. Куратов внёс некоторые изменения в библейский сюжет, отчего тот приобрёл несколько иные смысловые параметры. Прежде всего, он изменил длительность происходящего: «Когда узнали, что он потерял силу, // Вырвали у него оба глаза, // Затем привели его на потеху...// Ведь это очень весело! // И смех разносится // Далеко! // «Люди, остановитесь! Ведь я еще силён!» – // Слепой – и тронул колонну... // Как ива на ветру в редколесье // Весь дворец следом за колонной // Обрушился». Потеря силы произошла когда-то и где-то вне пространства текста

¹ Фёдорова А.Н. И.А.Куратов. Очерк жизни и творчества. Сыктывкар, 1975. С. 116.

² Тираспольский Г.И. О творческой истории стихотворения Куратова «Самсон» // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1990. С. 91.

³ Там же. С. 92.

стихотворения, а лишение глаз и привод Самсона во дворец происходят последовательно и с небольшим временным интервалом. И сразу вслед за этим силы возвращаются герою. Получается, что лишение зрения здесь как бы способствует возвращению силы Самсону. После этого следует разрушение слепым героям дворца, под обломками которого гибнут и его обидчики, и он сам. Куратов очень подробно описывает разрушение дворца, предельно детализируя сцены гибели врагов: «Спасаясь, дочь склонилась за мать, // Князь – под стол... Недолго это длилось: // Огонь и сцена подёрнулись пылью, // От живых людей остались только тени. // Так средь горячих камней растаяла жизнь, // Только слышен был хруст ломающихся человеческих костей, // Каждый вылизал опухшим языком собственную кровь...». Перечисление этих наводящих ужас деталей, как бы призвано подчеркнуть ассоциации конца света. Герой не просто сокрушает дворец и уничтожает своих врагов, он вызывает крушение всего мира и гибнет вместе с ним. Последняя строфа полна назидательного пафоса, и именно в ней содержится указание для правильного понимания подтекста стихотворения: «С тех пор, говорят, и даже сегодня // Из-под этих руин можно услышать голос: // «Путь таланту! Пусть идёт дальше! // Его на своё несчастье не лишайте глаз! // Знайте». Указание на *талант* Самсона тем более неожиданно, что в предыдущих стихах не говорится о его поэтическом даре. Однако это указание значимо, поскольку переводит трактовку образа Самсона на другой семантический уровень.

В стихотворении есть два ключевых образа, на которых держится основная смысловая нагрузка, это *слепота* героя и его *талант*, некоторым образом взаимосвязанные друг с другом. Мотив слепоты для мифопоэтики Куратова является сквозным, и это не случайно, учитывая его богословское образование. Конечно, ему было известно теологическое противопоставление обычного зрения духовному, способному видеть Божественный свет. К примеру, в небольшой поэме *Пасъяс синтёмён* «Записки слепого» (1875) противопоставление физической слепоты и духовного зрения является основной темой, лейтмотивом проходящей сквозь все сюжетные перипетии. Подробный анализ поэмы не входит в задачу данной работы, поэтому мы ограничимся некоторыми общими наблюдениями. Поэма интересна уже тем, что включение в её композицию автобиографических посылок позволяет связать образ лирического субъекта поэмы непосредственно с самим Куратовым, так что в образе *слепого* определённо угадывается сам автор. Жизнь предстаёт перед лирическим героем как *игра в жмурки* (*быдса гораньён ме ворслі* «всю жизнь я играл в жмурки»), где повязкой на глазах водящего служат те или иные жизненные приоритеты, в зависимости от возраста. В четырнадцать лет глаза повязывались омофором или орапом, чуть взросле – и омофор меняется женским боа, далее, ставшему юристом герою повязку на глаза накладывает слепая Фемида. Однако эти повязки скрывают от героя и смысл его жизни, и только, став слепым, он начинает его постигать. Жизнь лирического героя как бы делится на два периода: период зрячести, характерный духовной слепотой, и период слепоты, когда герой обретает духовное зрение, *зрение сердца*. В своих принципиальных особенностях образ слепого соответствует концептуальному образу *поэта* в поэтической мифологии Куратова. Слепой, как и поэт, выделен из общества, одинок (его окружают зрячие, но духовно слепые люди), и обладает пониманием высших

смыслов, недоступных окружающим. В наиболее общих чертах – это поэт романтической традиции. Как отмечает в этой связи Б.М. Гаспаров: «Прощание с миром красок и музыки приобретает характер трансцендентного скачка, который позволяет романтическому творцу-демиургу преодолеть провал, отделяющий человека от природной гармонии. Для романтической традиции первой трети XIX века популярным воплощением этой жертвы во имя трансцендентной миссии стал образ учёного или художника, теряющего слух, но именно в силу этой потери оказывающегося способным перейти на высшую, «запредельную» ступень познания».¹

Что касается анализируемого стихотворения, то в данном случае, осознание Поэтом своего таланта эквивалентно осознанию им своей «трансцендентной миссии», позволяющей ему войти в область божественного света, где обычное, земное зрение уже теряет свой реальный смысл. Слепота, как отсутствие обычного зрения, служит маркером избранности, выделенности поэта из мира именно наличием таланта. Этот талант питается божественной энергией, творческая сила которой соразмерна энергии Создателя-демиурга в момент сотворения мира, но она же может быть направлена и на его разрушение, если Создатель убеждается в тотальной заражённости мира злом. Самсон не бог, но божественная энергия его таланта, всегда пребывавшая в нём, и многократно усилившаяся после ослепления, в какой-то момент оказывается направленной на истребление мирового зла и вызывает полное разрушение мира, символом которого здесь является дворец. Осуждённый и ослеплённый Самсон сам становится Судией и исполняет свой приговор мучителям. Образ Самсона в роли Судии здесь имеет мессианистическое значение, однако эсхатологический символизм стихотворения заключается не только в этом. Нельзя не заметить, что самоуничтожение героя под обвалившимся на него крышей имеет параллели в коми фольклоре, в частности, в легендах о чуди-язычниках, которые при наступлении христианской эры, или, избегая порабощения, уничтожают себя: «Чудской народ не любил неволю, и стала чудь погребать себя заживо. Вырыли, говорят, большие ямы, поставили столбы, сверху навесом покрыли и насыпали земли. После этого сами зашли в ямы и отодвинули столбы. Земля на них обрушилась, и весь чудской народ погиб».² Есть предания и об отдельных героях, к примеру, о Шыпиче, который однажды «приказал своим слугам вырыть большую яму, вошёл в неё вместе со всем своим семейством, подрубил столб и похоронил себя и своё семейство заживо».³ В finale такого рода текстов нередко говорится о голосах, слышных из-под земли, а также пророчествах о том, что погребённый герой явится на землю в конце времён. В finale стихотворения этот фольклорный мотив, дополненный взаимосвязанными коннотациями слепоты и таланта, указывающими на поэтический дар, служит привязкой библейско-литературного сюжета к устьысьольской действительности, в которой жил Куратов. Его Самсон это не «восставший раб», и даже не байронический «непокорный гигант», это пленённый Поэт, разрушающий мир несправедливости, причём мир – современный самому Куратову. Звучащее из-под руин пророчество-предупрежде-

¹ Гаспаров Б.М. Ламарк, Шеллинг, Марр // Литературные лейтмотивы. М., 1994. С. 203.

² Му пуксьём – Створение мира / Автор-сост. П.Ф. Лимеров. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2005. С. 138.

³ Му пуксьём – Створение мира. 2005. С. 154.

ние о грядущем Судии-Поэте – это предупреждение обывательскому миру, который судит Поэта земным неправедным судом, не понимая вселенского предназначения его таланта.

Сравнение эсхатологических концепций рассмотренных трёх стихотворений показывает, что они не равны друг другу. Христианская эсхатология предполагает линейную модель исторического процесса от начала мира к его концу, при этом символом конца мира является пришествие на землю Христа: первое – в образе раба – «судимого», и второе пришествие – в образе Судии, для последнего суда, «чтобы судить живых и мёртвых» (Никейский символ веры).¹ Эсхатологический символизм стихотворения «Пемыд» (Тьма) в целом соответствует этой модели. Мир показан в процессе завоевания его *тьмой*, силами зла, и этот процесс исторический, движущийся от неких неопределённых в прошлом времён, когда на землю пала тьма, через время, синхронное лирическому субъекту – к грядущему апокалипсису, после которого наступит долгожданное царство добра и света. Это стихотворение наиболее оптимистично по настрою, поскольку в нём наиболее всего отражены христианские эсхатологические ожидания. В стихотворении «Самсон» (Самсон) реализована фольклорно-мифологическая модель эсхатона, в соответствии с которой суд над миром Самсон совершает как возмездие за совершённое по отношению лично к нему зло, а отсылка к его «второму пришествию» выглядит как дидактическое предупреждение миру. Что касается стихотворения «Опять в душе моей темно», его эсхатологическая концепция построена с ориентацией на циклическую парадигму мифологического времени: историческое движение имеет вид циклического процесса, завершающегося концом света как обновлением мира.

¹ См. об этом: С.С. Аверинцев. София-Логос. Словарь. Киев, 2006. С. 516.

Ия Костромина

Костромина Ия Николаевна. Год рождения 4 января 1931 года. Окончила Усть-Вымское педучилище им. М.Н. Покровского и КГПИ. Работала в школах Коми республики.

С 28 декабря 1967 г. по апрель 1986 г. работала в отделе языка ИЯЛИ в должности младшего научного сотрудника.

Область научных интересов — история коми языкоznания, лексикология, лексикография. Общее количество научных трудов — 43. И.Н. Костромина внесла значительный вклад в подготовку словарей, собирала материал для издания «Краткого этимологического словаря коми языка» (авторы В.И.Лыткин, Е.С. Гуляев), подготавливала материалы для издания сочинений И.А. Курапова (1979), выполнила раздел плановой темы и подготовила главу коллективной монографии «Современный коми язык. Лексикология» (1985). С

1974 по 1998 г. И.Н. Костромина провела большую работу по выявлению и характеристике дооктябрьских письменных памятников коми языка. Опубликовала около 40 статей о проблемах коми языка и его исследователях в газетах.

О переписке Г.С. Лыткина с И.А. Куратовым

Иван Алексеевич Куратов в своём труде «Зырянский язык», посвящённом Василию Евгеньевичу Кичину, даёт оценку всем деятелям XIX века, работавшим над особенностями коми языка, их ошибкам и достижениям. Пишет, что «десятки сочинений, написанные П.И. Савваитовым, А.И. Поповым, А.И. Шегреном, Г.К. Габеленц по этому предмету, для зырянского языка ничего не значат, хотя труды из двух последних имеют важность при изучении всех финских языков. Козлов написал грамматику вашкинского наречия по плану русской грамматики Грека. П.И. Савваитов просмотрел финскую грамматику с 14 падежами её и написал зырянскую с 17 падежами, чтобы быть оригинальнее несколько... А.Попов душит семинаристов собственным изделием, карикатурой грамматики» и т.д. И наконец, профессор Егор Лыткин мне без обиняков написал, что он жалеет драгоценное время, которое я употребляю на составление зырянской грамматики, что он, Егор Лыткин, думает, что я, нижеозначенный, вероятно, ещё не столько стар и не годен к иному делу, чтобы заниматься подобными вещами. При этом поневоле вспомнишь строки, которыми казнил Байрон шотландского лорда Эльджина, гонителя классиков и древнего искусства:

«Quod non fecerunt goti,
Hoc jecerunt scoti»...

В чём дело? Почему они не поняли друг друга?! Ведь Г.С. Лыткин переписывался со многими. Всем он писал толковые, сердечные письма – М.П. Погодину,

К.П. Победоносцеву, И.И. Срезневскому, Н.И. Ильминскому, Ф.И. Видеману, П.И. Савваитову, Н.П. Титову, Н.П. Попову, А.В. Латышеву, А.А. Сахарову, И.Д. Делянову, А.В. Бенземану, А.С. Суворину, А.А. Чеусову, Н.П. Левицкому и многим другим. Среди них – учёные, духовные лица, государственные и общественные деятели, учителя, высшие чиновники, императоры, княжны, княгини и т.д.

Почему же за строками простого письма И.А. Курагова Г.С. Лыткин всё же не разглядел человека большого и сердца? Коми критик А.С. Забоев отмечает по этому поводу: «Мы сожалеем, что у них дружба не получилась. А их сотрудничество, понимание друг друга очень нужно было для развития коми литературы, культуры, так как в деятельности этих двух коми учёных много общего, несмотря на некоторые различия».¹ А.К. Микушев в своё время занимался в архивном фонде И.И. Вихмана в Финляндии и в своей работе «Генезис и эволюция коми песенного фольклора»² также не говорит об отношениях Г.С. Лыткина и И.А. Курагова.

П.Г. Доронин, в своё время составивший вопросник для народной учительницы Ф.И. Забоевой, единственному человеку, помнившему И.А. Курагова, усть-сысольскую жизнь в 60-ые годы XIX века, на наш взгляд, также упустил вопрос: «Переписывался ли с нею (Ф.И. Забоевой) родной дядя, т.е. Г.С. Лыткин?». В воспоминаниях Ф.И. Забоевой об этом ни одного слова...

Я довольно хорошо изучила жизнь и деятельность Георгия Степановича Лыткина, поэтому скажу вот что: нарочитая резкость Г.С. Лыткина в письме к И.А. Курагову может быть повелительно диктовалась моментом, обстановкой тогдашней России. В этот период Г.С. Лыткин не грамматикой хотел помочь народу, а революционной борьбой. В условиях революционной ситуации в Петербурге все участники революционной борьбы в России, члены «Земли и воли», строго относились ко всему, что, по их мнению, являлось неактуальным и не служащим насущным общественным потребностям. Все были в высшей степени конспиративными. И.А. Курагов, живя в Усть-Сысольске, все подробности жизни Г.С. Лыткина знать не мог. Безусловно, о членстве Г.С. Лыткина в революционном обществе не знала и семья Забоевых, и сестра Анна Степановна. В этот сложный период жизни общества слишком прямолинейный, противоречивый, революционно настроенный Г.С. Лыткин, у которого на жизнь тогда были совершенно иные взгляды, когда он с женой находился в стане самых отчаянных людей революционного тайного общества «Земля и воля», мог написать письмо такого содержания. Именно поэтому предприятие И.А. Курагова им было квалифицировано как бесполезное и ненужное на данном этапе жизни страны. Мы отдаём отчёт в том, на сколько этот раздел уязвим для критики с разных сторон. Необходимы письма. Именно они выяснят отношения между Г.С. Лыткиным и И.А. Кураговым.

Февраль 2004 года

Литература:

1. Забоев А.С., Лыткин Г.С. Биографический очерк. Рукопись. 1972. С. 109–116.
2. Микушев А.К. Генезис и эволюция коми песенного фольклора. Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. Архив КФАН. 1971. Ф. 5. Оп. 2. Д. 49. С. 52, 36–46.
3. Архив И.Н. Костроминой «Г.С. Лыткин». 1986–2004 гг.

АРТ-ФАКТ

Ольга Орлова

Орлова Ольга Владимировна, заведующая научным отделом Национальной галереи Республики Коми.

«Я верил в дух, безумен и упрям...»¹

Скульптор Владислав Никанорович Мамченко (1929–2006)

(к 80-летию со дня рождения Владислава Мамченко)

Отец Владислава Никаноровича
Мамченко

Владислав Никанорович родился 28 февраля 1929² года в д. Шугайлово Слободского района Смоленской области в зажиточной крестьянской семье Никанора Семёновича (1885–1929) и Ксении Феофановны (род. в 1888 г.) Мамченковых³. Они обвенчались ещё до службы Никанора Мамченкова в царской армии. В семейном архиве сохранились фотографии этого периода с надписью на обороте к молодой супруге: «...супруге Ксюше от твоего мужа Никанора милая любочка снимает не весьма важный фотограф не выполняет курс дела, а в город поехать никак невозможно очень далеко 50 километров. Но ладно что делать за неимением лучшего хорош и этот. Ангел милый будь здоровья да не забудь написать мне хотя несколько строчек о

ругих Костюшке отт.
твоего мужа Никанора
милая любочка снимает не
весьма важный фотограф не
выполняет курс дела, а
в город поехать никак
невозможно очень далеко
50 километров. Но ладно
что делать за неимением
лучшего хорош и этот.
Ангел милый будь здоровья
да не забудь написать мне
когда шекспирскую строку из
эт. Чучело кутяло другими
твой спиртобин

себе. Целую крепко ручки. Твой муж Никанор 1917⁴ и сестре Наташе: «Дорогой сестрице Наташе от брата Никанора 27 июля 1917 г.».

До появления на свет младшего сына Владислава, отец и ещё несколько односельчан, служивших в царской армии, были арестованы и репрессированы. Судьба Никанора Семёновича до сих пор неизвестна. Через девять месяцев после рождения Владислава арестовали мать. Поводом явилась швейная зингеровская машинка, на которой она работала, обшивая семью и односельчан. Остались дети: Василий, Михаил, Мария. Владислав Никанорович вспоминал, что до 12 лет жил в «глухой деревне», родителей «не знал и не видел». Как принято было в эти тяжёлые годы, от мальчика скрывали судьбу родителей. Поэтому в документах, хранящихся в личном деле Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии имени барона А.Л. Штиглица⁵, в графе о репрессированных родственниках стоит прочерк.

После окончания начальной средней школы в 1936 году Владислав поступил в семилетку.

В мае 1941 года⁶ двенадцатилетний Владислав приехал к освободившейся из тюрьмы матери в Ленинград. Он поступил в ремесленное училище, где преподавал супруг его сестры Марии. Вместе с обучением, точил детали для фронта. Во время бомбёжки складов на Ржевке в апреле 1942 г. был ранен в лицо. Пролежал месяц в военном госпитале на Моховой. Во время обстрела чудом остался жив: неразорвавшийся снаряд попал в кушетку, где, незадолго до этого, лежал Владислав. Был прооперирован стареньkim профессором, вернувшим ему зрение. По октябрь 1942 г. находился в блокадном Ленинграде до эвакуации семьи в Омскую область, где закончил неполную среднюю школу.

В 1944 г. Владислав Никанорович возвращается в Ленинградскую область в посёлок Райволо, где работает массовиком в Доме культуры по сентябрь 1945 года. В 1946 г. заканчивает 8 класс.

В выборе профессии художника много элементов случайных. В семье не было художников или музыкантов, но мама хорошо рисовала, отец играл на скрипке. Обладая абсолютным слухом, не играя ни на одном музыкальном инструменте, В.Мамченко пробует поступить в музыкальное училище. Пытаясь скрыть тяжёлое ранение глаз (40% зрения были потеряны), подаёт документы и сдаёт экзамены в Нахимовское арктическое училище, но по состоянию здоровья не проходит.

В 1945 году открывается Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухиной (Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени барона Штиглица). В 1946 г. Мамченко поступил на отделение художественной обработки металла по специальности «учёный рисовальщик по художественной обработке металла». В 1951 г. защитил дипломную работу «Электроосвещение библиотеки училища им. В.И. Мухиной (руководитель Н.Н. Устинов). Вместе с ним на этом же факультете учился Юрий Григорьевич Борисов⁷. После окончания училища В.Мамченко направили

по распределению в Управление по делам архитектуры г. Сталинобад (Душанбе) (Таджикистан). Впервые скульптор пробует себя, как портретист (портрет архитектора Юлдашева, Сатруддина Айни).

Проработав чуть больше года, он по приглашению Ю.Борисова в 1953 году приезжает в Сыктывкар, где начинает преподавать черчение и рисование в Сыктывкарской женской средней школе № 1 им. И.А. Куратова. В этом же году на собрании Союза художников Коми АССР было решено организовать скульптурную секцию под руководством В.Г. Эдельгауса для овладения мастерством⁸. К этому времени для молодых художников, у которых были семьи, не было создано необходимых бытовых условий: все они жили на частных квартирах. В 1958 г. В.Мамченко из-за отсутствия квартиры думал уехать из республики. Несмотря на отсутствие материальной базы: три скульптора работали в маленькой комнатушке (25 кв. м)⁹, где одновременно выполнялись и производственные работы, на нехватку материала (гипса), В.Мамченко много творчески работает.

Первыми работами, над которыми начал работать В.Мамченко, были скульптурные портреты коми поэта И.А. Куратова и бюст Героя Советского Союза Н.В. Оплеснина. Последний – совместная станковая работа молодых скульпторов была показана на художественной выставке 1953 г. в Сыктывкаре. Темы, к которым обращается скульптор, традиционны для этого периода, они диктовались Союзом художников – это «образы лучших людей республики; сплавщики и лесорубы, комбайнёры и доярки, шахтёры и инженеры, лётчики, хирурги, учителя»¹⁰. В плане работы Союза художников на 1954 год у В.Н. Мамченко стояли скульптурные работы: «Борьба за мир», «В коми колхозе»¹¹. «Немало пришлось потрудиться художникам над созданием героического образа патриота-воина, погибшего в боях за Родину. Ю.Борисов и В.Мамченко детально изучали фотографии Н.В. Оплеснина, беседовали и советовались с родственниками Героя и людьми, лично знавшими его. Скульпторам удалось отобразить смелость, мужество и непоколебимую волю героя, создать его достоверный портрет»¹². Бюст был выполнен в соответствии с существующими стереотипами времени: натуралистичность, документальная сухость 1940-х – 1950-х годов, литературная описательность. Коллеги характеризовали портрет поэта, как «умную и красивую работу», «убедительную», «интересно задуманную». Портрет И.А. Куратова по рекомендации художественного совета Коми отделения художественного фонда экспонировался на выставке художников РСФСР в Москве.

Первым работам В.Мамченко присуща точность характеристик портретируемых, выбор поз, мимики. Как отмечала в своей статье Э.К. Поповцева: «В овладении искусством пластики художникам пришлось начинать с азов. От способности передавать объёмную выразительность натуры и приближения к возможно более точному воспроизведению её внешнего облика к мастерству высокого реалистического искусства с живым и свободным изображением человека»¹³.

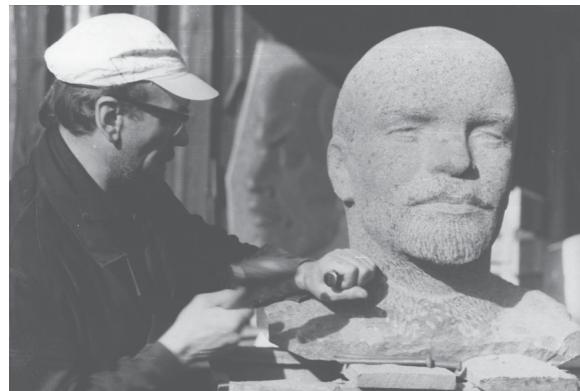
В.Мамченко со своим другом и коллегой Юрием Борисовым встали у истоков профессионального искусства скульптуры в Коми Республике. Приехавший в 1955 году в Сыктывкар на открытие XI республиканской выставки скульптор Д.Б. Рябичев¹⁴ отметил: «Несмотря на то, что скульптура находится в стадии формирования и становления, «местные скульпторы – одарённые пластики. И в будущем от них многое можно ждать»¹⁵.

Сотворчество этих двух современников продолжалось до кончины Ю.Борисова в 1977 году.

Начало творческой деятельности скульптора приходится на конец 1950-х – начало 1960-х годов – новый период в истории отечественной скульптуры. В это время в культурной жизни страны – литературе, музыке, кинематографе, изобразительном искусстве – началось движение, вызванное надеждами на коренные изменения в жизни общества. Этот период вошёл в историю под названием «оттепель». Программное стремление создать искусство строгой нравственной чистоты, естественности и простоты действий, образов и идей завладело В.Мамченко. Уже в первых своих работах он обнаружил интерес к темам и ценностям повседневной жизни («Доярка», «Портрет девушки»), к человеку-современнику (портреты поэтов В.Кушманова, И.Молчанова), продемонстрировал, хотя и не решительное, стремление к обновлению образно-пластических возможностей языка скульптуры («Ленинградская симфония. Д.Шостакович»). В.Мамченко не избежал и тем гражданского звучания («Рабочий»; «Коммунист. Евгений Урбанский»). О последней работе Э.Поповцева писала в 1969 г., что скульптор «воспевает мужество, беззаветную преданность делу революции, создает образ человека, утверждающего на земле правду и счастье»¹⁶. В 1960–70-е гг. историко-революционный жанр обрёл новую интонацию. Пафос этих работ героический и исповедальный. Он противостоит стереотипу прошлых десятилетий. «Полярник», «Ленинградская симфония», портреты В.Савина, И.Куратова, В.Ленина.

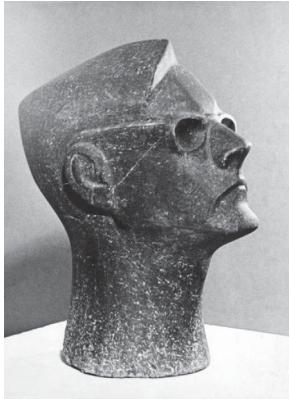
Не обошло скульптора и «увлечение в конце 1960-х годов так называемой «ленинской темой». «Возврат к ленинским нормам» сопровождался идеализацией людей и нравов первых послереволюционных лет. В собрании Национальной галереи, кроме портретов, несколько вариантов памятника В.И. Ульянову-Ленину. В архиве семьи художника сохранилась рукопись, в которой В.Мамченко пишет о работе над образом В.И. Ленина: «Лично я пытаюсь разрабатывать идею общечеловечности, мудрости и простоты»¹⁷. Она интересна, в первую очередь, тем, что даёт представление о самой природе творчества скульптора. Главный проект В.Мамченко, не дошедший до стадии реализации, над которым скульптор работал несколько лет, – памятник В.И. Ленину в Сыктывкаре. В 1963 г. им совместно с архитектором Цветковым был сделан проект памятника для Юбилейной (ныне Стефановской) площади, который одобрила комиссия в Москве¹⁸, выполненный В.Н. Мамченко эмоционально-искренне. Памятник предлагалось отлит в чугуне.

Основная причина, что на Юбилейной площади (Стефановская) был установлен памятник Кербеля – принципиальный характер В.Мамченко, нежелание идти на компромиссы. Так, в 2001 году, став Лауреатом Государственной премии за памятник Герою России подполковнику ФСБ Алексееву, В.Мамченко отказывал-

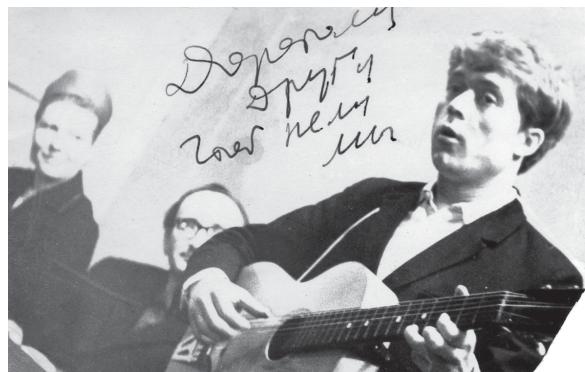
ся её получать, так как был не согласен с архитектурным решением при установке памятника.

Историзм художественного сознания – особенность творчества Владислава Мамченко. Историческая тема связывается с выражением определённых нравственно-этических симпатий художника. Особый тип художественного подхода

мы видим в работе «Ленинградская симфония. Дмитрий Шостакович» (1967), когда сам персонаж является предметом эстетического осмысливания его времени. Композиция произведения, материал (чёрный гранит), его обработка – составляют предметно-информационные «указатели» (при отсутствии внешних), направленные на ассоциативный отклик. По духу, по внутренней направленности в этом портрете В.Мамченко испытывает сильное влияние патетической тональности искусства 1960-х годов, в целом, и литовского скульптора Гядиминаса Йокубониса, в частности. «Ничего подобного раньше у Мамченко не было... Для многих, кто знал творчество скульптора, работа была неожиданной, многие её не приняли... а самого автора она обогатила и резко расширила его

творческий горизонт, как будто само небо, о котором мечтает каждый художник, взяло и сдвинуло крышу с того мирка, где жил и работал художник... И у Мамченко появилось своё твёрдое, чёткое отношение к этому портрету... [В.Мамченко – блокадник]. Задачу художникставил перед собой сложнейшую, а решил её удивительно скоро: ничего лишнего, что бы мешало главной мысли, что бы отвлекало: портрет Шостаковича – это единый цельный образ композитора, будто выплеснутый одной мощной волной. Он убеждает в том, что у скульптора смелая, сильная рука. И страстное сердце¹⁹, – писал о портрете друг и поэт Виктор Кушманов. «Шостакович» – «застывшая в чёрном граните музыка»²⁰.

В августе 1974 г. В.Мамченко принял участие в Международном симпозиуме скульпторов в травертиновой каменоломне при курорте Вышные Ружбахи под Высокими Татрами в Чехословакской Социалистической Республике. Организацию взяла на себя Словацкая национальная галерея в Братиславе. В одном из первых писем жене он писал: «Здравствуй, Вероничка, моя бедолажка!.. Сегодня первый день начал рубить камень. Для начала здорово избил и измозолил руки. Работа непривычная – отбойным молотком. Камень ужасный травертин, вроде нашего известняка, но очень вязкий, не откалывается. Я делаю сидящую мужскую фигуру размером в 2,5 натуры. Замахнулся! Но иного выхода нет. Погода стоит не рабочая. Жара. Через 3–4 часа совершенно одурелый, разбитый. В срок

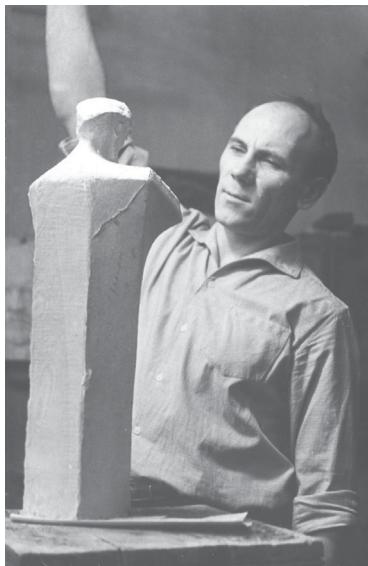

мне не уложиться. Очевидно задержусь дней на 10. В воскресенье были в горах (Верхние Татры). Очень красиво. Жаль, что тебя здесь нет. Ничего, как-нибудь вместе выберемся»²¹. «Настроение прескверное. Плохи дела с работой. Очень огромный размер и камень отвратительный. Много больших раковин (попадают на лицо). Чем всё это закончится, и не знаю. Вся беда в том, что нет времени подумать (месяц-два), да и рубить надо с полгода, а делать то, что делают здесь не могу и не хочу. В общем, темно!»²². Опорой и поддержкой для В.Мамченко было искусство другого характера. Экстравагантная новизна увиденного, отвлечённая, неконкретная форма пластических объёмов не могли привлечь В.Мамченко. Но творческое общение с коллегами в течение нескольких месяцев, обмен опытом, знакомство с чешской классикой помогли расширить профессиональные возможности В.Мамченко.

Исключительный случай для скульптора в этот период – обращение к малым формам «Сражённый» (1975) происходит под впечатлением европейских тенденций. В чётко выявленном сломанном силуэте человека, гибнущего под натиском истребляющей силы. Небольшое по своим размерам произведение – монументально в своём героическом сопротивлении смерти. Контексты, смыслы, считывающиеся в вознесённой вверх руке, в виде древка знамени или креста (символе страдания и спасения), заложены в простую форму. Это – своеобразная метафора поверженных идеалов, чувств.

Именно на середину 1970-х – 1980-е гг. приходится творческий взлёт художника: он активнее стал обращаться к монументальной пластике. В 1977 году была завершена работа над памятником коми поэту И.А. Кураторову (архитектор В.З. Эдельгаус).

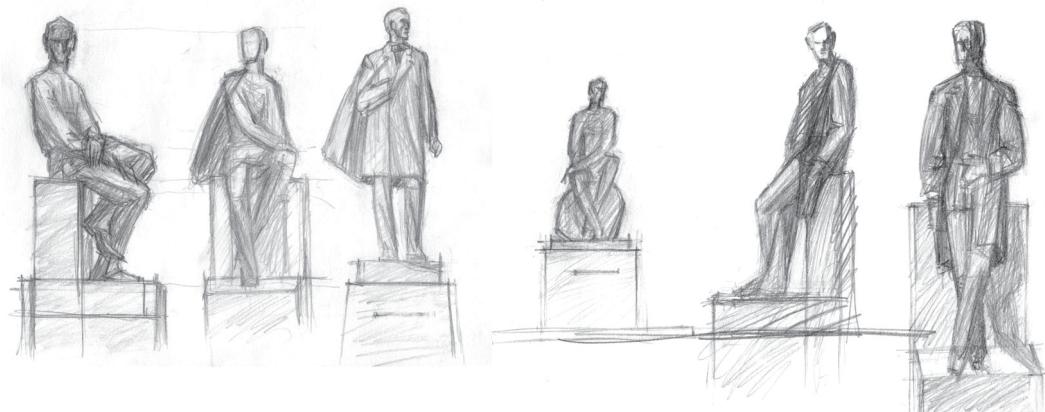

К образу поэта В.Мамченко впервые обратился в 1961 году (полуфигура из белого мрамора), в 1963 им был выполнен мраморный портрет. В 1968 г. на заседании Президиума Кomi отделения Общества охраны памятников истории и культуры рассматривался проект мемориальной доски с горельефом поэта. Члены комиссии посчитали, что образ не отвечает «требованиям поэта-просветителя». Владислав Никанорович предложил: «...поскольку есть замечания, то прошу найти для исполнения другого автора»²³. Скульптору было предложено создать образ Куратова заново и продолжить работу.

Работая над памятником, В.Мамченко считал самым достоверным иконографическим материалом фотографии поэта. Скульптор изобразил поэта, когда он жил в Усть-Сысольске. К проекту было сделано более 300 эскизов, большая часть из которых сохранилась, несколько вариантов. Они дают представление о творческой мастерской художника, работавшего над воплощением образа поэта несколько лет с 1971 года. Мамченко больше нравилась композиция с сидящим на камне поэтом.

В окончательном варианте поэт Иван Куратов изображён в минуту задумчивости, прислонившимся к дереву. Решение памятника фронтальное. Фигура поэта поставлена среди зелени, на невысокий постамент. Поэт, опираясь на ствол сосны, неподвижен, но это предчувствие движения. Проект был показан на художественно-экспертном совете в Москве, в который входил Олег Константинович Комов. Основные замечания были сделаны по архитектурной части.

По замыслу художника тихое, камерное место соответствовало лирической трактовке образа поэта. У В.Мамченко было врождённое чувство формы. Единство архитектурно-скulptурного замысла — одна из самых характерных черт всех его монументальных проектов. Но не всегда всё зависело от скульптора.

Эскизы В.Мамченко к памятнику И.А. Куратова

Эскизы В.Мамченко к памятнику И.А. Курачова

Эскиз В.Мамченко к памятнику И.А. Куратова

В.Мамченко с эскизом памятника Н.Рубцову

Памятник был рассчитан на установку среди зелени в небольшом сквере на пересечении улиц Куратова и Кирова²⁴. В.Н. Мамченко поддержали коллеги-художники. По решению заказчиков решено было его установить на площади возле театра оперы и балета.

Как настоящий крупный скульптор В.Мамченко оставил после себя всего несколько памятников. Один из них – «Вечная слава воинам-сыктывкарцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 годах», установленный в 1984 году на месте, откуда сыктывкарцы уходили на фронт.

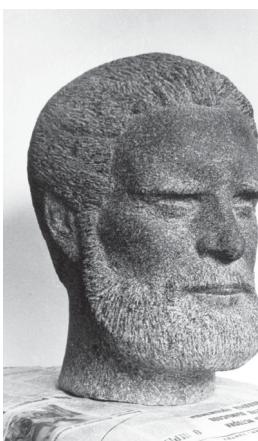
Некоторые проекты, разработанные в разные годы не были осуществлены: памятник Н.Рубцову, В.Савину, В.Ленину, «Дороги войны» (А.Т. Твардовский и В.Тёркин). Проект памятника русскому поэту Николаю Рубцову – законченное художественное произведение с поэтическим решением.

Все проекты и памятники с совершенно разными решениями, воспевающие не только человека, но и его время. И как монументалист В.Мамченко остался верен себе – в них нет ничего лишнего, аксессуарного.

Портрет в творчестве В.Мамченко доминирует над другими жанрами. С его именем связано появление этого сложного жанра в коми скульптуре. Это репрезентативный портрет, камерный, философский, портрет-этюд. Скульптор создал галерею портретных изображений выдающихся, в его понимании, людей прошлого и современности. В.Мамченко – мастер психологического портрета. Излюбленная портретная композиция В.Мамченко – фронтальная, форма – голова, без поворота, строго прямо. Эта внешняя статика,держанность формы способствуют ярче проявить, выявить жизнь интеллекта. Такой выбор композиции можно отнести к деликатно-интеллигентной манере скульптора, не нарушающего, не врывающегося, не вскрывающего внутреннюю жизнь модели, интимный мир её духовных переживаний. Присущая ему тонкость внутреннего видения человека ощущается в галерее портретов поэтов Бориса Пастернака, Николая Рубцова, Ивана Молчанова, Виктора Кушманова, писателя Василия Белова, композитора Дмитрия Шостаковича, актёра Роланда Быкова, оперного и камерного певца Э.Д. Шмерковича. В них скульптор воплотил трепетную гамму настроений, душевных состояний. Мамченко был страстным почитателем классической музыки. Услышав Шмерковича в 1960-е гг., он мечтал создать его портрет, воплотив лишь в 1981 году.

1970–1980-е годы – время дальнейшего обновления скульптуры. В творчестве скульптора появляются новые темы, образы, жанры. В.Мамченко активно обращается к самым различным материалам: металлу («Полярник»), дереву («Студентка», «Сражённый», «Портрет учёного», «Писатель Геннадий Фёдоров»), эпоксидной смоле («Портрет Евгения Трошева»).

Мамченко всегда стремился вникнуть в интимный мир человеческой психики, он не вносил в свои портреты ничего кроме того, что заключено в самих моделях. Он передавал в портретных образах неповторимую индивидуальность личности и типичные черты времени. Называя его создателем портретной галереи нужно отметить, что Владиславу Мамченко не присущи ни пафос, ни парадная холодность. Главное для него было выразить, сохранить живое, равное отношение к

Портрет писателя Василия Белова

Портрет актёра Роланда Быкова

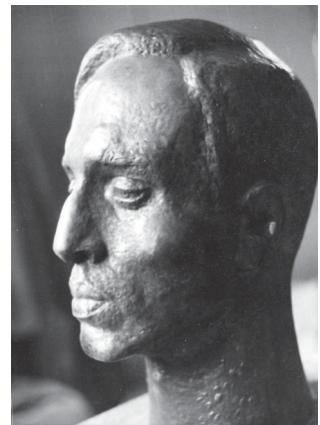
Портрет Виктора Кушманова

Портрет Вячеслава Кислова

Портрет «Искусствовед Элеонора Поповцева»

Портрет Бориса Пастернака

модели. Его галерея портретов – это не простое воспроизведение натуры. Свой жизненный опыт, знания о человеке, о мире скульптор переносил на язык пластики. В своих портретных образах В.Мамченко искал пластический эквивалент человеку. Именно портрет – основная тема его творчества.

В близких между собой портретах поэтов Виктора Кушманова (1961) и Ивана Молчанова (1963) темпераментная, фактурная лепка, актуализация светотеневой напряжённости портретного пространства, взрыхленные, динамичные поверхности – эти приёмы помогают передать индивидуальные особенности портретируемых. Выбор материала (алюминий) помогает ухватить поэтическую природу моделей, их лица не столько вылеплены в материале, сколько мерцая вырастают из него, как стихотворные строчки. Волосы в портрете В.Кушманова вылеплены крупномассивно, что создаёт глубокие тени, придающие скульптуре декоративность. В.Мамченко сосредоточен на тех выразительных проявлениях индивидуальности, которые позволяют делать выводы о самой её сути. Один из самых вдохновенных портретов художника – портрет поэта Николая Рубцова (1990). Скупая, плотная лепка выражает нечто очень существенное о человеке, о его многозначительной светлой поэзии.

Постоянный возврат В.Мамченко к более чёткой индивидуализации портретного образа, к проблеме портрета-характеристики, наблюдается на протяжении всего его творческого пути («Искусствовед Элеонора Поповцева», «Вячеслав Кислов»). Это психологические портреты, в которых прослеживается тяга к строгой и пластической концентрации, к очищенному от многословия, от случайных элементов возвышению образа.

Впоследствии в 1980-е – начале 1990-х годов В.Мамченко вновь возвращается к портрету. Это незаурядные личности, главным образом, его современники: В.Высоцкий, Г.Фёдоров, Б.Пастернак, Р.Быков, В.Белов, И.Аврамов, Б.Чичибабин, В.Лыткин, П.Сорокин. Выполненные с благородной простотой, все они выразительны, цельны.

В 1990 г. В.Мамченко заканчивает портрет коми поэта Виктора Савина, к образу которого он обращался многократно. Пластическим мотивом послужили архивные фотографии В.Савина, многочисленные портретные зарисовки. Погру-

зившись в этот материал, поняв весь трагизм личности, скульптор использовал природу восприятия, великолепно передав сложно-индивидуальный образ.

Одно из последних произведений В.Н. Мамченко – «Мать» (1997). Пожилая женщина, закутанная в платок, сидит, напряжённо всматриваясь в даль. Монолитная пластическая форма, усиленная симметрией поставленных строго вертикально рук, придаёт фигуре монументальность. Сжатые в кулаки руки сведены у подбородка, упираются в колени сидящей. Барельеф рук ограждает погружённую в мир тишины, раздумий, ожидания женщину. Обобщённые пластические формы, подчёркнутость главного психологического состояния лица – застывшее выражение тревожного, напряжённого, вечного ожидания матери.

На протяжении всего своего творческого пути Владислав Мамченко создал целую галерею портретов: художников, поэтов, музыкантов, учёных, артистов, общественных деятелей, людей, близких ему по мироощущению, чувству жизни.

«Всякий портрет даёт одновременно два неразделённых образа – самого художника и его модели»; «мы бессильны воплотить то, что чуждо нам самим», – сказал Э.Бурдель. Между «героями» Владислава Мамченко и им самим существует некое духовное родство, родство взглядов, нравственных позиций. «Несмотря ни на что в человеке торжествует светлое начало», – так как-то сказал Владислав Никанорович Мамченко.

¹ Борис Чичибабин.

² В личном деле, хранящемся в Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии им. барона А.Л. Штиглица, стоит дата рождения – 11 февраля.

³ Фамилию Мамченко Владиславу по ошибке записали в документы в Ленинграде.

⁴ Авторская орфография сохранена.

⁵ Бывшее Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В.И.Мухиной.

⁶ По воспоминаниям родственников за три дня до начала Великой Отечественной войны.

⁷ Ю.Г. Борисов (1928–1977). Скульптор. Жил и работал в Сыктывкаре. Лауреат Государственной премии Коми АССР 1969–1970 гг. за лучшие произведения литературы и искусства: «Зарниана» (Золотая мать), «Подружки», «Портрет полярного исследователя В.А. Русанова». В составе авторского коллектива получил звание лауреата Государственной премии Коми АССР за создание в г. Сыктывкаре монумента «Вечной славы воинам-сыктывкарцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

⁸ ГУ РК «Национальный архив РК». Ф. Р-1434. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁹ ГУ РК «Национальный архив РК». Ф. Р-1434. Оп. 1. Д. 4. Л. 137.

¹⁰ ГУ РК «Национальный архив РК». Ф. Р-1434. Оп. 1. Д. 9. Л. 54.

¹¹ ГУ РК «Национальный архив РК». Ф. Р-1434. Оп. 1. Д. 1. Л. 222.

¹² «Скульптурные портреты героев коми народа». – «За новый север». 1 ноября 1953. № 215.

¹³ Поповцева Э.К. Изобразительное искусство Коми АССР первой половины XX века. – Сборник «Материалы и исследования» Национальной галереи Республики Коми. Вып. 2. С. 141.

¹⁴ Рябичев Дмитрий Борисович (род. в 1926 г.). Скульптор. Народный художник РСФСР, Лауреат Государственной премии СССР, Лауреат Международной премии ЮНЕСКО.

¹⁵ ГУ РК «Национальный архив РК». Ф. Р-1434. Оп. 1. Д. 9. Л. 80.

¹⁶ Э.Поповцева. Все краски жизни. – Красное знамя. 17 октября 1969 г.

¹⁷ Архив семьи В.Н. Мамченко.

¹⁸ Красное знамя. 30 июля 1963 г.

¹⁹ В. Кушманов. Власть над камнем. – Красное знамя. 24 октября 1967 г.

²⁰ В.Мерц. Образ и его воплощение. – Красное знамя. 18 июня 1967 г.

²¹ Письмо от 1 августа 1974 г. из Словакии в Вологду. Архив семьи художника.

²² Письмо от 2 августа 1974 г. из Словакии в Вологду. Архив семьи художника.

²³ ГУ РК «Национальный архив РК». Ф. 1434. Оп.1. Д. 41. Л.9.

²⁴ В настоящее время Сад скульптуры Национальной галереи Республики Коми.

Наталья Плаксина

Плаксина Наталья Евгеньевна — искусствовед, заместитель директора по научной работе Национальной галереи Республики Коми. Сфера научного интереса — история иконописи в Коми крае.

Иконопись, деревянная резная пластика, медное художественное литьё XVII – начала XX века из собрания Национальной галереи Республики Коми: коллекция и её история, памятники, проект

Коллекция и её история

Коллекция иконописи, деревянной резной пластики и медного художественного литья Национальной галереи Республики Коми начала складываться в середине 1970-х гг., когда у населения были приобретены первые иконы. Крупным поступлением, определившим в конечном итоге лицо собрания, стала коллекция известного в республике и за её пределами учёного-религиоведа Юрия Васильевича Гагарина (1932–1981), переданная в музей его супругой Э.М. Гагариной после смерти владельца. Ю.В. Гагарин – автор многочисленных публикаций, посвящённых вопросам истории религии в Коми крае. Юрий Васильевич собрал богатейший материал по религиозным верованиям коми, побывав с экспедициями в большинстве районов Коми республики, в Архангельской и Вологодской областях, Карелии, работая в архивах Сыктывкара, Москвы, Ленинграда, Вологды, Архангельска, Петрозаводска, Устюга и других¹. Неоценим его вклад в исследование вопросов старообрядчества в Коми крае. Экспедиционные отчёты Ю.В. Гагарина до сих пор служат важнейшим источником сведений по различным аспектам

¹ Юрий Васильевич Гагарин (1932–1981) // Христианство и язычество народа коми. Сост. Н.Д. Конаков. – Сыктывкар, 2001. С. 138.

истории старообрядчества. Интересной, но мало известной при жизни гранью личности учёного было его увлечение коллекционированием произведений религиозного искусства. Однако это занятие не носило учёного, исследовательского характера. Он, скорее, был любителем, безусловно, обладавшим художественным чутьём и знаниями. В числе 70-ти предметов религиозного искусства, поступивших в музей от Ю.В. Гагарина, были 36 произведений медного художественного литья, рукописные и старопечатные книги, а также 25 икон XVIII – начала XX вв., киотная скульптура «Св. Никола Можайский» и три резные доски с изображением Голгофы. Дотошный во всём, что касалось предмета его исследований, Ю.В. Гагарин, очевидно, фиксировал сведения о происхождении памятников, однако они, за редким исключением, не сохранились, что затрудняет атрибуцию его собрания. В 1984 г. от жительницы г. Сыктывкара Г.Б. Шароновой в музей поступила 21 живописная и печатная икона, 6 предметов медного литья и одна икона-врезка. Эта коллекция примечательна тем, что в её состав вошли иконы из храмов, а также произведения местных мастеров. Однако, так же, как и в случае с коллекцией Ю.В. Гагарина, сведения о происхождении памятников отсутствуют. В 1989 г. музей получил 18 произведений медного художественного литья из Всесоюзного художественно-производственного объединения (далее – ВХПО) им. Е.В. Вучетича (Москва), ранее находившихся в различных частных коллекциях Москвы – Е.Б. Ерофеевой, А.Н. Кричевского, А.И. Макарова, Ф. Насырова, Ю.Н. Николаенко, С.П. Сажина, Н.Я. Ситникова, В.А. Чибрикова. Пять предметов из собрания Николая Яковлевича Ситникова, предположительно, происходят из крупнейшей в России коллекции его брата, эмигрировавшего в 1974 г. московского художника Василия Яковлевича Ситникова (1916–1987)¹. Последнее крупное пополнение музеиного собрания состоялось в 2001–2002 гг. благодаря финансовой поддержке гранта ОАО КРБ «Ухтабанк». На средства гранта были приобретены 11 живописных икон и 22 предмета медного литья из различных частных собраний. В числе наиболее ценных приобретений – икона «Святые Пётр митрополит, Василий Великий, Прокопий Устюжский, Елемфий (?)» (XVIII в. Илл. 1) и левая створка трёхстворчатого складня «Деисус с избранными святыми» (Выг, XVIII в.). В остальном, музейное собрание пополнялось за счёт отдельных поступлений от жителей Республики Коми.

К настоящему времени коллекция насчитывает 194 памятника XVII – начала XX века, в том числе: 103 живописные, резные, печатные иконы, одну деревянную киотную скульптуру и 90 произведений медного художественного литья XVIII – начала XX века, в том числе: 17 крестов, 49 икон, 22 складня (включая фрагменты) и две иконы с врезанными предметами медного литья. Несмотря на случайный характер комплектования, в целом, коллекция отражает многообразие тенденций, характерное для религиозного искусства Нового времени и особенно ярко проявившееся в Коми крае в силу сложности его церковной истории и сосуществования различных форм народного благочестия.

¹ Часть своего собрания он оставил перед отъездом в дар Музею имени А. Рублёва. Об этом: Зотова Е.Я. Коллекция В.Я. Ситникова в собрании музея имени Андрея Рублёва // Русское медное литьё. – М., 1993. – Вып. 2. С. 68–71; Гнугтова С.В., Зотова Е.Я., Кресты, иконы, складни. Медное художественное литьё XI – начала XX веков из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва. – М., 2000. С. 15.

Памятники

Искусство северных мастеров XVII в. представлено в коллекции музея деревянной скульптурой «Святитель Никола Можайский» (конец XVII – начало XVIII вв. *Илл. 2*). Расцвет почитания деревянной скульптуры св. Николы Можайского на Русском Севере относится к XVI – началу XVIII вв. В ряду аналогичных памятников скульптура из музейного собрания отличается особым аристократизмом, изяществом пропорций и декора. Первоначально резная фигура составляла единое целое с киотом, который был впоследствии утрачен. В XIX в. она была врезана в иконную доску и закрыта окладом. Превращённая тем самым в подобие иконы-врезки, скульптура, скорее всего, бытowała в среде старообрядцев, откуда попала в коллекцию Ю.В. Гагарина. На связь со старообрядцами указывают прочеканенные на окладе знаки старой веры – двуярусные, двубуквенные титлы имени Христа, восьмиконечные кресты на главах храма.

В иконе «Вознесение» из праздничного ряда неизвестного иконостаса XVIII в. прослеживается влияние устюжской традиции (*Илл. 3*). Написанная на выпуклой деревянной основе, составляющей единое целое с частично утраченной орнаментальной резной рамой, икона представляет собой фрагмент ансамбля барочного иконостаса и отражает присущую этому стилю склонность к игре с пластическими формами. Влияние г. Великого Устюга было определяющим в церковном искусстве края в XVIII в. Талант устюжских резчиков создавались многоярусные, богато украшенные резьбой и деревянной скульптурой иконостасы каменных храмов, воздвигнутых в XVIII – первой половине XIX века. Устюжане принесли с собой приёмы письма в технике масляной живописи, оказавшие значительное влияние на формирование местной иконописной традиции Нового времени. Искусство устюжских мастеров представлено в собрании рядом произведений этого периода. В них наблюдается характерное для позднего провинциального искусства сохранение черт барочной стилистики.

Икона «Святители Афанасий и Кирилл Александрийские, в житии» (*Илл. 4*) представляет искусство местных мастеров рубежа XVIII–XIX вв. Развитие местной иконописи в крае в последней четверти XVIII в. связывается с именем черносотного крестьянина, иконописца Якова Иванова Попова (род. около 1748 – ум. после 1840)¹. Он жил с семьёй в Удорском погосте Кослан Яренского уезда, который покидал для выполнения заказов в храмах Яренского и Усть-Сысольского уездов. Яков Попов подписывал свои иконы, благодаря чему ещё в XIX в. целым рядом исследователей были зафиксированы его произведения на значительной территории края в бассейне Вычегды. Иконописец выполнял крупные

¹ О нём: ГУ РК «НАРК». Ф. 230. Оп. 1. Д. 197. Л. 2. Ф. 286. Оп. 1. Д. 217. Л. 67. Ф. 293. Оп. 1. Д. 2. Л. 391 об; Мельников С.Е., Суворов Н. Описание Спасской Ульяновской пустыни на реке Вычегде Вологодской губернии Усть-Сысольского уезда // ВЕВ. – 1867. № 3. – Прибавления. С. 88, 90; Степановский И.К. Вологодская старина // Историко-археологический сборник. – Вологда, 1890. С. 241; Тентюкова Ф. А. Из прошлого Коми края (материалы к своду памятников). – Сыктывкар, 1976. С. 31–32; Шляпин В.П. Удора // За работу! – Великий Устюг, 1921. № 1 (ноябрь). С. 79.

заказы церквей на написание икон для иконостасов. Много работал с сыном Елисеем, который унаследовал ремесло отца, передав его своему сыну Луке и внуку Афанасию. Однако география работ потомков Я.Попова сузилась до пределов прихода.

Подписных произведений иконописцев из династии Поповых, к сожалению, пока не выявлено. Сопоставление письменных источников и икон позволяет предположить, что кисти представителей этой династии может принадлежать довольно большой круг памятников¹, среди которых икона «Святители Афанасий и Кирилл Александрийские, в житии». Иконы этого круга написаны на массивных досках хвойных пород в технике многослойной казеиново-масляной живописи по тонкой клеевой охристой подложке². В стилистике нашёл воплощение своеобразный сплав принципов и упрощённой техники живописного письма сrudиментарными формами иконописи стиля Оружейной палаты. Иконы, как правило, написаны на голубых фонах, переходящих у линии позема в розовый цвет зари. Манера письма очень живописна и пластична. Отличительная особенность – своеобразные лики, сведённые к определённому «русскому» типажу, для которого характерны округлость, мягкие, словно детские черты лица, выражение улыбки на устах, придающее простодушно-наивный оттенок его персонажам.

Вторая половина XIX в. характеризуется активным ростом приходов в Усть-Сысольском уезде, который сопровождается сокращением отходничества устюжских мастеров и активизацией творчества местных иконописцев. Иконописное ремесло появляется в структуре занятий жителей Усть-Сысольска. В последней четверти XIX в. уездная столица становится центром иконописного ремесла в Коми крае. В самом городе писанием икон, резьбой иконостасов и чеканкой окладов занимались иконописцы из семьи Сорвачёвых. В пригороде Усть-Сысольска mestечке Кочпон иконописным ремеслом зарабатывало несколько крестьянских семей по фамилии Холоповы, в том числе женщины. В другом предместье Усть-Сысольска, селе Худяево-Дав, иконописанием занималась в трёх поколениях семья Худяевых.

Несмотря на то, что имена иконописцев известны, соотнести их с сохранившимся иконописным фондом пока не представляется возможным, поскольку не выявлены их подписные произведения. На основе сопоставления памятников собрания с аналогичным кругом икон из коллекции Национального музея Республики Коми, можно предположить, что храмовая икона «Покров Пресвятой Богородицы» (Илл. 5) написана иконописцем из семьи Холоповых, имя которого неизвестно³.

¹ Наиболее известен ансамбль икон из иконостаса Введенской часовни с. Средняя Отла Княжпогостского р-на Республики Коми (НМРК, КП НВ 2234/9-18). Одна из икон – «Воскресение Христово» – датирована на основании подписи: «1800 г.» (НМРК, КП НВ 2234/19).

² Сведения о технологии предоставлены И.Л. Огневой (НМРК), которая реставрировала этот комплекс икон в 1998–2003 гг.

³ «Воскресение Христово с двунадесятыми праздниками». 66,0x55,0x9,0. Основа из пяти досок, две сквозные врезные шпонки, смешанная техника, золочение. Поступила от А.Я. Болотовой, с. Часово Сыктывдинского р-на РК. НМРК. КП 6037/2. По сведениям владелицы, написана иконописцем Холоповым.

Основная масса памятников местного происхождения второй половины XIX в. представляет собой ремесленную продукцию, ориентированную на академические образцы своего времени. Местная иконопись Коми края была продуктом крестьянской культуры. И сами иконописцы, и их заказчики, были крестьянами или выходцами из этого сословия. Главным критерием для них была сакральная функция образа, эстетические качества иконы не играли решающей роли. Наиболее популярными были образы святых, покровительствующих повседневным крестьянским трудам и заботам – сельскохозяйственным занятиям, охоте и рыболовству, женским занятиям, покровители детей и семьи, целители различных болезней. Предельно упрощённой была и технология ремесла, которая заключалась в живописи масляными или смешанными красками тонким слоем по клеевому грунту, часто подцвеченному красной охрой. Между тем, в рамках этой крестьянской культуры появлялись произведения, удивляющие своей самобытностью, непосредственностью и выразительностью, как, например, ряд икон неизвестного автора, происходящих из Усть-Вымского района Республики Коми¹. К этому кругу принадлежит и икона «Святые мученики Кирик и Иулитта» (Илл. 6). Это небольшие домашние иконы, написанные, как правило, на старых досках. Грунт тонкий клеевой. Красочный слой эмалевидный, положен заливками плотного локального цвета в рамках чётких графических контуров. Набор красок ограниченный: охры красно-коричневые, жёлтые, немного белил, зелёный, синий. Золото не используется совсем. Иконография этих икон предельно упрощена, сведена к ключевым персонажам. Мастер не пытается украсить икону: поля, традиционно «притягательное поле творческих усилий»², либо отсутствуют, либо закрашены тёмной краской. Ликам присуща особая выразительность, даже экспрессия – качество, часто свойственное народному примитиву, независимо от его национально-культурной принадлежности. Такие же лица с широко распахнутыми миндалевидными глазами, с подчёркнутыми веками и дугообразными бровями, придающими образам оттенок глубокой архаичности, мы можем увидеть в искусстве многих христианских народов разных эпох.

Значительную роль в развитии иконописной культуры края во второй половине XIX в. сыграли монастыри. Возобновлённый в 1862 г. Свято-Троицкий Стефано-Ульяновский монастырь, несмотря на отсутствие в нём иконописных мастерских, благодаря масштабному строительству стал центром притяжения значительных сил иконописцев. В последней трети XIX в. на его территории был создан уникальный и целостный иконописный ансамбль, созданный лучшими мастерами своего времени: В.В. Шокоревым (Москва), С.Ф. и Ф.С. Талановыми (д. Ковшов Шуйского уезда Владимирской губернии), В.М. Пешехоновым (Санкт-Петербург), А.П. Зыковым (Санкт-Петербург), а также мастерской Санкт-Петер-

¹ Значительное число этих икон представлено в собрании Национального музея РК, в том числе «Богоматерь Владимирская» (НМРК. КП 5658/1); «Деисус» (НМРК. КП 5698/3); «Богоматерь Знамение» (НМРК. 5698/2); «Воскресение – Сопшествие во ад» (НМРК. КП 5698/1). Пост. в 1973 г. от А.И. Нефёдова, д. Эжол Усть-Вымского р-на РК.

² Тарасов О.Ю. Икона и благочестие: очерки иконного дела в императорской России. – М., 1995. С. 401.

бургского Новодевичьего монастыря¹. Большая часть икон создавалась в новом, «византийском» или «новогреческом» стиле, в то время мало известном в крае. Для него был характерен своеобразный сплав художественной системы академизма и древне-русского искусства. Большую роль в его эстетике играло золото. Отличительная особенность икон этого стиля – обильное золочение и декорирование фона и полей стилизованным орнаментом с использованием элементов византийской книжной миниатюры. Иконописные ансамбли Ульяновского монастыря, созданные в византийском стиле, создавали «насыщенную красотой празднично-возвышенную атмосферу «земного неба»², и производили неизгладимое впечатление на современников. Можно предположить, что именно Ульяновский монастырь был проводником новых тенденций в иконописной культуре края, а возможно, и школой мастерства для местных иконописцев. Так или иначе, к концу XIX в. в Усть-Сысольском уезде появляется собственный мастер, работающий в технологически сложном «византийском стиле» – Викентий Павлович Холопов, отец известного в Коми крае архитектора и художника Александра Викентьевича Холопова. В собрании галереи представлен целый ряд икон «византийского» письма, созданных в конце XIX – начале XX вв., в том числе для храмов края. Среди них особой красочностью, сложностью и богатством декора отличается икона «Святые мученики Флор и Лавр» (Илл. 7), созданная в одной из лучших столичных иконописных мастерских. В декоре её полей использованы стилизованные мотивы византийских орнаментов XI–XII вв.

В музейной коллекции есть несколько небольших иконок, привезённых на Север из мест массового паломничества: «Богоматерь Почаевская», «Преподобный Феодосий Тотемский», «Богоматерь Печерская с Антонием и Феодосием Печерскими чудотворцами». Подобные иконы, изображавшие местночтимых святых, как правило, писались по заказу монастырей в иконописных сёлах Владимирской губернии и продавались для паломников в иконных лавках. Небольшие лёгкие иконки на тоненьких дощечках были удобными и необременительными в долгом путешествии. Известно, что и Свято-Троицкий Стефано-Ульяновский монастырь заказывал подобные раздаточные образа иконописцам Ф.С. и С.Ф. Талановым в д. Ковшов Палеховской волости Шуйского уезда Владимирской губернии³.

На исходе XIX в. иконный рынок заполонили иконы на жести, выполненные в технике хромолитографской печати. Монополией на их производство обладали немецкие фирмы Жако и Бонакер⁴. Заказчиками печатных икон были монастыри, продававшие их в монастырских иконных лавках для паломников. Торговали металлическими иконами и в городских магазинах и церковных лавках.

¹ Плаксина Н.Е. Иконописцы Талановы и Ульяновская обитель (по материалам переписки) // XX век: Человек в Эпохе. Эпоха в Человеке. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Сыктывкар, 2006. С. 101–105; Она же. Переписка Троице-Стефано-Ульяновского монастыря 1867–1878 гг. как источник по истории русской иконописи // Архивы Республики Коми в современных условиях. Материалы науч.-практ. конф. – Сыктывкар, 2006. С. 31–41.

² Кириченко Е.И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX вв. – М., 1997. С. 328.

³ Плаксина Н.Е. Иконописцы Талановы... С. 101–105.

⁴ Тарасов О.Ю. Икона и благочестие... С. 254–261.

В Усть-Сысольске иконы на жести могли продаваться в универсальных торговых заведениях А.Ф. Сычева, В.П. Оплеснина, В. Комлина. Напоминавшие «писаные иконы в дорогих эмалевых окладах», сверкавшие «блеском латунного «самоварного» золота и имитированных драгоценных камней»¹, жестяные иконы быстро завоевали популярность у покупателей.

Помимо официального иконописания, отразившего в своей эволюции развитие форм современных течений светского искусства, на территории Коми края получила распространение «неофициальная» старообрядческая иконопись, сохранившая и развивавшая древнерусские традиции. Труднодоступный и малообжитой край был крупнейшим ареалом расселения старообрядцев беспоповского толка. На некоторых территориях Яренского и Усть-Сысольского уездов, например, в низовьях Вашки, в районе Верхней Печоры и верховьях Вычегды, старообрядцы составляли большинство населения². Беспоповцы придавали иконе особое значение в деле спасения, как единственному носителю истинных знаков веры. Поэтому обеспечение религиозной жизни общины «правильными» с их точки зрения иконами было для них особенно актуальным. Как правило, старообрядцы сохранили связи с единоверцами из других областей: Пермской, Вятской, Архангельской, Ярославской, Владимирской губерний, с Выгорецким Поморским общежительством и Московской Преображенской общиной. По этим каналам шло обеспечение единоверцев иконами и предметами культа.

Старообрядческая икона широко представлена в музейном собрании, преимущественно, памятниками из коллекции Ю.В. Гагарина, собранными во время многочисленных экспедиционных поездок учёного по районам Республики Коми, в Архангельскую, Вологодскую области, Карелию³. Например, икона «Воскресение-Сошествие во ад с избранными праздниками и клеймами Страстей Господних» (XIX в. Илл. 8), как следует из надписи на её обороте, сделанной рукой Ю.В. Гагарина, бытовала в среде старообрядцев Карелии – в д. Теньпозero Медвежьевского района.

Среди памятников старообрядческой художественной культуры в собрании Национальной галереи Республики Коми обращают на себя внимание резные иконы, также происходящие из коллекции Ю.В. Гагарина. Традиция изготовления резных досок сохранялась у коми-старообрядцев до 1920-х гг.⁴ Они использовались в качестве намогильных икон, ставились в хлеву для защиты скота от порчи и болезней, в лесных охотничьих избушках. По сведениям В.Э. Шарапова, изготавливались резные иконы артелями вычегодских мастеров-резчиков, а также привозились русскими мастерами из Прикамья⁵. Представленные в музейном собрании две резные доски, украшенные ланцетовидным орнаментом в углах (Илл. 9), имеют аналог в собрании Важгортского краеведческого музея (Удорский

¹ Тарасов О.Ю. Икона и благочестие... С. 254.

² Власова В.В. Коми староверы-беспоповцы // Атлас Республики Коми. – М., 2001. С. 341.

³ Юрий Васильевич Гагарин (1932–1981) // Христианство и язычество народа коми. Сост. Н.Д. Конаков. – Сыктывкар, 2001. С. 138.

⁴ Шарапов В.Э. Резные иконы // Атлас Республики Коми. – М., 2001. С. 207.

⁵ Там же.

район Республики Коми). По мнению В.Э. Шарапова, такие иконы могли делать удорские скрытники¹.

Среди жителей Коми края – как старообрядцев, так и приверженцев официального православия были широко распространены памятники медного литья. «Для коми-зырян, как и для других народов, было характерно наделение металла и металлических предметов магическими свойствами. Они считали, что железо, медь обладают целительными свойствами, способностью ограждать от нечистых сил, оберегают от сглаза и порчи»². «Медный образок считался самой надёжной охраной дома от бед, напастей, пожара»³. Медное литьё и сегодня является неотъемлемой частью традиционной культуры, участвует в обрядовой и повседневной практике современных старообрядцев.

Вопрос о литье икон среди местных старообрядцев изучен мало. В экспедиционных отчётах и публикациях Ю.В. Гагарина упоминается о том, что производство меднолитых икон было наложено в кельях скрытников на Верхней Печоре⁴. Сведения учёного заслуживают доверия, учитывая удалённость края от уездных центров и официальных властей, наличие здесь месторождения медных руд (в районе Бердыша) и производственной базы. В Бердыше, среди жителей которого был силён раскол, в конце XIX – начале XX вв. действовал небольшой чугуннолитейный завод, принадлежавший нижегородскому купцу⁵.

Одним из крупнейших центров старообрядчества на низовой Печоре с начала XVIII в. до середины XIX в. был Великопоженский скит. Расцвет его деятельности связывается с приходом на Пижму в 1733 г. помора из Олонецкого Даниловского скита Ивана Анкиндиновича, возглавившего жизнь в пижемском монастыре⁶. Он поддерживал тесные контакты с Выгорецкой обителью, наладил в монастыре службу по образцу поморских скитов⁷. Известно, что в Великопоженском ските действовала мастерская по переписыванию книг⁸. Организация деятельности скита по сложившимся к 1710–30 гг. выгорецким уставным правилам⁹ предполагала и обеспечение её молитвенных потребностей «правильными» меднолитыми иконами. Документальных сведений о существовании на Пижме медницы нет. Между тем, наличие месторождений медных руд на р. Цильме допускает предположение о возможном литье икон на месте в определённый период жизни общины¹⁰. Тем не менее, в историографии вопроса утвердилось мнение о преиму-

¹ Шарапов В.Э. Резные иконы // Атлас Республики Коми. – М., 2001. С. 207.

² Власова В.В. Медное литьё в традиции коми старообрядцев (ареалы, типология, ритуальные функции): серия препринтов «Научные доклады» / Коми научный центр УрО Российской АН. – Вып. 478. – Сыктывкар, 2005. С. 13.

³ Мифология Коми / Н.Д. Конаков, А.Н. Власов, И.В. Ильина и др. / Науч. ред. В.В. Напольских – М., 1999. С. 399.

⁴ Гагарин Ю.В. Из истории старообрядчества и скрытничества на Верхней и Средней Печоре // Христианство и язычество народа коми. – Сыктывкар, 2001. С. 135.

⁵ Республика Коми: Энциклопедия. Т.1. – Сыктывкар, 1997. С. 254.

⁶ Дронова Т.И. Усть-Цильма // Атлас Республики Коми. – М, 2001. С. 355.

⁷ Там же.

⁸ Там же – С. 356.

⁹ Юхименко Е.М. Старообрядческая столица на севере России // Неизвестная Россия. К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. – М. ГИМ. 1994. С. 8.

¹⁰ Носов Я.Н. Из истории цилемских рудников // Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни): материалы Всероссийской научно-практической конфе-

щественно привозном характере меднолитой пластики¹. Коми старообрядцы поддерживали тесные контакты со своими духовными центрами, откуда получали книги, иконы, медное литьё. «На Вашку литые образа поступали из Москвы, Поморья; на верхнюю Вычегду литьё поставляли старообрядческие общины северо-востока России (Чердынь), Москвы, Поморья, в то же время литые образа привозились и староверами-поповцами»². Прочные связи со своими духовными центрами – Выго-Лексинским поморским общежительством, а позднее Московской Преображенской федосеевской общиной – поддерживали и старообрядцы Усть-Цильмы. Литые изделия привозились как самими старообрядцами, так и приобретались у оленей на ярмарках³.

По наблюдениям исследователей, на Удоре, на средней и верхней Печоре, верхней Вычегде преобладает литьё так называемого «поморского типа», связанное с идеологией старообрядчества беспоповского поморского согласия⁴. Поморское литьё сохраняется и в среде усть-цилемских старообрядцев. Это понятие объединяет изделия, созданные для потребностей культа старообрядцев-беспоповцев по образцам, разработанным в медницах Выго-Лексинского поморского общежительства, духовного центра русского старообрядчества, возникшего в Олонецкой губернии на берегу Онежского озера в конце XVII в. Медница была основана на Выгу в 1719 г. и бесперебойно работала до его закрытия в середине XIX в.⁵ Здесь были разработаны основные типы поморского литья – кресты, иконы, складни. Среди них – знаменитые большие праздничные створы «Двунадесятые праздники», трёхстворчатые складни «Деисус» и «Деисус с избранными святыми», киотные и большие напрестольные кресты с изображением «Спаса Нерукотворного» на верхнем конце. Изделия выговских мастеров копировались в многочисленных старообрядческих скитах и медницах Поморья. С XIX в. Выговские изделия стали образцами и для московских литейных мастерских, обогативших поморскую пластику новой иконографией и приёмами орнаментации. В конце XIX – начале XX вв. через москвичей традиции поморского литья продолжились в меднолитых заведениях Костромской и Вятской губерний. Изделия поморского типа, созданные в Выгорецком периода её расцвета в XVIII в., относятся к лучшим образцам медного художественного литья Нового времени. Их отличает техническое совершенство, композиционная продуманность, сложность и повествовательность развёрнутой иконографии, красота эмалевого декора.

Памятники «поморского типа» преобладают в коллекции Национальной галереи Республики Коми. Высокое искусство выговских мастеров начала XVIII в. представлено единственным образцом. Это левая створка классического поморского складня «Деисус с избранными святыми» (Илл. 10). В этой иконографической композиции воплощена идея молитвенного предстояния наиболее почитаемых святых и патронов Выговской обители – апостола Иоанна Богослова, свя-

ренции (Республика Коми, с. Усть-Цильма, 10–13 июля 2006 г.) – М.-Сыктывкар, 2006. С. 349–351.

¹ Власова В.В. Медное литьё в традиции... С. 8.

² Там же. С. 12.

³ Власова В.В. Коми староверы-беспоповцы... С. 343.

⁴ Власова В.В. Медное литьё в традиции... С. 10, 11.

⁵ Винокурова Э.П., Молчанова О.В., Петрова Л.А. Медная пластика // Неизвестная Россия: к 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. – М. ГИМ. 1994. С. 37.

тителей Николы Чудотворца и Филиппа митрополита, Ангела-Хранителя и преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Фрагментарность складня объясняется тем, что, несмотря на существовавшие запреты¹, такие складни часто делились между родственниками как приданое или наследство. Особенность створки из музеиного собрания – легковесность, тонкость отливки, шелковистая гладкость оборота, живописность рельефа, огневое золочение внутренней поверхности, словно овеянной сиянием божественного света. Все эти признаки характеризуют старое поморское литьё раннего периода существования медниц на Выгу. Другие ранние памятники поморского типа в собрании, датируемые XVIII в., происходят из коллекции Ю.В. Гагарина. Это две створки поморского складня «Деисус с избранными святыми», украшенные эмалями и икона «Деисус» (Илл. 11). Последняя представляет собой классический образец поморской пластики. В ней, несмотря на значительную потёртость рельефа, ощущается совершенство композиции, живописная пластика рисунка, изящество пропорций.

Богословско-догматическая программа изделий «поморского типа» ярче всего воплощена в крестах «Распятиях». Для них характерно присутствие в оглавии изображения «Спаса Нерукотворного» и титла «ЦАРЬ СЛАВЫ ИС ХС НИКА». Среди поморских крестов-Распятий в музейной коллекции наибольший интерес представляет крест киотный «Распятие Христово с предстоящими» конца XVIII – начала XIX вв. (из собрания Ю.В. Гагарина. Илл. 12), декорированный эмалями двух цветов – пастельного голубого и прозрачного синего. Кресты такого типа широко бытовали в Усть-Цильме. Аналогичный крест более позднего происхождения был передан в музейную коллекцию жительницей этого села.

Среди произведений «поморского типа» в музейном собрании преобладают отливки XIX в., очевидно, созданные по выговским образцам в медных заведениях московской федосеевской Преображенской общины. Уже в первой половине XIX в. московская меднолитая продукция имела широкое распространение среди старообрядцев. Московские мастера восприняли традиции, образцы иконографии, приёмы многоцветного эмалевого декора, обогатили приёмы украшения медного литья новыми видами орнаментации. Московские отливки неоднородны по качеству, но в целом массивнее и грубее выговских при столь же тщательной обработке. Многие московские изделия имеют авторские монограммы, благодаря чему установлены имена ряда мастеров. Среди них наиболее известен Родион Семёнович Хрусталев, ведущий мастер литейного заведения на улице Девятой Роты, работавший в период с 1872 до начала XX в.² Его изделия неизменно отличались высоким качеством литья, со следами прочеканки рельефа и обработкой напильником обратной стороны³. В музейной коллекции представлены четыре иконы с его монограммами: «Спас Нерукотворный» (Илл. 13), «Чудо Георгия о змие», «Вход Господень в Иерусалим», «Избранные святые» (Илл. 14). На иконе «Спас Нерукотворный» сохранилась цифровая маркировка, позволяющая датировать отливку 1885 годом⁴.

¹ Власова В.В. Медное литьё в традиции... С. 16.

² Зотова Е.Я. О московских «медных заведениях» // Старообрядчество в России (XVII–XX веков). – М., 1999. С. 409–415.

³ Там же. С. 411.

⁴ Отливки с датой «1885» известны в частных собраниях г. Москвы.

На Верхней Вычегде, как в местах поселений старообрядцев, так и среди придерживавших официального православия, наряду с памятниками «поморского типа» были широко распространены изделия, отражающие идеологию старообрядцев-поповцев, приемлющих священство. Исследователями отмечается присутствие на этой территории предметов литья¹, которые могли быть созданы в многочисленных кустарных мастерских Московской, Нижегородской, Владимирской губерний, на Урале и в Сибири и разными путями попадали на территорию края. Наиболее известным и крупным центром производства медного литья для старообрядцев-поповцев были сёла в Богородицком уезде Московской губернии. По названию местности – Гуслицы – за литьём подобного типа закрепилось название «гуслицкого». Понятие это довольно условно и включает в себя очень разнородные памятники, отливавшиеся в различных местных сельских мастерских или заведениях. Его художественная специфика – лёгкость отливки, упрощённая грубоватая лубочная пластика рельефа, навершие в виде херувимов на штифтах, скромный эмалевый декор или его отсутствие. Иконографическое отличие гуслицких отливок – изображение Саваофа или Господа Великого Архиерея в завершении крестов и створ. Кресты «Распятие Христово», изготавливавшиеся для поповцев, сопровождались «пилатовым» титлом «ИИЦІ» («Иисус Назарянин Царь Іудейский») над головой Христа. Почти обязательным признаком крестов этого типа было присутствие на обороте текста молитвы кресту полной или сокращённой редакции. Данный тип изделий представлен в собрании значительно меньшим числом памятников. Из пяти крестов «Распятий» этого типа два происходят из московских собраний и не связаны в своём бытования с Коми краем, один поступил в 1982 г. от жительницы с. Усть-Цильма Чупровой. Последний, очевидно, принадлежал приверженцу беспоповского согласия федосеевского толка (т.н. «титловцы»), распространявшегося в Усть-Цильме в XIX в.² Это единственное беспоповское согласие, признававшее правильность пилатова титла «ИИЦІ»³. В группе памятников «гуслицкого типа» развёрнутой композицией отличается крест киотный «Распятие Христово с праздниками и херувимами» XIX в., происходящий из коллекции Ю.В. Гагарина (*Илл. 15*).

Другим крупным центром производства медного литья был Никологорский Погост Вязниковского уезда Владимирской губернии, где отливались иконы по древним образцам XV–XVI вв. Никологорские отливки также имели хождение среди верхневычегодских старообрядцев. Искусство литейщиков Владимирской губернии представлено в музеиной коллекции двумя иконами «Благоверные князья Борис и Глеб» (*Илл. 16*) и «Чудо Георгия о змие», выполненными во второй половине XIX в. по иконографии XVI в. Их художественная особенность – ведущая роль отточенного силуэта в создании выразительной пластики образа, рожденной технологией просечного литья с выборкой фона.

В среде старообрядчества получил особое распространение особый тип сакральных предметов, сочетающих в себе деревянную основу и меднолитую пластику. Исследователи выделяют две разновидности подобных памятников⁴. В перв-

¹ Власова В.В. Медное литьё в традиции... С. 12.

² Власов А.Н. История старообрядчества в Коми крае // Атлас Республики Коми. – М., 2001. С. 338.

³ Власова В.В. Медное литьё в традиции... С. 6.

⁴ Велижанина Н.Г. Старообрядческие иконы с врезными произведениями медного литья // Русское медное литьё. – М., 1993. – Вып. 1. С. 81.

вой основную смысловую нагрузку несёт произведение меднолитой пластики, а доска служит декоративным обрамлением – так называемые «кивотки». Среди старообрядцев Коми края наиболее распространены киотные кресты, оформленные в простую деревянную основу без декоративной расцветки. Другая разновидность изделий – это так называемые иконы-врезки, где меднолитая пластика и живопись несут равную смысловую и художественную нагрузку¹. Основной тип такого рода сакральных предметов – это также кресты «Распятие Христово», обрамлённые живописным изображением предстоящих и святых на полях. Иногда изображение дополнялось вставками меднолитых икон. Живописные иконы-врезки бытуют в среде усть-цилемских старообрядцев. В собрании галереи представлены две иконы с врезанными меднолитыми крестами «Распятиями», увенчанными изображением Господа Саваофа и титлом «ИНЦИ». Такого рода произведения представляют особый интерес для исследователей медного литья, так как иконная доска нередко несёт дополнительную информацию, позволяющую точнее атрибутировать меднолитой памятник. Однако литые предметы могли заменяться с течением времени на аналогичные по форме. Поэтому так ценные полностью аутентичные, сохранившиеся в первозданном виде памятники, к числу которых относится икона «Распятие Христово с предстоящими» с врезанным крестом (Илл. 17). На её обороте имеется надпись, из которой следует, что покупка и врезка готового «фунтового» креста входила в содержание заказа иконописцу наряду с перечнем избранных святых.

Изучение музейной коллекции началось в конце 1980-х гг. Первым опытом её атрибуции стал каталог научного сотрудника галереи Галины Валерьевны Пунеговой, принятый Учёным советом НГРК в 1996 г. (в рукописи²). По мере комплектования (с 1996 г. коллекция пополнилась 46 экспонатами) и дальнейшего изучения музеиного собрания были накоплены новые данные, в том числе, полученные в результате работы с архивными материалами – приходно-расходными книгами церквей, церковными описями и летописями. Они позволили продолжить работу по атрибуции и систематизации коллекции, результатом которой стал новый научный каталог, в который были включены произведения деревянной резной пластики, а также экспонаты научно-вспомогательного фонда.

Проект

В 2007 году Национальная галерея Республики Коми стала одним из шести финалистов конкурса в рамках Благотворительной программы «Музеи Русского Севера», объявленного по инициативе и при финансировании компании «Северсталь» в поддержку музеев изобразительного искусства. Административное и экспертно-методологическое сопровождение программы осуществляют российское отделение международной благотворительной организации CAF (Charities Aid Foundation). Проект, предложенный Национальной галереей РК, предусматривал иллюстрированное издание научного каталога музейной коллекции икон и издание CD-диска с мультимедийной образовательной программой об иконе для детей

¹ Велижанина Н.Г. Старообрядческие иконы с врезными произведениями медного литья // Русское медное литьё. – М., 1993. – Вып. 1. С. 81.

² Научный архив ГУК НГРК.

среднего и старшего школьного возраста. Таким образом, в рамках проекта традиционное классическое направление музейной деятельности сочеталось с инновационным. Последнее стало для галереи абсолютно новым направлением деятельности, поскольку сотрудники музея ещё не имели опыта создания мультимедийных продуктов.

Работа продолжалась в течение года. Её результатом стали два издания: научный каталог коллекции «Иконопись, деревянная резная пластика, медное художественное литьё XVII – начала XX века из собрания Национальной галереи Республики Коми» и диск «О чём молчат иконы?».

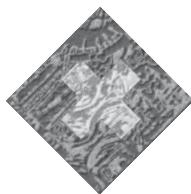
Каталог «Иконопись, деревянная резная пластика, медное художественное литьё XVII – начала XX века из собрания Национальной галереи Республики Коми» (автор-составитель Н.Е. Плаксина, перевод на английский язык А.А. Атрашкевич, макет и художественное оформление А.В. Попов, фото экспонатов С.А. Зиновьев, М.А. Изъюров, Д.В. Черницын) включает изображения и описания 194 произведений (на русском и английском языках). Произведения систематизированы, классифицированы и представлены в двух разделах издания: «Иконопись, деревянная резная пластика XVII – начала XX века» и «Медное художественное литьё XVIII – начала XX века». В водных статьях к разделам раскрывается история иконописи в Коми крае, рассматривается бытование медного художественного литья среди старообрядцев края, содержится описание коллекций. Издание сопровождается редкими фотографиями, многие из которых публикуются впервые. Книга адресована специалистам-искусствоведам, историкам, краеведам, музеям, работникам, коллекционерам, а также широкому кругу читателей, интересующихся культурой и искусством Русского Севера.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства национальной политики Республики Коми и Министерства культуры Республики Коми.

Мультимедийная образовательная программа «О чём молчат иконы? Виртуальное путешествие в мир русской иконописи XVIII – начала XX века из собрания Национальной галереи Республики Коми» (составители Л.М. Быстро娃, Н.Е. Плаксина, дизайнер А.В. Попов, программирование осуществлено компанией «Мультимедиа проект») рассказывает об иконе на основе памятников собрания Национальной галереи РК детской аудитории. Создатели диска приглашают пользователя совершить виртуальное путешествие в музей – место, где хранятся, изучаются, реставрируются памятники прошлого. Проводником в этом путешествии является Музейный Хранитель – анимированный персонаж, созданный дизайнером проекта А.В. Поповым. Он подсказывает пользователю, что можно узнать в том или ином разделе программы, помогает при выполнении увлекательных интерактивных заданий, предусмотренных в качестве закрепления полученных знаний в конце каждого раздела программы. Программа позволяет побывать в мастерской иконописца и познакомиться с тем, как создаётся икона. В этом разделе использованы материалы, любезно предоставленные сыктывкарским иконописцем Г.С. Тонковым. В мастерской реставратора можно узнать, что такое реставрация, с помощью каких инструментов и материалов реставрируются иконы. В кабинете исследователя можно попытаться постичь символический язык иконы, познакомиться с сюжетами и образами Священной Истории. Исторические сведения об иконописцах, о почитании и бытовании икон в Коми крае

содержатся в разделе «Архив». В виртуальном хранилище представлены памятники из собрания НГРК, систематизированные в соответствии со структурой каталога, с кратким описанием каждого из них. В виртуальной библиотеке можно узнать, какие книги помогли составителям в создании диска и позволят пользователю полнее познакомиться с темой программы. Здесь же содержится краткий словарь терминов.

Образовательная программа «О чём молчат иконы?» не только приобщает школьников к музейной коллекции, актуализирует образовательный потенциал музеиного собрания, но и, что особенно важно сегодня, знакомит с ролью музея в деле сохранения и изучения памятников религиозной культуры. Она восполняет нехватку подобного рода образовательных программ, ориентированных именно на детскую аудиторию. Программа может быть использована в образовательном процессе на уроках истории, краеведения, истории искусства, культурологии, мировой художественной культуры, а также в преподавании гуманитарных дисциплин в высшей школе. Диск с образовательной программой расширяет потенциальную аудиторию посетителей галереи, даёт возможность познакомиться с её собранием людям с ограниченными возможностями, жителям отдалённых районов республики, а также живущим за пределами республики. Программа установлена на сенсорном киоске в постоянной экспозиции христианского искусства НГРК, где с ней могут познакомиться все посетители галереи, что, безусловно, обогащает постоянную экспозицию, делает её информационно-насыщенной, открывает посетителям доступ ко всем памятникам коллекции. Первый в галерее опыт создания подобных программ открывает перспективы для дальнейшей деятельности музейных сотрудников в этом направлении.

Обзоры. Рецензии. Новости

Поэт, учёный, педагог

Всероссийская конференция с таким названием состоялась в Сыктывкарском государственном университете в рамках мероприятий, посвящённых столетию известного коми поэта, математика, первого заведующего кафедрой высшей математики университета, профессора Николая Адриановича Фролова. Выступившие на открытии конференции председатель Союза писателей РК Е.В. Козлова, ректор КГПИ профессор В.Н. Исаков, профессор А.Г. Порошков, проректор по учебной работе А.Ю. Тимофеев рассказали об интересной судьбе Н.А. Фролова, человека, который одинаково успешно творил и в математике и в поэзии. Николай Адрианович – известный коми поэт, автор переводов на коми произведений А.С. Пушкина, М.Горького, автор поэмы «Домна», исторической драмы «Шыпича», в своё время возглавляя Союз писателей Коми. В рамках конференции работало 4 секции. Две из них были связаны с математикой и методикой преподавания. Николай Адрианович – автор известных учебников по математическому анализу, учебников, на которых училось не одно поколение студентов-математиков Советского Союза, эти учебники были переведены и на иностранные языки.

Выступление председателя Союза писателей РК Е.В. Козловой.

Этика коми литературы» обсуждались литературоведческие вопросы, в том числе, и по стихам Н.А. Фролова.

К открытию конференции при финансовой поддержке Министерства национальной политики Республики Коми университетом был издан сборник материалов, в который вошли не только тезисы докладов, но и воспоминания о Н.А. Фролове, его избранные стихотворения.

В Музее истории просвещения Коми университета открылась выставка «Самородок коми Пармы», знакомящая с жизнью и творчеством этого замечательного человека. Среди экспонатов – личные вещи Николая Адриановича, сборники стихов и учебники, членский билет Союза писателей СССР, выписанный на имя Н.А. Фролова Александром Фадеевым. Долгое время Н.А. Фролов заведовал математической кафедрой в одном из ведущих вузов страны – Московском энергетическом институте. Когда в 1972 году открывался Сыктывкарский университет, Николай Адрианович просто не мог не откликнуться на просьбу ректора вуза В.А. Витязевой помочь в становлении нового вуза. Он взялся за организацию кафедры высшей математики университета, одновременно читал основные курсы. Николай Адрианович был талантливейшим педагогом, в его лекциях умело сочеталась высота научного уровня и ясность изложения. Преподаватели математического факультета гордятся, что судьба свела их с Николаем Адриановичем, что они имели возможность учиться у него далеко не простой науке преподавания. На факультете помнят о своём первом заведующем. В университете открыта мемориальная доска. Лучшие студенты-математики получают стипендию имени Фролова. А день рождения Н.А. Фролова (14 апреля) кафедра математического анализа СыктГУ считает своим днём рождения.

Афанасий Канев

«Асья кыа» – утренняя заря

1.

В далёком 1933 году, при участии известного поэта и драматурга Виктора Савина, на Коми областном радио был организован первый профессиональный хор. А вскоре приказом № 22 от 11.03.1939 г. Управления по делам искусств при Совнаркому Коми АССР создан Коми национальный ансамбль песни и пляски (так он назывался в первое время). Руководителем, администратором и дирижёром нового коллектива был назначен Борис Павлович Семячков. Тогда же было принято решение объединить новый ансамбль с хором радиокомитета. А в 1978 году ансамблю дали название «Асья кыа» (Утренняя заря). В первое время артистам приходилось репетировать и выступать в фойе и на сцене Коми республиканского драматического театра, в педагогическом институте и клубах, лесопунктах и «красных уголках» различных предприятий.

Исходным материалом для первых концертных программ нового музыкального коллектива послужил сборник коми народных песен, собранных в 20-е годы Виктором Савиным и Павлом Анисимовым.

Самыми первыми в штат ансамбля были зачислены певцы: Ф. Кузнецова, М. Миронникова, Н. Ахолина, Е. Рябова, А. Прокушева, Е. Кажина, Е. Мишарина, А. Сорвачёва, С. Мишуринская, баянисты: А. Малыгин, А. Рассыхаев, В. Соснин, И. Сурнин. Зарплата артистов хора составляла в то время от 125 до 250 рублей, у баянистов чуть повыше – от 400 до 550 рублей. Неплохие деньги для довоенного Сыктывкара. Директором нового коллектива был назначен Виктор Васильевич Пятницын, художественным руководителем – профессор Московской консерватории Александр Александрович Воронцов. По архивным документам, в 1939 году ансамблем было проведено всего шесть концертов. В сентябре 1940 года ансамбль впервые выехал на гастроли по родной республике – в Усть-Вымский, Прилузский, Усть-Куломский и Корткеросский районы. В том же месяце 7 концертов прозвучало на радио, 12 концертов было дано на открытых площадках города – парках, садах, площадях...

Официальное открытие 1-го концертного сезона уже знакомого зрителям ансамбля состоялось 5 и 6 октября 1940 года в здании педагогического института. Зал приветствовал выступление понравившегося коллектива бурными аплодисментами.

В грозное военное лихолетье, несмотря на трудности, коллектив стал совершеннее, сплошнее. Ансамбль выезжал в самые отдалённые колхозы и лесопункты, на строительные площадки и шахты, вдохновляя своими выступлениями трудовой народ, вселяя в них уверенность в Победе. Не случайно многие участники ансамбля были награждены правительством медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Но необходимо было постоянно совершенствовать актёрско-исполнительское мастерство, расширять штат и обновлять репертуар. Для этого в ансамбль принимались прошедшие специальное обучение новые талантливые артисты, приобретались музыкальные инструменты и нотный материал, шились концертные костюмы, приглашались профессиональные руководители хора, постановщики танцев...

2.

Прошлое ансамбля – это судьбы многих и многих неординарных личностей. Судить о том или ином исполнителе или руководителе сейчас мы можем лишь по обрывкам воспоминаний их современников, по архивным справкам да по пожелавшим страницам прессы прошлых лет. Люди, события, времена, музыка, танцы, пёстрая картина мира – всё бесконечно обновляется. Но есть вещи незыблемые, нетленные, не подвластные дыханию времени.

Танцевальная группа песни и танца Коми АССР. 60-е годы

В репертуаре ансамбля – это так называемый «Золотой фонд» – хоровые и оркестровые произведения, блестящие хореографические композиции, до наших дней сохранившие свежесть, сочность национального колорита: «Выль пими» (Новые пимы), «Праздник оленеводов», «Гажа ворсантарь-яс» (Весёлые постучалочки), «Круг гёйёр» (По кругу), «Коми хороводная и плясовая», «Удорская плясовая», «Танец девушек с чипсанами», «Деревенъка моя», «Изъваса чышъян» (Ижемские шали), «Северные звонь» и другие.

Не забыты имена и тех людей, кто создавал эти произведения. Профессор А. Воронцов, местный учитель пения, скрипач

И. Оплеснин, заслуженный деятель искусств Удмуртии А. Каторгин заложили основу хорового репертуара ансамбля, сохранили и обогатили музыкально-песенную коллекцию. Без остатка преданные своему ремеслу, неутомимые собиратели коми фольклора, искусствоведы П. Анисимов, М. и С. Кондратьевы, коми композитор, музыкoved, заслуженный работник культуры РФ П. Чисталёв побывали в самых отдалённых уголках Коми края. Встречаясь с талантливыми песенниками и сказителями из народа и записывая с голоса сотни коми народных песен, напевов, притчаний, частушек, они собрали и обработали богатейший материал, создав редкие по красоте и сложнейшие по манере исполнения песенные образцы. Такие, например, как «Тувсов вой» (Весенняя ночь), «Югыд кодзув» (Светлая звезда), «Ыллынын» (Далеко-далеко), «Асья кыя» (Утренняя заря), «Коми кыв» (Коми язык), «Алой ленточка» (Алая ленточка), «Ёксинъя-пё-краса» (Аксинья-краса), «Рытъя шу кадё» (Вечерней порой) и т.д.

Классик коми музыки, первый профессиональный композитор, музыкoved, кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств Коми АССР Александр Георгиевич Осипов, руководивший ансамблем в 1940–50-е годы прошлого столетия, сочинивший множество произведений и обработавший свыше двухсот народных песен, защитивший докторскую диссертацию по теме «Песни народа коми», издавший в Москве несколько музыкальных сборников и книг («О коми музыке и музыкантах», «Коми народные песни» и др.), внёс неоценимый вклад в историю изучения народных мелодий, ставших достоянием республики.

При художественном руководителе ансамбля, заслуженном деятеле искусств Коми АССР Михаиле Марковиче Зерницком (он работал в ансамбле с 1947 по 1953 год) больше внимания стало уделяться театрализации вокально-танцевальных композиций. Неизменную зрительскую любовь завоевали искромётный «Праздник оленеводов», вот уже более полу-

века на «ура» принимаемый публикой, «Ижемские шали», «Круг гёйёр»... Расширились гастрольные рамки. Ансамбль впервые выехал с концертами за пределы своей республики – в Свердловскую и Пермскую области.

Режиссёр-постановщик концертных номеров Госансамбля Николай Николаевич Массальский в 1960–70-е гг. активизировал культурное обслуживание сёл, районов Коми республики, организовывал лектории по пропаганде коми музыки и литературы.

В разные годы руководили ансамблем и другие увлечённые и одарённые люди, подлинные художни-

Солистки хора (слева направо): Г. Терентьева, Р. Орехова, Н. Майсерик, П. Филиппова

ки своего дела: Вацлав Мастеница, Борис Молдавский, Александр Лапский, Галина Пыстина, Валерий Котиков, Владимир Самарин, Виктор Морозов, Валерий Волохов...

Огромный вклад в стилистику хореографии внесли талантливые балетмейстеры: Владимир Тарантов, Наталья Генчель, Юрий Касатов, Борис Крацин, Лев Вагапов, Виктор Копылов, Валентин Соколов, Анатолий Моисеев, Владимир Марьиншин, Анатолий Брунилин, Станислав Тригуб, Михаил Круглицков, Виктор Миронов, Алексей Мулин, Николай Андросов, Борис Мягков, Игорь Скляр...

Более тридцати лет главным хормейстером ансамбля проработала заслуженный деятель искусств России, заслуженная артистка Коми АССР Галина Серафимовна Пыстина. Педагог с большой буквы, она внесла неоценимый вклад в развитие хорового искусства Республики Коми, в пропаганду произведений коми композиторов, в сохранение национальных традиций коми народа.

В исполнении хора особенно проникновенно звучат обработки коми народных песен из «Золотого фонда» – «Сирчуны-вирчуны» в обработке В. Мастеницы, «Асья кыя» (Утренняя заря) и «Кёкё» (Кукушка) в обработке А. Осипова и др., произведения композиторов Республики Коми: А. Осипова, В. Савина, Я. Перепелицы, В. Мастеницы, П. Чисталёва, А. Кааторгина, В. Морозова и др.

Жемчужиной Коми Земли называли бесменную ведущую всех программ «Асья кыя» – заслуженную артистку Республики Коми Тамару Ратчину. Признанная лучшей ведущей нашей страны, в каждой зарубежной поездке она приветствовала зрителей на языке принимающей стороны.

С приходом в 1974 году в ансамбль нового художественного руководителя – Виктора Петровича Морозова, в творческой жизни коллектива открылась новая яркая страница. На основе коми фольклора он создал некий синтез, сложную структуру музыкального представления – гармонично объединил хор и балет, создал профессиональный оркестр, придав действу современную музыкальную, танцевальную, декоративно-световую окраску, добавив колоритное звучание коми национальных музыкальных инструментов. Традиционную форму ведения концертов с выходом ведущей и объявлением номеров заменил на концептуально новую – концерт-спектакль, феерию с непрерывно сменяющимися друг друга концертными номерами, подчинёнными единому режиссёрскому замыслу, ассоциативно-образному строю.

В хороводах и отдельных номерах активно стали использоваться коми национальные музыкальные инструменты: чипсан, пёлян, скомёд буксан, брунган (концертные программы «Шондібаной» / Солнцеликая/, «Парма мойд» /Таёжная сказка/, «Уна рёма войыв» /Многоцветье севера/). Кстати, инструменты эти были сделаны на заказ большими мастерами, художниками прикладного искусства Владимиром Павловым, Александром Забоевым и Александром Большаковым. А начало этой коллекции положил собиратель песен, великолепный знаток коми фольклора, композитор Прометей Ионович Чисталёв.

Тарантов В.И.

Морозов В.П.

В центре – заслуженный артист РК Е.Жильцов

Где бы ни показывал своё мастерство ансамбль – ему везде сопутствовал успех! По возвращении коллектива из гастрольных поездок, вслед ему, как правило, летят в Сыктывкар благодарственные письма, телеграммы, приглашения... И в каждом – слова признательности: «Благодарим Вас за сотрудничество. Мы и наша публика были очарованы качеством хореографии, постановок и красотой костюмов... Надеемся, что мы ещё увидимся». Над созданием костюмов для артистов ансамбля в разные годы трудились талантливые мастерицы – заслуженная артистка Тувинской АССР Алла Фролова, Наталия Григорьева и другие. Художника по костюмам, заслуженного работника культуры Тувинской и Коми АССР, Елизавету Аксельрод можно назвать первопроходцем в области создания стилизованного коми национального концертного костюма. Волшебство творила своими руками, придумывая эскизы сценических нарядов и воплощая их в жизнь, заслуженный деятель искусств Северо-Осетинской, Удмуртской и Коми АССР, заслуженная артистка Тувинской АССР, член Московского комитета художников-графиков Марина Барт. Тёплые слова признательности звучат не только в адрес артистов, руководства ансамбля и республиканской филармонии, но и в адрес Главы Республики Коми. После недавнего выступления «Асья кыя» в Кремле (в декабре 2008 г.) на имя Главы РК пришло официальное письмо от дирекции Кремлёвского дворца: «Выступление Государственного ансамбля песни и танца РК «Асья кыя» – одного из самых высокопрофессиональных коллективов нашей страны – стало достойным украшением концерта. Благодарим Вас и коллектив ансамбля».

В 1999 году Госансамбль своим мастерством покорил и жюри и зрителей VI Международного фольклорного фестиваля в Пиренеях (Франция, Испания), став лучшим среди 45 музыкальных профессиональных коллективов из 25 стран мира. Нередко ансамблю из Республики Коми оказывается почётная миссия представлять на подобных крупнейших фестивалях не только северный регион, но и в целом Россию. Лишь только «Асья кыя» появляется на подмостках, зрители начинают бурно скандировать: «Рос-си-я! Ко-ми!» Ансамблю «Асья кыя» нередко доверяют и ответственное право выступать в самом конце различных праздников, таким образом оказывая честь поставить даже не точку, а три восклицательных знака в финале.

Заслуженный артист РК А.Брагин и Е.Домбровская

3.

Где бы ни показывал своё мастерство ансамбль – ему везде сопутствовал успех! По возвращении коллектива из гастрольных поездок, вслед ему, как правило, летят в Сыктывкар благодарственные письма, телеграммы, приглашения... И в каждом – слова признательности: «Благодарим Вас за сотрудничество. Мы и наша публика были очарованы качеством хореографии, постановок и красотой костюмов... Надеемся, что мы ещё увидимся». Над созданием костюмов для артистов ансамбля в разные годы трудились талантливые мастерицы – заслуженная артистка Тувинской АССР Алла Фролова, Наталия Григорьева и другие. Художника по костюмам, заслуженного работника культуры Тувинской и Коми АССР, Елизавету Аксельрод можно назвать первопроходцем в области создания стилизованного коми национального концертного костюма. Волшебство творила своими руками, придумывая эскизы сценических нарядов и воплощая их в жизнь, заслуженный деятель искусств Северо-Осетинской, Удмуртской и Коми АССР, заслуженная артистка Тувинской АССР, член Московского комитета художников-графиков Марина Барт. Тёплые слова признательности звучат не только в адрес артистов, руководства ансамбля и республиканской филармонии, но и в адрес Главы Республики Коми. После недавнего выступления «Асья кыя» в Кремле (в декабре 2008 г.) на имя Главы РК пришло официальное письмо от дирекции Кремлёвского дворца: «Выступление Государственного ансамбля песни и танца РК «Асья кыя» – одного из самых высокопрофессиональных коллективов нашей страны – стало достойным украшением концерта. Благодарим Вас и коллектив ансамбля».

4.

В 2005 году Госансамблю «Асья кыя» присвоено имя В. П. Морозова, заслуженного деятеля искусств Российской Федерации, лауреата Государственной премии Республики Коми, руководившего коллективом с 1974 по 1978 гг. и с 1988 по 2000 гг. С его именем связано качественно новое творческое направление, профессиональный рост ансамбля, масштабность и разнообразие концертных программ. Талантливый композитор, создатель музыки к концерту-спектаклю по легендам, преданиям и обрядам коми народа «Парма мойд», музыкального спектакля – сцен из жизни старого

города – «Усть-Сысольские святки» в соавторстве с М. Герцманом, музыкант и дирижёр, сценарист и режиссёр-постановщик, он органично соединил образ слышимый с образом видимым. Сочинённые и поставленные им произведения вошли в «Золотой фонд» ансамбля, принесли коллективу славу за рубежом.

Признание высокого исполнительского уровня Госансамбля «Асья кыа» подтверждается многочисленными наградами, Дипломами, кубками и призами, для которых даже пришлось создать при ансамбле собственный музей. Ансамбль «Асья кыа» является дипломантом и лауреатом Всесоюзных (1967, 1970), Всероссийских (1978, 1986) конкурсов, лауреатом премии Коми комсомола (1976) и Государственной премии им. В. Савина (1977). За годы своей деятельности ансамбль дал около десяти тысяч концертов как в Республике Коми, так и за её пределами, во всех регионах Российской Федерации. Участвовал в правительственные концертах в Кремлёвском Дворце съездов, во Всесоюзных фестивалях искусств «Русская зима», «Белорусская музыкальная осень», «Московские звёзды», культурных программах «Олимпиады-80» в Москве и VI Международного конгресса финно-угроведов в Сыктывкаре, Днях литературы и искусства Коми АССР в Москве и праздновании 850-летия Москвы, в 1-м и 2-м Всероссийских фестивалях народной культуры в Москве и Санкт-Петербурге. Этот прославленный коллектив – постоянный участник проходящих в Коми республике фестивалей «Мастера искусств – селу», «Печорские зори», «Пасха господня».

Ансамблю «Асья кыа» рукоплескали зрители зарубежных стран: Венгрии (1972), Болгарии (1975, 1983), Финляндии и Швеции (1979), Чехословакии (1979, 1987), ГДР (1985), Польши (1986), Югославии (1989), Голландии (1992, 1996), Германии (1996), Португалии (1997), Испании (1999, 2008), Бельгии (1996, 2005), Франции (1990, 1996, 1999, 2002, 2005, 2006).

В 2009 году ансамблю исполняется 70! Сегодня состав «Асья кыа» насчитывает 82 человека. Зрительскую любовь снискали заслуженные артисты Республики Коми: А. Смирнов, А. Чеботарев, Г. Бутырева, А. Брагин, О. Ваганов, Е. Жильцов, Л. Матросова, А. Титаренко, которые сейчас продолжают летопись ансамбля. В настоящее время оркестром руководит заслуженный артист Республики Коми Александр Титаренко, руководитель балета – Дмитрий Бушуев. Художественное руководство ансамблем осуществляет заслуженный артист Российской Федерации, заслуженный артист Республики Коми, лауреат Государственной премии Республики Коми Валерий Волохов.

При нынешнем руководителе ансамбль «Асья кыа», сохраняя богатейшее творческое наследие, продолжает своё развитие, успешно сочетая традиции и творческие эксперименты. Основным кредо ансамбля остаётся высочайшая культура – культура в исполнении, культура в бережном отношении к фольклору и его интерпретации, культура в выборе национального и современного репертуара. В 2007 году имя В. Волохова внесено в общероссийскую энциклопедию «Лучшие люди России».

Государственный ансамбль «Асья кыа»

* * *

Сегодня в Москве существуют и землячество Коми и НКО «Парма». Многие недоумевают, в чём разница этих двух организаций?

– НКО «Парма» возникла лет на десять раньше по инициативе уроженцев Коми края: кто родился там, вырос, кому дорога и близка коми литература, кто впитал, как говорится, с молоком матери традиции своего народа, его языка.

Но сегодня в Москве живёт и очень много тех, кто когда-то какое-то время работал в Коми республике, отдал ей свои лучшие годы, свой труд, свой талант. Полюбил эту землю, сроднился с ней. И захотел, чтобы связи с этой землёй поддерживались бы и сейчас. Поэтому было принято решение создать общество, которое бы объединяло в столице всех, кто так или иначе когда-то был связан с Коми. И тогда «Парма» вошла в состав большого землячества как его коллективный член. С тех пор мы все вместе. И работу ведём сообща, всегда поддерживающая друг друга.

* * *

В Сыктывкаре состоялась международная конференция «Журналистика как инструмент поддержки культурного, этнического, природного разнообразия финно-угорского мира».

В ней принимали участие журналисты из России и зарубежных стран, а также авторитетные российские эксперты.

В пленарном заседании по теме «Вклад финно-угорской журналистики в культурное, этническое и природное разнообразие регионов в России и других стран» выступил с одним из докладов и заместитель главного редактора журнала «Арт», кандидат филологических наук, П.Ф. Лимеров.

Конференция прошла под эгидой Финно-угорского культурного центра РФ и Союза журналистов России.

На конференции была учреждена Международная организация финно-угорских журналистов, о чём шёл разговор ещё на Конгрессе финно-угорских народов в Ханты-Мансийске (июнь, 2008).

* * *

С 27 апреля по 1 мая в Республике Коми шли Дни культуры Ненецкого автономного округа. Мероприятия состоялись в рамках Соглашения о сотрудничестве между округом и Республикой Коми.

27 апреля в 19.00 в Финно-угорском культурном центре Российской Федерации состоялось торжественное открытие Дней с презентацией деятельности Этно-культурного центра Ненецкого автономного округа. Наотовыставке А.Чупрова «Люди-ти живут. Старообрядчество на краю земли» можно было увидеть экспозицию головных уборов коми-ижемок, национальной одежды ненцев и коми, изделий декоративно-прикладного творчества ненецких мастеров.

В Центре народных ремёсел «Зарань» с. Выльгорт и в Национальном музее Республики Коми ненецкие мастера провели мастер-классы по изготовлению национальных кукол и нарт. С участием ненецкой поэтессы Лукерии Валей и пред-

ставителей окружных литературно-творческих групп в Коми культурном центре состоялся вечер «Современная литература Ненецкого автономного округа».

Мероприятия были организованы Финно-угорским культурным центром Российской Федерации совместно с Национальным музеем РК, Финно-угорским культурным центром РК, Центром народных ремёсел «Зарань», Центром коми культуры г. Сыктывкара, Гимназией искусств при Главе РК, Союзом писателей РК.

С.И. Белорусова

* * *

В Турку Улаккогалерее прошла совместная выставка финских и коми мастеров декоративно-прикладного искусства. Эта встреча стала как бы продолжением съектывкарской выставки «Зарни кияс – 2008».

Из Коми республики привезли свои работы Василий Попов и Майя Волкова. С финской стороны принимали участие те, кто летом прошлого года приезжал в Сыктывкар. Это ректор народного университета Каарика Оми Куусисто и его коллеги.

Они с удовольствием вспоминали о своём пребывании на Севере и показывали собравшимся свежий номер роскошного журнала «Арт», где была напечатана статья Олли Куусисто «Прекрасная Коми».

В.Рохин за работой.

Выставочный зал

Вместе с мастерами в Турку побывал и известный коми скульптор Владимир Рохин. Он и Майя Волкова дали мастер-классы на выставке в Турку и других районах юго-западной Финляндии.

Проект этой выставки осуществлялся в рамках Российско-Финляндского культурного форума.

Из газеты «Турди синомат» (Новость Турку)

* * *

23 апреля 1994 года постановлением Правительства Российской Федерации № 377 на территории республики был создан национальный природный парк «Югыд ва».

А в декабре 1995 года новый национальный парк обрёл международное признание: он был самым первым в России включён в список Мирового наследия ЮНЕСКО.

22 апреля в Национальной библиотеке Республики Коми прошёл информационный экологический час «Острова чистых зорь и непуганых зверей», посвящённый юбилейной дате Национального парка.

Читатели познакомились с охраняемыми природными территориями РК, а также с историей изучения и охраны природы в Национальном парке «Югыд ва». Библиотекари показали видеопрезентацию выставки литературы, посвящённой уникальному парку.

Сургутская весна

23–25 апреля в Сургуте прошло Всероссийское совещание молодых писателей. В нём приняли участие 75 молодых литераторов из Белгорода, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Тюмени, Челябинска, Омска, Орла, Перми, Оренбурга, Ханты-Мансийска, Кемерово, Сыктывкара, Ижевска, Новосибирска, Томска, Барнаула, Кирова, Кургана и других городов России.

Совещание проводилось в виде литературной учёбы по семинарам поэзии, прозы, детской литературы и критики.

Была отмечена возросшая результативность в работе областных писательских организаций Урала, Поволжья, Сибири и Центральной России по созданию благоприятных условий для развития творчества молодых литераторов. Особо подчёркнута роль и поддержка этой деятельности со стороны руководства субъектов РФ в Белгородской, Орловской, Свердловской, Челябинской, Тюменской, Кемеровской областях, Ханты-Мансийском АО, Республике Коми, Алтайском крае.

Нашу республику в Сургуте представляла поэт Елена Кепплин. Её произведения произвели впечатление на руководителей семинара известных поэтов А.Кердана, Н.Ягодинцеву, В.Молчанова, В.Фокина и других. Она рекомендована к приёму в Союз писателей России.

К декабрю 2009 года будет подготовлен к изданию сборник произведений участников совещания молодых литераторов «Сургутская весна».

Форум книгоиздателей

26–26 апреля в Санкт-Петербурге прошёл второй этап образовательного проекта «Развитие книгоиздания коренных финно-угорских народов», реализуемого при поддержке Финляндского культурного фонда, ООО «Издательство «Эностоне», общества имени Матиаса Кастрена и РМОО «Nuori Karjala».

Первый этап прошёл в Сыктывкаре и Саранске в феврале. В столице нашей республики в нём принимали участие представители издательств «Анбур», «Кола», «Эском», «Титул», а также учреждений, занимающихся издательской деятельностью. Вёл семинар руководитель проекта Веса Нииникангас.

В санкт-петербургском мероприятии приняли участие порядка 11 книгоиздателей из Марий Эл, Карелии и Коми, а также группа молодых активистов Общества ижоры и води. Нашу республику представляли заместитель редактора газеты «Коми му» Лариса Попова, директор издательства «Анбур» Валентина Трошева, редактор отдела производств журнала «АРТ», директор издательства «Кола» Николай Вахчин и литературный консультант Союза писателей Республики Коми Андрей Попов.

В ходе семинара его участники посетили IV книжную выставку-ярмарку «Санкт-Петербургский международный книжный салон», в работе которого приняли участие более 400 издательств полиграфических и книготорговых фирм, предприятий, культурных фондов из 12 стран. После чего на обсуждение был вынесен вопрос о выставке-ярмарке как форме работы и сотрудничества издательств. Кроме того, были прослушаны и обсуждены доклады председателя молодёжной общественной организации «Nuori Karjala» («Молодая Карелия») Наталии Антоновой, редактора ГУП «Издательство «Периодика» Елены Барбашиной, научного сотрудника музея антропологии «Кунсткамера», председателя Общества ижоры и води Ольги Коньковой. Особенно интересной была информация о работе со спонсорами и о новых технологиях, используемых в книгоиздании.

Участники семинара пришли к выводу, что книгоизданию коренных народов для выхода на новый уровень необходимо, прежде всего, образование: знания в области менеджмента, культуры, этнографии, а также современные компьютерные технологии. Говорили и о важности изданий финно-угорской литературы на двух языках: национальном и русском. Подчёркивалась мысль, что русский язык – это инструмент объединения, а не русификации, который поможет распространению информации о национальных особенностях финно-угорских народов среди большего количества людей.

Ещё один важный вывод семинара: выжить в современном мире может только образованный народ.

Слева направо: Алексей Цыкарев (Карелия) и
Веса Нииникангас (Финляндия).

Утверждён на заседании наблюдательного совета 13 мая 2009 г.
Протокол от 13.05.2009 г. № 4

**Отчёт автономного учреждения Республики Коми
«Редакция журнала «Арт»
о деятельности в 2008 году**

№ п/п	Наименование показателя деятельности	Едини- ца изме- рения	Отчётный год	Год, пред- шест- вующий отчёту- ному
1	2	3	4	5
1.	Исполнение задания учредителя	%	<i>Автономное учреждение Республики Коми «Редакция журнала «Арт» создано путём изменения типа существующего государственного учреждения Республики Коми «Редакция журнала «Арт» «03» июля 2008 г. Исходя из этого, задание учредителя впервые было установлено на 2009 г. На 2007-2008 гг. задание не устанавливалось.</i>	
2.	Осуществление деятельности, связанной с выполнением работ (оказанием услуг), в соответствии с обязательствами перед страховщиком по обязательному социальному страхованию	%	—	—
3.	Среднегодовая численность работников учреждения	человек	9 <i>«Данные представлены за 2008 г. в целом с учётом деятельности ГУ РК «Редакция журнала «Арт» и АУ РК «Редакция журнала «Арт».</i>	—
4.	Средняя заработная плата работников учреждения	тыс. руб.	13,9 <i>«Данные представлены за 2008 г. в целом с учётом деятельности ГУ РК «Редакция журнала «Арт» и АУ РК «Редакция журнала «Арт».</i>	—
5.	Объём финансового обеспечения задания учредителя	тыс. руб.	<i>Финансовое обеспечение не предоставлялось в связи с отсутствием задания учредителя (см. п. 1.)</i>	
6.	Объём финансового обеспечения развития учреждения в рамках программ, утверждённых в установленном порядке	тыс. руб.	—	—

7.	Объём финансового обеспечения деятельности, связанной с выполнением работ или оказанием услуг, в соответствии с обязательствами перед страховщиком по обязательному социальному страхованию	тыс. руб.	_____	_____
8.	Общая сумма прибыли учреждения после налогообложения	тыс. руб.	94,0 «Данные представлены за 2008 г. в целом с учётом деятельности ГУ РК «Редакция журнала «Арт» и АУ РК «Редакция журнала «Арт».	_____
9.	Общее количество потребителей, воспользовавшихся услугами (работами) учреждения	единиц	5600	_____
	в том числе бесплатными, в т.ч. по видам услуг:	единиц	_____	_____
	частично платными, в т.ч. по видам услуг (работ): освещение социально-значимых проектов	единиц	5600 5600	_____
	платными, в т.ч. по видам услуг (работ): - издание книг - проведение конкурсов - размещение рекламы - размещение объявлений - размещение официальных материалов органов государственной власти, органов местного самоуправления и пр.	единиц	2001 2000 1 _____	_____
10.	Средняя стоимость получения платных услуг (работ) для потребителей по видам: - издание книг - проведение конкурсов - размещение рекламы - размещение объявлений - размещение официальных материалов органов государственной власти, органов местного самоуправления и т.п.	тыс. руб. за экземпляр тыс. руб. за единицу	0,3 50,9 _____	_____

11.	Средняя стоимость получения частично платных услуг (работ) для потребителей, в т.ч. по видам: освещение социально-значимых проектов	тыс. руб. за полосу формата 70x100 $\frac{1}{16}$ тыс. руб. за полосу формата 70x100 $\frac{1}{16}$	0,2 0,2	
12.	Учредитель учреждения	<i>Функции учредителя осуществляют Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям и Агентство Республики Коми по управлению имуществом</i>		
13.	Виды деятельности учреждения	<ul style="list-style-type: none"> - подготовка, выпуск и распространение средства массовой информации и его приложений; - рекламная, информационная, издательская деятельность; -оказание информационных услуг. 		
14.	Перечень разрешительных документов, на основании которых учреждение осуществляет деятельность (вид, дата выдачи, №, срок действия)	<p><i>Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26177 от 10 ноября 2006г., выданное Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.</i></p> <p><i>Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009г., выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций</i></p>		
15.	Состав наблюдательного совета учреждения (ФИО, должность)	<p><i>Куликанова О.А. – первый заместитель руководителя Агентства Республики Коми по печати и массовым коммуникациям;</i></p> <p><i>Карабанова М.Г. – заведующая сектором методологии учёта и функций финансирования деятельности Агентства Республики Коми по печати и массовым коммуникациям;</i></p> <p><i>Лимеров П.Ф. – заместитель главного редактора журнала «Арт»;</i></p> <p><i>Габов С.И. – Председатель МОД «Коми войты»</i></p>		

Отчёт составлен и опубликован согласно части 10 статьи 2 ФЗ РФ № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» и Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении правил опубликования отчётов о деятельности автономного учреждения и об использовании закреплённого за ним имущества» от 18.10.2007 г. № 684.

Summary

This issue of «ART» is opened with the section entitled «*Коми кывлён eo*» («*The Year of the Komi Language*»). This section contains various materials that disclose this topic, among them the article about the role and significance of the Komi language, written by V. Latysheva and supplemented by comments from her students. A. Shebyrev's poetry and E. Rochev's prose reveal the new facets of the Komi language to the reader. The key publication of this section and probably of the whole issue is the «Lament for Mother» by D. Ignatova, a talented howler from Upper Vychegda.

The literary section introduces the selection of verses by E. Karpov, E. Suvorov and V. Tsivounin. Previously unpublished verses by V. Kushmanov are also included to this section in connection with the 70th anniversary of the poet's untimely death.

In the year 2009 we celebrate the 170th birthday of the first Komi poet I.A. Kuratov. Therefore a special section with new materials related to I.Kuratov's life and work is added to this issue of «ART». The selection of Kuratov's verses «Songs of Zyryans» compiled for this issue by V.A. Limerova presents interest to readers as it was the first published work during the poet's life. This section also contains the articles, written by Kuratov's contemporaries. The article by A. Panyukov «The reason is unanswered love» tells the readers about the girl named Alexandra, who inspired I. Kuratov for some of his poems. A well-known researcher of I. Kuratov's literary work Prof. G.I. Tiraspol'skiy shares his thoughts about the literary heritage of I. Kuratov. New interpretations of I. Kuratov's verses are suggested by P.F. Limerov in his article «Eschatological motifs in I. Kuratov's poetry».

«ART-Fact» section is dedicated to two memorable dates of this year. The first one is the 80th anniversary of the well-known Komi sculptor V. Mamchenko (the article «Insane and stubborn, I believed in spirit...» by O. Orlova). The second article «Icon-painting, wooden carved plastic arts, copper ornamental castings» by N. Plaksina is devoted to the release of the Catalogue on icon-painting.

The issue is traditionally finished by the «Reviews. Surveys» section with the news of the cultural life of the Komi Republic. The CD with Alexandra Misharina's verses is attached to the magazine.

Translated by A. Atrashkevich

Summary

The year 2009 has been announced as the Year of the Komi Language. The Government of the Komi Republic has scheduled various events, which will encourage the native language development.

The brand new section «The Year of the Komi Language» with the speech of the Komi writer Gennady Yushkov addressed to the readers opens the first issue of «ART» in 2009.

This year is abundant in anniversaries. We celebrate the 100th anniversary of the well-known Komi prose writer Yakov Rochev, the 170th anniversary of the first Komi poet Ivan Kuratov and the 120th anniversary of the famous American sociologist and our compatriot Pitirim Sorokin.

Every issue of «ART» will cover one of these memorable dates. The first issue includes the passages from the book «Three Main Tendencies of Our Times» by P.Sorokin. One can also read the studies of Y.Rochev's literary works prepared by V.Limerova.

«ART-Fact» section comments on the new exhibitions of T.Vasilieva and S.Tot (Hungary).

This year «ART» will continue the tradition of CD releases. This time you will find a CD with Gennady Yushkov's verses enclosed.